

СОЧИНЕНИЯ

СМАЙЛЬСА

ТОМЪ 6.

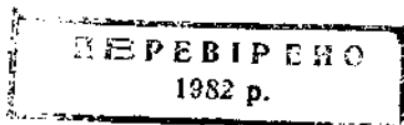
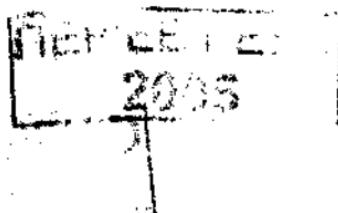
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

0-50

1957

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ САМУИЛА СМАЙЛЬСА

—
ТОМЪ ШЕСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
САМУИЛА СМАЙЛЬСА

въ шести томахъ

подъ редакціею

М. Н. НИКОЛЬСКАГО

съ біографіей и портретомъ Сам. Смайльса.

тому шестой

225630

изданіе

поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.
1903

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

Дозволено цензурою. Спб., 15 декабря 1903 г. Редакторъ П. М. Ольхинъ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАТУРАЛИСТА ТОМАСА ЭДВАРДА.

ГЛАВА I.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ.

Томасъ Эдвардъ родился въ первый день Рождества 1814 г. въ предмѣстьѣ Портсмута—Госпортъ. Отецъ его, —Джонъ Эдвардъ, былъ простымъ рядовымъ въ ополченіи округа Файфшира. Вскорѣ послѣ того какъ его завербовали въ милиціонеры въ г. Купарѣ, онъ отправился въ Абердинъ, чтобы присоединиться къ своему полку. Во время его пребыванія въ этомъ городѣ, Джонъ познакомился съ Маргаритой Матчель, мѣстной уроженкой, на которой вскорѣ и женился.

Спустя немногого послѣ женитьбы Эдварда, полкъ его былъ назначенъ въ Портсмутъ; война на континентѣ подходила къ концу, и ополченскіе отряды переходили по всей странѣ изъ конца въ конецъ. Регулярныя войска по большей части уже оставили Англію, чтобы встрѣтить армію Наполеона на полуостровѣ и въ Нидерландахъ. Милиція была расположена лагерями вдоль берега или же собрана въ гарнизоны, чтобы стеречь и охранять плѣнныхъ французовъ, содержавшихся въ оцѣпленіи. Такимъ образомъ милиціонеры Файфшира очутились въ Госпорѣ—подъ Портсмутомъ, гдѣ и родился герой нашего повѣствованія.

Послѣ битвы при Ватерлоо, когда въ Европѣ наступилъ миръ, англійская армія вернулась на родину. Ополченское войско не нужно было болѣе для исполненія гарнизонной

службы, и большая часть его была отпущена по домамъ. Отрядъ Эдварда былъ отосланъ въ Файфширъ и размѣстился въ городѣ Купаръ. Въ это время семья Джона Эдварда жила въ селеніи Кеттель, около шести миль къ юго-западу отъ города. Поселились они тамъ потому, что это была родина Джона, и въ селеніи у него было много родныхъ.

Наконецъ, ополченіе было совершенно отпущено, и Джонъ вернулся къ своимъ и принялся въ Кеттель за свое ткацкое ремесло. Спустя нѣкоторое время, однако, онъ рѣшилъ перебраться въ Абердинъ; женѣ не нравилось ни мѣсто, ни люди; въ сущности Кеттель была не болѣе какъ отжившая свой вѣкъ солнная деревушка: народъ тамъ былъ бѣденъ и работу найти было трудно. Въ силу всего этого, не долго нужно было уговаривать Эдварда переселиться въ Абердинъ, гдѣ жена его была между своими и гдѣ представлялось болѣе возможности найти лучшій заработокъ для поддержанія увеличивающейся семьи.

Пріѣхавъ въ Абердинъ, Джонъ Эдвардъ устроился со своей семьей въ одномъ изъ стариннѣшіхъ кварталовъ города—въ Гринъ. Домикъ ихъ находился при началѣ улицы, наверху; ниже виднѣлись остатки старинаго Грина, а въ концѣ улицы, подъ горой, протекалъ Денбурнъ. Тамъ находились и острова, при устьѣ р. Ди, ежедневно омываемые приливомъ.

Съ той поры наружность этой части Абердина совершенно измѣнилась. Желѣзныя дороги изгладили много сльдовъ старинныхъ городовъ *). Въ настоящее время Гринъ

*) Нѣкоторые древніе писатели того мѣвія, что собственно «Гринъ» и есть мѣсто древняго Абердива. Особенно Самуэль Форбсъ въ своемъ «Description of Aderdeenchire» (1715) говоритъ: «Отъ упомянутой главной улицы идетъ другая, въ южномъ направлениі, которая хотя не прямо, но тоже приводить къ городскимъ церквамъ и оканчивается красивой, широкой улицей, плоской, называемой Гринъ, мѣсто древняго города; тутъ рѣка Ди принимаетъ маленьку рѣчку, по имени Денбурнъ и на ней мостъ съ тремя арками». (Turreff's Antiquarian Gleanings, 290).

покрыть домами, конторами, тамъ-же станція Абердинской желѣзной дороги, ея пакгаузы, подъездные пути и всевозможныя желѣзнодорожныя постройки. Довольно красивый мостъ перекинутъ черезъ Гринъ, составляя теперь часть Уніонъ-Стрита; роскошный отель господствуетъ надъ всѣми этими привозжальными строеніями.

Въ этомъ-то Гринъ, такомъ, какимъ онъ былъ 60 лѣтъ назадъ и выросъ у своихъ родителей Томасъ Эдвардъ. Трудно сказать, почему именно сдѣлался онъ натуралистомъ; онъ самъ говорилъ, что не могъ бы никакъ этого объяснить.

Различныя вліянія опредѣляютъ направление вкусовъ къ тому или другому у дѣтей. Мальчики, выросшіе въ деревнѣ, обыкновенно любятъ птицъ и разоряютъ птичіи гнѣзда, а девочки, живущія дома, любятъ куколъ и берегутъ ихъ. Но у Томаса была болѣе чѣмъ простая мальчишеская любовь къ разнымъ живымъ существамъ. Ему бы хотѣлось жить между ними, приручить ихъ всѣхъ, быть постоянно окруженнymъ животнымъ міромъ.

Съ самого рожденія уже съ нимъ было трудно управляться. Мать говорила, что это былъ самый несносный изъ вырошенныхъ ею дѣтей, потому что не оставался ни одной минуты въ покое, словно ножки его были на пружинахъ. Будучи всего около четырехъ мѣсяцевъ отъ роду, онъ какъ-то сползъ съ рукъ матери, дѣлая напрасныя попытки поймать какую-то муху, жужжавшую у окна. Мать едва успѣла схватить за его длинное платьице, чтобы удержать его отъ паденія на полъ. Ходить онъ началъ, когда ему было едва лишь десять мѣсяцевъ, и кричалъ если кто-либо пытался поддержать его. Такимъ образомъ росъ онъ, наблюдая и разматривая все, и вмѣстѣ росли въ немъ и любовь, и интересъ ко всему живому.

Позднѣе, на вопросъ, какъ зародилась въ немъ любовь къ естественной исторіи, онъ говорилъ: «Я полагаю, что она зародилась въ томъ самомъ внутреннемъ побужденіи,

которое заставляло меня ловить мухъ на окнѣ. Это сокровенное нѣчто, это двойное бытіе—или называйте, какъ вамъ угодно,—присущее всѣмъ намъ, употребляемое нами равно и на дурное, и на хорошее, это-то именно скрытое нѣчто, заставлявшее безсознательного младенца ловить первое, безъ сомнѣнія, видѣнное имъ живое существо, со временемъ выросло во взрослому человѣку въ непобѣдимую страсть и породило въ немъ ненасытное стремленіе къ этому миру животныхъ и серьезное желаніе быть постоянно среди нихъ. Это единственная причина, которую могу я привести въ объясненіе моей любви къ природѣ. Никакой другой я не знаю».

Живи еще въ деревнѣ, мальчикъ началъ ходить и погружился со всѣми собаками и кошками въ домъ. Вскорѣ онъ былъ уже въ состояніи переваливаться и за двери своего жилья и пожелалъ свести знакомство со всѣми пѣтухами, курами и утками, которыхъ въ деревнѣ было множество. Но всѣ они разбѣгались обыкновенно ранѣе, чѣмъ онъ успѣвалъ добраться до нихъ, чтобы ихъ приласкать.

Тамъ было, впрочемъ, существо гораздо болѣе опасное, съ которымъ мальчику тоже хотѣлось поближе познакомиться, а именно — большая свинья «Бэть» съ цѣлой семьей поросятъ, къ которой Томъ не могъ перелѣзть чрезъ загородку, но очень любилъ смотрѣть на нее черезъ изгородь. Свинья эта была известна какъ очень злая, особенно когда бывала съ поросятами, поэтому мать Эдварда ужасно боялась, чтобы она не покусала руки или даже лица ребенка въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на поросль сквозь щели хлѣва. Мать часто предостерегала сынишку, чтобы онъ не подходилъ слишкомъ близко, но эти предостереженія пропадали даромъ и зачастую, на вопрось—«гдѣ-же Томъ?» получался отвѣтъ—«да онъ тамъ, съ поросятами».

Однажды мальчуганъ исчезъ. Всѣ курятники, хлѣвы, конюшни и всѣ уголки на деревнѣ были обысканы, но

напрасно: Тома нигдѣ не было. Мальчику тогда было не болѣе года,—далеко уйти онъ не могъ. Кто-то высказалъ предположеніе — не украдли ли его цыгане. Припомнили, что видѣли нѣсколькихъ мѣдниковъ, бродившихъ по деревнѣ въ тотъ день, и тотчасъ же сообразили, что, вѣроятно, они и увлекли ребенка, заманивъ его обманомъ. Это, къ тому же, и не было особенно неправдоподобно: Адамъ Смитъ, авторъ извѣстнаго сочиненія «Wealth of Nations» былъ обманомъ уведенъ цыганкой нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, будучи еще ребенкомъ, а подобныя происшествія всегда вадолго запечатлѣваются въ народной памяти. Плачъ и крикъ поднялся по деревнѣ по поводу украденного цыганами ребенка. Извѣстно было, что они расположились недалеко, миляхъ въ трехъ отъ деревни. Дядя Тома и еще трое сосѣдей вызвались, рано поутру, на слѣдующій день пойти туда. Къ вечеру сосѣди разошлись по домамъ, за исключеніемъ двоихъ, оставшихся съ матерью, которая просидѣла всю ночь у огня—долгую, печальнную, мучительную ночь! Раннимъ утромъ мужчины отправились въ путь. Они нашли цыганскій тaborъ и заявили тамъ о возвращеніи имъ украденнаго вчера ребенка. — «Что такое?—сказалъ предводитель цыганъ,—мы не воруемъ дѣтей. Мы никогда не занимались такимъ безчестнымъ дѣломъ; но такъ какъ вы уже здѣсь, то посмотрите лучше сами». Когда крестьяне въ своихъ поискахъ переходили изъ шатра въ шатерь, женщины и девушки всего тaborа напали на нихъ и избили ихъ какъ только могли; не имѣвшія никакого орудія, ни палки, пускали въ дѣло ногти! Такимъ образомъ, они въ самомъ плачевномъ видѣ вернулись въ деревню, но безъ ребенка.

Надежда найти Тома въ этой сторонѣ, значить, была потеряна; нѣсколько человѣкъ крестьянъ готовы уже были идти на розыски въ другую сторону. Но въ ту минуту всеобщее вниманіе было привлечено крикомъ, раздавшимся за домомъ. Взоры всѣхъ обратились къ дверямъ, которыя

отворились и въ нихъ вбѣжала скотница, бросившая, безъ всякаго предупрежденія, ребенка прямо на колѣни матери:—«Вотъ, женщина, твой мальчуганъ, но только, ради Бога, держи его подальше, а то въ слѣдующій разъ можетъ быть хуже!» — «Но гдѣ-же онъ былъ?» — спрашивали въ одинъ голосъ присутствовавшіе. «Да гдѣ-же ему и быть, какъ не подъ свиньей съ поросятами» *).

Когда семья переселилась въ Абердинъ, молодой Эдвардъ уже пользовался извѣстностью. Мѣсто, гдѣ поселилась семья Эдварда, было на окраинѣ города. Мальчикъ могъ свободно бродить по окрестностямъ, по дорогѣ въ Ферритиль и по берегу Ди. Близехонько были тутъ и острова—не теперешніе—но прекрасные, зеленые, такіе, какими они были 60 лѣтъ назадъ, покрытые зыблющейся морской травой, прекрасными морскими маргаритками и цынготной травой. Островки раздѣлялись безчисленными каналами и канавками, которые наполнялись во время морскихъ приливовъ. Это были излюбленныя мѣста для угрей, крабовъ, раковъ и червей. На этихъ же островахъ, между прочимъ, сваливали городской мусоръ, въ грудахъ котораго водилось несмѣтное количество крысъ, всевозможныхъ жуковъ, разнороднѣйшихъ мухъ и воробьевъ. Къ тому же Денбурнъ, протекавшій у подножія Грина, безъ конца кишѣлъ піявками, головастиками, лягушками и прочими существами, которыми изобилуютъ какъ проточныя, такъ и стоячія воды. Мальчикъ ежедневно игралъ на этихъ мѣстахъ и приносилъ домой разныхъ «ядовитыхъ звѣрей», какъ ихъ называли сосѣди. Въ началѣ это были только

*) Тутъ возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ ребенокъ могъ очутиться съ поросятами? Перелѣзть изгородь самъ онъ не могъ: кто-нибудь долженъ былъ его перекинуть. У отца Тома была въ деревнѣ одна дѣвушка, которую онъ бросилъ ради Маргариты Митчель. Предполагаютъ, что она-то и перебросила Тома черезъ изгородь, оставивъ его съ поросятами, вѣроятно, съ цѣлью отомстить бывшему своему возлюбленному.

головастики, жуки, улитки, лягушки и маленькие зеленые краббы, но когда Томъ сталъ подрастать, то уже приносилъ съ собой водяныхъ ящерицъ, піявокъ, крысятъ, полевыхъ и домашнихъ мышей, ежей, кротовъ и птицъ съ ихъ гнѣздами.

Птицъ и рыбъ еще можно было какъ-нибудь держать и сохранять дома, но не такъ то легко было придумать надежное мѣсто или загородку для піявокъ, крысъ и тому подобныхъ животныхъ, который частенько разбѣгались по соседнимъ домамъ, где вовсе не были желанными гостями.

Сосѣди жаловались на нашествіе вредныхъ созданій, приносимыхъ постоянно молодымъ натуралистомъ. Случалось, что піавки, вползая кому-либо на ноги, присасывались и начинали пить кровь, ежи и крысы разбредались по комнатамъ, а кроты и мыши искали себѣ норъ.

На мальчика стали жаловатьсяся. Мать повыбрасывала всехъ его краббовъ, піявокъ и птицъ и ему строго было запрещено приносить что-либо подобное съ собой въ домъ. Но это было напрасно. Слѣдующій же разъ онъ принесъ со своей прогулки опять такую же массу всякихъ «звѣрей», какъ и прежде. Тогда ему пригрозили тѣлеснымъ наказаніемъ. Но въ тотъ же вечеръ онъ принесъ цѣлое гнѣздо маленькихъ крысятъ. Его высѣкли. Но и это не принесло пользы. Болѣзнь, если это можно такъ назвать, настолько глубоко вкоренилась въ ребенка, что не поддавалась никакимъ внѣшнимъ мѣропріятіямъ. И такъ было постоянно.

Такъ какъ слова и съченіе не привели ни къ какому результату, то рѣшено было держать его какъ можно больше дома. Отецъ его, бывшій ткачомъ, уходилъ изъ дома рано поутру и возвращался лишь поздно вечеромъ; завтракъ и обѣдъ ему относили въ мастерскую. Мать, которая должна была еще, помимо всей домашней работы, наматывать для отца шпульки, часто выходила, а какъ только она исчезала за дверью, Томъ бѣжалъ на острова. Если кто-либо дѣлалъ матери замѣчаніе относительно ея

небрежности въ присмотрѣ за сыномъ, котораго надо бы построже держать, она отвѣчала: «Не могу же я всегда за нимъ ходить по пятамъ».

Иногда, уходя, мать оставляла его качать люльку, но возвращаясь домой, она уже не заставала никого при люлькѣ. Если она заставляла Тома присмотрѣть и поиграть съ младшими дѣтьми, — онъ очень скоро исчезалъ, оставляя ихъ играть однихъ.

Если случалось, что ему давали какое-либо порученіе, то рѣдко можно было надѣяться на его исполненіе: мальчикъ отправлялся на свои любимыя мѣста, не обращая вниманія на важность порученного ему дѣла. Однажды послали его отнести завтракъ. Вместо того, чтобы идти въ мастерскую, онъ отправился, съ двумя другими мальчиками, въ Стокетъ, — за нѣсколько миль отъ города — это было прекрасное мѣсто, полное птицъ и птичьихъ гнѣздъ. Мальчуганы провозились тамъ цѣлый день и вернулись домой только къ вечеру. Отецъ, конечно, не получилъ своего завтрака, который былъ съѣденъ Томомъ и его товарищами.

Въ наказаніе за всѣ подобные проступки, мальчику однажды утромъ объявили, что онъ будетъ заперты дома на цѣлый день. Это было ужасное наказаніе, въ особенности для Тома. Ему дали только часть его одежды, чтобы онъ не могъ уйти изъ дома, а для большей безопасноти мать крѣпко-на-крѣпко привязала его къ ножкѣ стола цѣлымъ пучкомъ толстыхъ нитокъ; она еще связала ему и ручонки обрывкомъ веревки. Уходя изъ дома, по хозяйству, она оставила маленькую сестренку караулить преступника. Но Томъ избавился отъ своихъ оковъ съ искусствомъ, достойнымъ братьевъ Давенпортовъ. Наполовину угрозами, наполовину обѣщавіями заставилъ онъ сестру прийти къ нему на помощь: соединенными усилиями придинули они столъ къ каминной решеткѣ и, всунувъ чинки, которыми были связаны его ноги, между прутьями

рѣшетки, быстро захватили ихъ, и мальчикъ былъ освобожденъ. Всѣдѣ за тѣмъ онъ началъ искать свое платье, но мать запрятала его куда-то очень тщательно; Томъ нашелъ куртку своего старшаго брата, правда слишкомъ широкую для себя, но тѣмъ не менѣе надѣлъ ее.

Въ ту минуту раздались на лѣстницѣ шаги возвращавшейся матери. Томъ спрятался за дверью такъ, чтобы можно было ускользнуть, какъ только взойдетъ мать. Дверь открылась, и мать вошла съ крикомъ ужаса: столь горѣть, и черезъ нѣсколько минутъ весь домъ могъ бы быть въ огнѣ. Погасивъ концы горѣвшихъ нитокъ, обмотанныхъ вокругъ его ногъ, Томъ второпяхъ забылъ потушить другую половину нитокъ, прикрепленныхъ къ ногамъ стола: отъ нихъ занялся и столь. Но Томъ уже убѣжалъ и провелъ на свободѣ прекрасный день въ дома. Положимъ, что его ожидала очень теплая встрѣча по возвращенію,—но обѣ этомъ лучше умолчимъ.

Въ концѣ-концовъ, мальчикъ былъ признанъ совершенно неисправимымъ; онъ былъ слишкомъ рѣшительный, упрямый и своеольный. Такъ какъ нельзя было ни удержать его дома, ни давать ему никакихъ порученій, потому что онъ убѣгалъ постоянно за своими «звѣрями», то отецъ рѣшилъ отобрать отъ него совершенно платье. И, въ одно прекрасное утро, уходя въ мастерскую, онъ взялъ все его платье съ собою. Когда мальчуганъ проснулся и не нашелъ ничего изъ своей одежды, онъ пришелъ въ отчаяніе. Мать, найдя кусокъ какой-то старой юбки, обернула его и, завязавъ кое-какъ вокругъ его шейки, былаувѣрена, что сегодня то ужъ онъ будетъ плѣзаникомъ на цѣлый день. Не тутъ то было! Матери понадобилось уйти за молокомъ и оставить Тома одного дома. Онъ подпоясался какой-то веревочкой, чтобы получить нѣсколько большую свободу движеній и вышелъ вслѣдъ за матерью. Какъ только, спустившись по лѣстницѣ, она скрылась за входной дверью, онъ открылъ ее въ свою очередь и пустился по улицѣ,

чтобы поскорѣй приняться за свою любимую охоту на краббовъ, лягушекъ и піявокъ.

Отецъ, вернувшись вечеромъ домой съ платьемъ Тома въ рукахъ, окинувъ взглядомъ комнату и спросивъ: «Онъ въ постели?»—«Нѣтъ».—«Гдѣ-же онъ?»—«Я оставила его здѣсь, уходя за молокомъ на минуту, но когда вернулась—его уже не было; какъ онъ ушелъ — черезъ окно или въ трубу—этого уже не могу объяснить».—«Развѣ ты дала ему какое-нибудь платье?»—«Нѣтъ».—«Удивительно!»—воскликнула отецъ, опускаясь на свой стулъ. Онъ былъ окончательно опшеломленъ. Ужинъ напрасно ожидалъ его: онъ не могъ къ нему прикоснуться.

Черезъ нѣсколько времени вошла въ комнату сосѣдка, со словами: «Мэгги, онъ пришелъ!»—«Ахъ, бездѣльникъ!—сказала мать, — да вѣдь онъ могъ умереть за это время! что намъ съ нимъ дѣлать?! О, г-жа Кельманъ, онъ просто надрываетъ мое сердце; подумайте только, что онъ цѣлые дни проводитъ безъ пищи. Вѣдь зачастую онъ уходитъ до завтрака, и мы насилиу дождемся его къ ночи домой. Вѣдь сегодня онъ пробылъ весь день почти голый!.. Но вѣдь не можемъ же мы ему позволить собирать всѣхъ этихъ «гадовъ!»—«Ему скоро надоѣсть это,—сказала сосѣдка Кельманъ, тѣмъ болѣе, что вы этого не любите». — «Нѣтъ,— проворчалъ Джонъ Эдвардъ,—я его посажу на цѣпь дома и увидите, что это его охладитъ!» — «Но только сегодня вечеромъ не трогайте ужъ его, Джонъ»,—проговорила г-жа Кельманъ.

«Непремѣнно посажу его на цѣпь, но гдѣ онъ, приведите его сюда!»—продолжалъ старый Эдвардъ.—«Онъ у меня дома»,—отвѣтила сосѣдка. Но Томъ, между тѣмъ слѣдовавшій за ней по пятамъ и слышавшій все, что о немъ говорили, вошелъ въ комнату.

— «Далеко-ли это ты былъ, сынишка?»—спросила мать.
— «На Тейблъ!»

Отецъ, глядя на мальчугана, обернутаго какой-то юб-

кой и вымазанного иломъ, въ которомъ возился, не могъ удержаться отъ смѣха и, откинувшись на спинку стула, разразился хохотомъ и смѣялся чуть не до изнеможенія.— «Не гляди, мальчикъ мой негодный, на меня такими удивленными глазами,— сказала мать,— вѣдь это твой погибшій видъ заставляетъ отца хохотать. И надо же тебѣ было ходить такую даль, лазить по этимъ грязнымъ мѣстамъ и въ такомъ видѣ возвращаться домой!»

Она взяла Тома на руки, обчистила и обмыла его и уложила въ кровать. На слѣдующее утро отецъ, прежде чѣмъ уйти, подошелъ къ его кровати и сказалъ: «Если вы и сегодня, сударь, попытаетесь уйти, то я посажу васъ на цѣпь!» — «Но,— возразилъ Томъ, — у васъ нѣть собачьей конуры!» — онъ не могъ себѣ представить никого посаженного на цѣпь, иначе какъ дворовыхъ собаки. «Ничего не значить,— сказалъ отецъ,— вы все-таки будете посажены на цѣпь!»

Но у мальчика въ тотъ день и охоты не было вставать; ему поперемѣнно было то жарко, то холодно. Когда онъ попробовалъ подняться послѣ полудня, то ему такъ нездоровилось, что онъ снова легъ. На слѣдующій день ему было хуже: онъ метался и началъ бредить, вспоминая все своихъ звѣрушекъ и птичекъ. Потомъ онъ пересталъ говорить. Ротикъ его сдѣлался клейкимъ и язычекъ почернѣлъ. Нѣсколько недѣль ребенокъ былъ между жизнью и смертью. Наконецъ жаръ прошелъ, но Томъ былъ совершенно безъ силъ.

Однажды, когда онъ уже сталъ немного оправляться, онъ замѣтилъ, что мать сидитъ около его кровати. — «Мама,— сказалъ онъ,— гдѣ краббы и червячки, которыхъ я принесъ вчера вечеромъ домой?» — «Что ты городишь? какие краббы и червячки, когда ты уже третій мѣсяцъ не выходишь изъ дома?» Это превышало пониманіе мальчика. Слѣдующій его вопросъ былъ: «А что, отецъ досталь теперь цѣпь?» — «Нѣть, мальчуганъ, и не будетъ доста-

вать, но только ты не долженъ возвращаться опять на твои прежнія мѣста и ловить твоихъ гадкихъ «зверей».

— «Но гдѣ-же все мои *вещи*, мама?» — «Все выброшены. Мы нашли еще двѣ битые бутылки въ тотъ день, какъ ты заболѣлъ, и тоже обѣ выкинули». — «А землеройка, кото-
рая была въ ящичкѣ?» — «Кошка ее сѣла».

Мальчикъ расплакался, потомъ уснулъ и не просы-
пался до слѣдующаго утра, когда почувствовалъ себя зна-
чительно бодрѣе. Однако, онъ все-таки продолжалъ раз-
спрашивать о своихъ животныхъ.

Отецъ, войдя какъ то, увидѣлъ, что мальчикъ припод-
нимается, упираясь на локти, и сказалъ ему: «Вставай-ка, мальчуганъ, ты уже давно не выходишь; морскія свинки и
шашки вѣрно уже давно соскучились по тебѣ». Маль-
чикъ взглянулъ на мать, улыбнулся, но ничего не ска-
залъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ въ состояніи под-
няться съ постели, но весна уже была въ полномъ раз-
гарѣ, прежде чѣмъ онъ могъ выходить изъ дома.

Тогда выздоровленіе пошло быстро. Съ каждымъ
днемъ онъ могъ ходить все дальше и дальше. Сначала онъ гулялъ только по берегу, потомъ сталъ бродить по всѣмъ окрестностямъ. Онъ узналъ все лѣса, рощи; зналъ все изгороди, ручьи, мельничныя плотины, все мѣста, гдѣ гнѣздились птицы; зналъ каждую ямку, каждое деревцо
около Абердина. Если кто-либо изъ мальчиковъ не находилъ гнѣзда, все знали, что его взялъ «этотъ негодный Эдвардъ», за это его и поколачивали, несмотря на то, что ему было
всего лишь четыре года.

Изъ самыхъ любимыхъ его прогулокъ были каменоломни
и День. Тамъ гнѣздились во множествѣ птицы и была
масса полевыхъ цвѣтовъ; но въ каменоломню онъ прихо-
дилъ, главнымъ образомъ, чтобы собирать кусочки бле-
стящаго кварца и слюды. Онъ зналъ, какъ птицы вьють
себѣ гнѣзда, зналъ, какъ произрастаютъ изъ земли цвѣты
и травки, но не зналъ, какъ вырастаютъ скалы. Онъ спро-

силъ обѣ этомъ своихъ родителей; они ему сказали, что эти горы существовали съ самаго начала. Это его не удовлетворило и мальчикъ рѣшилъ спросить одного изъ рабочихъ каменоломни, которые, конечно, должны были знать какъ вырастали скалы. — «Какъ растутъ горы?» спросилъ Томъ однажды одного изъ рабочихъ. — «Что вы говорите?» Мальчикъ повторилъ свой вопросъ. — «Убирайся ты къ чорту, нахальный мальчуганъ, или ты вылетишь у меня вверхъ ногами изъ каменоломни!» Томъ безъ оглядки бросился бѣжать.

Свѣдѣнія Тома касательно птицъ и ихъ гнѣздъ привлекали многихъ мальчиковъ, желавшихъ сопровождать его въ его экспедиціяхъ. Но онъ ходилъ, обыкновенно, совершенно забывая о времени, пока не становилось уже очень поздно. Въ такихъ случаяхъ родители мальчугановъ очень беспокоились за нихъ, и, зная, что Томъ Эдвардъ былъ причиной ихъ долгаго отсутствія изъ дома, они запретили дѣтямъ въ другой разъ сопровождать его. Когда потомъ онъ звалъ ихъ идти съ нимъ, то получалъ въ отвѣтъ: «Какъ можно ходить съ вами, если вы никогда не приходите домой!» Даже если Тому удавалось залучить кого-либо себѣ въ товарищи на прогулку, то онъ все-же возвращался уже одинъ.

Однажды, однако, онъ все-же собралъ нѣсколько мальчиковъ, съ которыми и отправился въ лѣсъ, мили за двѣ. Когда они шли вразсыпную по лѣсу, одинъ изъ нихъ закричалъ: «Посмотрите, пчелиное гнѣзда виситъ на деревѣ, но сдѣланное изъ бумаги!» Найдка была великолѣпная, не только ради меда, но и ради того удовольствія, которое доставляло мальчуганамъ изгнаніе пчель изъ ячеекъ. Но прежде чѣмъ они все успѣли собраться къ мѣсту находки, одинъ изъ мальчугановъ вскрикнулъ: «Ай, меня ужалило!» и бросился бѣжать, — остальные за нимъ. Пробѣжалъ нѣкоторое время и не видя вокругъ врага, они остановились, чтобы убѣдиться въ настоящемъ

положеніи вещей. Но они могли лишь убѣдиться, что улей былъ дѣйствительно на деревѣ бумажный и вокругъ него кружились желтые пчелы.

Это такъ возбудило любопытство Тома, что онъ предложилъ тотчасъ пойти и снять улей. Его предложеніе встрѣчено было рѣшительнымъ отказомъ, а когда онъ продолжалъ настаивать, то мальчики убѣжали отъ него домой. Онъ вернулся одинъ къ тому мѣсту, где они видѣли улей, нашелъ его и уже собирался снять его съ вѣтки, къ которой онъ былъ прикрѣпленъ, какъ одна изъ пчелъ сѣла ему на палецъ и ужалила. Боль была сильнѣе, чѣмъ отъ какого-бы то ни было укушенія, испытаннаго имъ раньше; онъ повернулся, дуль и лизаль поперемѣнно свою ранку, что-бы какъ-нибудь облегчить боль.

Потомъ онъ призадумался: что-же ему теперь дѣлать и что можетъ онъ сдѣлать? улей виситъ передъ нимъ и въ его волѣ — снять его, если сможетъ; оставить такую находку было, разумѣется, немыслимо. Правда, у Тома ничего не было для защиты отъ пчель, а также некуда было и положить найденный рой, но все-же уходить съ пустыми руками ему не хотѣлось. Шапочка его не годилась, потому что была слишкомъ мала; чулки тоже не годились, — ему хотѣлось взять улей цѣликомъ. Вдругъ ему мелькнула мысль: да вѣдь у него есть-же рубашка! Это годится! Мальчикъ снялъ курточку и освободился отъ рубашонки. Послѣ этого, Томъ съ большою осторожностью приблизился къ дереву, получилъ по дорогѣ порядочное число укусовъ, но все-же снялъ улей съ вѣтки, на которой онъ висѣлъ и все, положивъ въ рубашку, завязаль и получился какой-то шарообразный узель.

Между тѣмъ уже стемнѣло и мальчикъ поспѣшилъ домой со своей добычей. Дойдя, онъ поднялся по лѣстницѣ и заглянулъ въ замочную скважину, чтобы убѣдиться, что не грозить никакая опасность. Но, увы! Онъ увидаль отца, сидѣвшаго на своемъ обычномъ мѣстѣ. На уступѣ

лѣстницы, въ сторонѣ, стоялъ какой-то старый желѣзный котель, въ который Томъ обыкновенно складывалъ всѣ свои драгоцѣнности, и куда онъ и теперь поспѣшно сложилъ свою находку,—до болѣе благопріятнаго времени,—а самъ вошелъ въ комнату, какъ ни въ чемъ ни бывало.— «Поздненько, по обыкновенію, Томъ!»—замѣтилъ отецъ, но дальнѣйшихъ разговоровъ не послѣдовало; Томъ вскорѣ получилъ свой ужинъ и пошелъ спать.

Онъ немного отошелъ въ сторону, когда раздѣвался, чтобы лечь, стараясь быть незамѣченнымъ, а затѣмъ поспѣшилъ подлѣзть подъ одѣяло. Но братъ, замѣтивъ его наготу, закричалъ: «Мама, мама, посмотрите на Тома, онъ безъ рубашки». Въ ту же минуту мать очутилась у его кровати и убѣдилась, что это правда; тутъ же пошелъ и отецъ. «Гдѣ-же ваша сорочка, сударь?»—Я не знаю. — «Какъ? не знаете?»—и, обращаясь къ женѣ, спросилъ:—«гдѣ мой ремень?»

Томъ зналъ уже силу ремня и видѣлъ, что надежды на спасеніе нѣтъ.

Ремень былъ принесенъ. «Ну-съ, говорите сю минути, — гдѣ сорочка?»—Она на лѣстницѣ, въ котлѣ.—«Ступай, достань и принеси ее тотчасъ же!» Томъ пошелъ и принесъ ее, очень огорченный и въ страхѣ за исходъ дѣла.— «А что ты въ ней принесъ?» — Гнѣздо желтыхъ шершней.—«Что такое?!»—въ одинъ голосъ воскликнули отецъ и мать.—«Да развѣ я не говорилъ еще недавно и ты мнѣ не обѣщалъ не приносить домой никогда больше подобныхъ вредныхъ существъ, опасныхъ не только для насъ, но и для всѣхъ сосѣдей? Подумай только, какъ это мило—уйти одному въ лѣсъ и снять рубашку, чтобы притащить гнѣздо шершней домой!» — Но это совершенно особенное гнѣздо, — сказалъ Томъ, — оно сдѣлано изъ бумаги. — «Пустяки, не говори вздору». — Да вотъ, посмотрите сами, я вамъ покажу его. — «Оставь, я ничего не желаю видѣть! ступай сейчасъ-же въ постель, или я дамъ

тебѣ что-либо получше осинаго гнѣзда», — добавилъ отецъ, помахивая ремнемъ.

Прежде чѣмъ улечься, родители положили рубашонку Тома со всѣмъ содержимымъ въ котелокъ и налили на нее кипятку. Когда-же все остыло, они развязали рубашку и увидали въ ней дѣлое гнѣздо—ось!

ГЛАВА II.

ШКОЛЫ И ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛИ.

Эдварду шель пятый годъ, когда его отдали въ школу. Его посылали туда, главнымъ образомъ, чтобы не дать ему окончательно сбиться съ пути. Отправился туда Томъ нехотя; ему больше было по душѣ бродить на свободѣ, чѣмъ быть гдѣ-либо запертымъ, а тамъ его запирали ежедневно часа на четыре—для него это было слишкомъ! и онъ возненавидѣлъ хожденіе въ школу. Ему такъ нравилось быть свободнымъ, ходить по островкамъ, по берегу Денбурна, по дорогѣ въ каменоломни, собирать птичьи гнѣзда.

Первая школа, въ которую отдали Тома, была, главнымъ образомъ, школой для дѣвочекъ; содержала ее г-жа Бель, которая согласилась принять мальчика потому, что знала его мать и хотѣла сдѣлать ей одолженіе. Школьное помѣщеніе было въ концѣ большой лѣстницы—собственно говоря, это былъ чердакъ обыкновенного жилого дома.

Томъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что надо было такъ много времени проводить въ школѣ; поэтому онъ частенько прогуливалъ и не являлся въ школу. Иногда его вниманіе, по дорогѣ, привлекалъ рыбный рынокъ, бывшій въ то время тамъ, гдѣ теперь находится почта. Длинные ряды скамеекъ заняты были рыботорговцами, и такъ какъ скамы эти были подъ навѣсомъ, то представляли

прекрасное убѣжище въ дождливые дни. Торговки отлично знали Тома. «Воть идетъ потѣшный мальчуганъ», — говорили онѣ, завидѣвъ его; а когда онъ подходилъ къ нимъ, онѣ спрашивали: «Ну, забавникъ, о чемъ сегодня будемъ толковать?» Разспросы Тома обыкновенно касались рыбъ, — откуда онѣ, какъ называются, какая разница между ими и т. д. Рыбный рынокъ представлялъ, къ тому же, прекрасное мѣсто для большихъ, синихъ мухъ, крупныхъ жуковъ (могильщиковъ) и денежныхъ крысъ. Это были самыя смирныя изъ всѣхъ, когда-либо имѣ видаенныхъ крысъ, кроме тѣхъ двухъ, которыхъ онъ носилъ постоянно въ своихъ карманахъ и которыя знали его, какъ собака знаетъ своего хозяина.

Наконецъ, подобные прогулки по рыбному рынку и не-посѣщеніе школы стали известны матери, и она послала за своей матерью — бабушкой Тома — и поручила ей отводить Тома въ школу. Мальчику вовсе не понравился такой надзоръ, онъ возмутился этимъ и умудрялся обмануть и тутъ. Когда бабушка доводила его до дверей школы и звала г-жу Бель, чтобы сдѣть мальчика съ руки на руки, онъ, выждавъ, пока бабушка уходила на порядочное разстояніе, пускался бѣжать, пересѣкая улицы, къ Денбурну или островамъ. Но и объ этомъ узнали; тогда уже было поручено бабушкѣ употреблять силу, и она стала таскать Тома въ школу за шиворотъ. Когда она брала его за руку или за воротъ, то уже ничто не помогало, и мальчикъ чувствовалъ себя въ ея власти, руки ея держали его какъ въ тискахъ. Онъ пробоволь бороться, вырываться, вертѣться, выворачиваться, но она его не выпускала и тащила въ школу, гдѣ передавала г-жѣ Бель-Гиль со словами: «вотъ вашъ лѣнтий». Тому ничего болѣе не оставалось, какъ подчиниться, не дѣля никакихъ попытокъ къ бѣгству, и выжидать случая, когда можно будетъ выскользнутъ изъ ея цѣпкихъ рукъ. Когда выпадалъ такой случай и мальчикъ вырывался, то онъ пускался бѣжать, бабушка

за нимъ, но тутъ, конечно, онъ всегда опережалъ, такъ какъ бабушкины ноги, хотя и длинныя, не поспѣвали за его быстрыми ножонками.

Однажды поутру мальчика послали купить три булки къ завтраку. Купивши ихъ, вмѣсто того, чтобы вернуться домой, онъ заболтался съ тремя другими мальчуганами и пошелъ съ ними къ Денбурну. Тамъ набралъ онъ піявокъ и собирался еще чего-нибудь поискать, когда, нечаянно взглянувъ въ воду, увидаль отраженіе приближающейся бабушки. Почувствовавъ ея пальцы у себя на затылкѣ, онъ толкнулъ камень, подъ которымъ были піявки и сдѣлалъ внезапный прыжокъ въ сторону. Мальчикъ услышалъ всплескъ и паденіе чего-то тяжелаго въ воду. Товарищи закричали: «Томъ, Томъ, бабушка тонеть!» Но Томъ, не оглядываясь, бѣжалъ и не остановился, а продолжалъ бѣжать, какъ только могъ скорѣе, къ островамъ, где остановился перевести духъ. Начинавшійся приливъ заставилъ его уйти. Домой, по обыкновенію, онъ вернулся лишь къ вечеру.

Мать встрѣтила его слѣдующими словами: «Ну, вотъ опять ты, вѣчный бездѣльникъ, прокрадываешься здѣсь словно воришко; опять въ грязи копался, — по мокрому платью ужъ это видно; все-бы бѣгать по островамъ, возиться въ лужахъ и лазить по кустамъ! А слѣдовало-бы понять, что это стыдно! подумай только, вѣдь ты утопилъ бѣдную, старую бабушку!» — Я ее не утопилъ, — сказалъ Томъ. — «Но она могла изъ-за тебя утонуть; ты, вѣдь не остался, не помогъ ей». — Она свалилась сама. — «Молчи лучше, а не то еще заставлю тебя и плакать; неужели не стыдно тебѣ, что она пришла домой одна въ такомъ видѣ? Но гдѣ-же хлѣбъ, за которомъ я тебя посыпала?» — Онъ съѣденъ. — «Ну, поздно же мы бы завтракали, если-бы тебя ждали до сей поры и, въ концѣ-концовъ, все же остались-бы безъ хлѣба. Ну, да вотъ увидимъ, что-то отецъ скажетъ, когда вернется».

Томъ тѣмъ временемъ улегся, но не спалъ до возвращенія отца. Жена передала мужу исторію со всѣми ужасающими подробностями. Когда онъ услышалъ, что бабушка бухнулась въ воду и пришла домой вся въ грязи, онъ долго отъ души смеялся. Томъ слушалъ это съ радостью. Потомъ отецъ замѣтилъ, что бабушкѣ слѣдовало-бы осторегаться подходить такъ близко къ краю канавы и рѣкъ; Томъ почувствовалъ себя оправданнымъ и вскорѣ крѣпко уснулъ.

Нашъ герой снова вернулся въ школу. Не многому только онъ тамъ научился. Еще дома мать научила его азбукѣ и онъ могъ читать слова изъ трехъ буквъ; не много прибавила ему къ этому и школа г-жи Бель, качества которой, какъ учительницы, были не важны. Впрочемъ, воспитаніе, дававшееся ею, было религіозное. Она молилася, или, какъ Эдвартъ называлъ это, «стонала» съ дѣтьми дважды въ день. И вотъ, во время одного изъ такихъ набожныхъ упражненій, случилось обстоятельство, побудившее г-жу Бель исключить Тома изъ школы.

Эдвартъ зачастую приносилъ въ классъ нѣкоторыхъ изъ своихъ насѣкомыхъ. Школьники были въ восторгѣ отъ его бабочекъ, но не многимъ изъ нихъ могло понравиться быть укушеннымъ или ужаленнымъ какимъ-либо животнымъ, а испытывать на себѣ дѣйствіе ціявокъ не находилось вовсе охотниковъ. Вслѣдствіе этого Эдвартъ сдѣлался источникомъ вѣчного страха и досады для всей школы. Его объявили положительнымъ злодѣемъ. Когда начальница узнала о его продѣлкахъ, то она сказала ему: «Не приноси никогда больше сюда твоихъ грязныхъ и опасныхъ вещей». Онъ конечно, обѣщалъ, какъ всегда, но, какъ всегда, забывалъ. Наконецъ, мальчикъ принесъ съ собой нѣчто болѣе необыкновенное и крупное, чѣмъ раньше, а именно—галку. До того времени онъ держалъ ее дома, но она такъ кричала, что въ одно прекрасное утро его выгнали вмѣстѣ съ галкой, строго внушивъ не приносить

ее назадъ. Онъ долженъ былъ отпустить ее на волю или отдать кому-либо. Но Томъ любилъ свою галку, а она—его и всюду за нимъ слѣдовала, какъ собачонка. Разстаться съ нею ему казалось немыслимымъ и онъ взялъ ее съ собою въ школу. Но куда ее спрятать? Штанишки Тома были довольно широкіе и застегивались, какъ у всѣхъ тогдашнихъ мальчиковъ, поверхъ жилетки, и Томъ, посадивъ галку въ брючки, незамѣтно пронесъ ее въ классъ.

Все шло хорошо. Но, вотъ, г-жа Бель произнесла обычное: «на молитву»; всѣ дѣти опустились на колѣни. Галка, очутившись въ новомъ положеніи, сразу не могла приспособиться поудобнѣе и разсердилась. Замѣтивъ просвѣтъ между жилеткой и панталончиками, она попыталась вылѣзть, но Томъ втолкнулъ ее обратно. Это окончательно разозлило галку, она заворочалась, просунула клювъ, а затѣмъ и всю голову и начала кричать. «Что это такое?»—воскликнула г-жа Бель, вскачивая съ колѣнъ.—«Это опять Томъ Эдвардъ,—закричали въ одинъ голосъ школьніки,—это у него ворона вылѣзаетъ изъ брюкъ». Г-жа Бель подошла къ виновнику, взяла его, потащила къ выходу, вытолкнула на лѣстницу и заперла за нимъ дверь. Эдвардъ никогда болѣе не видѣлъ г-жу Бель-Гиль.

Слѣдующая школа, въ которую отдали Тома, была на берегу Денбурна, вблизи почтенного Горбатаго моста, самаго стариннаго моста въ Абердинѣ, снесеннаго теперь, ради новѣйшихъ сооруженій. Это была школа исключительно для мальчиковъ; содержалъ ее очень пожилой господинъ, одинъ изъ приверженцевъ старой школы, глубоко вѣрившій въ силу плетки, какъ воспитательнаго средства. Эдвардъ выучился бы въ этой школѣ гораздо больше, чѣмъ у Бель-Гиль, если-бы она не находилась такъ близко отъ его излюбленнаго Денбурна. Онъ, однако, сдѣлалъ быстрые успѣхи въ чтеніи и порядочно шелъ по ариѳметикѣ, когда съ нимъ случилось его обычное несчастіе.

Однажды онъ отправился въ школу ранѣе обыкновен-

наго. Двери еще были закрыты, и, чтобы какъ-нибудь убить время, онъ повернулся къ Денбурну. Тамъ нашелъ онъ множество піявокъ, червей и личинокъ водяныхъ мухъ. Онъ собиралъ все это въ какую-то битую бутылку, когда услыхалъ за собою возгласы товарищей: «Томъ, Томъ, пора въ школу!» Зная, что опоздавшимъ полагалось наказанье, Томъ побѣжалъ за мальчиками, не думая о бутылкѣ, которую держалъ въ рукѣ. Ему, однако, удалось пронести ее въ школу и поставить подлѣ себя такъ, что никто этого не замѣтилъ.

Приблизительно около получаса все было тихо; вдругъ одинъ изъ мальчиковъ взвизгнулъ и вскочилъ со скамьи. Вниманіе учителя было тотчасъ привлечено и онъ, сойдя съ каѳедры, подошелъ съ плеткой въ рукахъ. «Что такое?» — закричалъ онъ.—Піявка укусила меня за ногу.—«Піявка?» — Да, сударь, посмотрите, вотъ,—продолжалъ мальчикъ указывая въ уголъ гдѣ Томъ спряталъ свое сокровище,—вотъ полная бутылка ихъ тутъ. — «Дайте мнѣ бутылку,—сказалъ учитель и, взглянувъ на преступника, продолжалъ:—а вы, сударь, идите со мной, господинъ Эдвардъ!» Томъ, трепещущій, послѣдовалъ за нимъ. Пойдя къ каѳедрѣ, учитель остановился и спросилъ, указывая на бутылку: «Ваше это или нѣтъ?» — Да, мое. — «Въ такомъ случаѣ возьмите это и вотъ вамъ порогъ! — сказалъ онъ, указывая на дверь;—ходите какъ можно скорѣе и не возвращайтесь никогда уже; а вотъ это возьмите тоже съ собой», — прибавилъ онъ, ударивъ его со всей силы по спинѣ плетью. Тому показалось, что у него переломилась脊骨 and онъ уже никогда болѣе не въ состояніи будетъ дохнуть.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Томъ, послѣ утренняго завтрака, приготовлялся уходить, когда мать спросила его: «Куда же ты сегодня отправляешься, малый?»— Въ школу, — отвѣтилъ онъ.—«Въ твою школу, а гдѣ же это она? на островахъ или въ грязныхъ канавахъ? гдѣ?»—

Въ концѣ Грина. — «А, въ концѣ Грина?! а сколько времени, какъ вы уже выгнаны изъ этой школы?» Томъ молчалъ. Онъ понялъ, что матери известно его исключеніе изъ школы.

Вскорѣ мать тоже собралась уходить; она взяла сынишку за руку и повела его по Грину. Достигнувъ школы, съ намѣренiemъ упросить учителя принять ея сына опять, она постучала въ дверь, и учитель тотчасъ же вышелъ. Прежде чѣмъ мать успѣла еще открыть ротъ, онъ рѣзко проговорилъ: «Не приводите мнѣ этого мальчика обратно, хоть бы вы за него уплатили двадцать фунтовъ! Ни я, ни мои ученики не имѣли ни минуты покоя съ тѣхъ поръ какъ его привели сюда», и съ этими словами онъ защелкнулъ дверь передъ носомъ бѣдной женщины, прежде чѣмъ она успѣла произнести хоть одно слово. Мать повернула и пошла обратно очень раздраженная; она все держала мальчика за руку, но, остановившись поговорить съ кемъ-то сосѣдомъ, ослабила немножко пальцы; мальчикъ быстро вывернулся и уѣжалъ.

По обыкновенію, Томъ вернулся домой потихоньку, поздно вечеромъ. Отецъ былъ дома и читалъ. Когда мальчикъ вошелъ, отецъ пересталъ читать, устремилъ глаза, поверхъ книги, на сына, нѣкоторое время внимательно его разглядывалъ. Потомъ, отложивъ книгу въ сторону, онъ сказалъ: «Такъ гдѣ-же это вы были, молодой человѣкъ?» Мальчикъ не отвѣчалъ ничего. «Немудрено, что ты молчишь; тебя вторично выгнали изъ школы; всѣмъ становится уже стыдно съ тобою зваться. Вѣдь этаѣтъ ты сдѣлаешься празднымъ, негоднымъ никуда человѣкомъ, попадешь въ дурную компанію, наконецъ, сдѣлаешься воришкой. Что-жъ, хочешь попасть въ тюрьму и кончить дни въ нищетѣ и позорѣ? Такъ обыкновенно случается съ тѣми, кто пренебрегаетъ школой и не обращаетъ вниманія на убѣщанія родителей».

Тому, наконецъ, стало стыдно. Онъ промолчалъ до самаго

ужина, а тогда попросилъ ъсть, сказавъ, что очень голоденъ. «Это весьма вѣроятно, — сказалъ отецъ, — но ты не получишь ужина ни сегодня вечеромъ, ни въ слѣдующіе дни, до тѣхъ поръ, пока не научишься лучше держать себя. Теперь ступай сейчасъ спать». Томъ послѣшилъ улечься. Когда огни были уже погашены и всѣ, повидимому, по своимъ постелямъ, чья-то нѣжная рука потихоньку отвернула одѣяло съ головы Тома, и что-то вложила ему въ ручку. Онъ почувствовалъ, что это былъ огромный кусокъ хлѣба съ масломъ. Похоже было, что материнское сердце подсказало рукѣ матери это сдѣлать. Такимъ образомъ Томъ все-же получилъ свой ужинъ.

Теперь уже его послали въ Ланкастерскую школу на Гарріэтъ-Стритъ. Въ этой школѣ было два учителя. Старшіе классы помѣщались наверху, младшіе внизу. Учитель младшаго класса, въ который поступилъ Томъ, зная слабую струнку мальчика, съ самаго же начала приказалъ ему никогда не приносить съ собою въ школу никакихъ животныхъ, и если онъ не желаетъ подвергаться наказаніямъ, то пусть обращаетъ больше вниманія на свои уроки, чѣмъ дѣлалъ это до тѣхъ поръ. Долгое время, кромѣ книгъ мальчикъ не носилъ ничего, но, наконецъ, не выдержалъ, и повторилась та-же исторія. Дѣло было вотъ какъ.

Проходя въ школу и обратно по той же дорогѣ, Томъ замѣтилъ въ углу у водосточной трубы одного дома — воробышное гнѣздо. Ему ужасно хотѣлось его достать, но, попробовавъ раза два взлѣсть за нимъ, мальчикъ убѣдился, что оно слишкомъ wysoko, и ему приходилось ограничиваться только тѣмъ, что смотрѣть на гнѣздышко, оставивъ мысль добраться до него. Но вотъ однажды, идя въ школу, онъ увидалъ двоихъ какихъ-то людей, стоявшихъ около дома и смотрѣвшихъ по направленію гнѣзда. Любопытный, какъ и большинство мальчугановъ, къ тому же, заинтересованный въ дѣлѣ, онъ сталъ прислушиваться

къ разговору и узналь, что гнѣздо мѣшаетъ свободному стоку воды по трубѣ и должно быть удалено, да и вся труба должна быть прочищена.

Теперь уже Томъ былъ на-сторожѣ и сталъ слѣдить за трубой. Но день прошелъ и ничего не было сдѣлано. Прошелъ и еще день, а ничего новаго не было и никто не показывался. Но на третій день, по дорогѣ въ школу, Томъ замѣтилъ какого-то человѣка, приставлявшаго, при помощи какого-то мальчугана, лѣстницу къ стѣнѣ занимавшаго его дома. Томъ пріостановился, силясь отгадать—что будутъ дѣлать, и намѣреваясь спросить этого человѣка—что стало съ гнѣздомъ. Между тѣмъ, приставивъ лѣстницу, человѣкъ уже собирался вѣзжать по ней, когда, ощупавъ свои карманы, замѣтилъ, повидимому, что забылъ что-то и послалъ своего мальчика въ мастерскую, приказавъ принести забытый скребокъ, а самъ, тѣмъ временемъ, пошелъ въ церковный дворъ, находившійся напротивъ.

Новая мысль блеснула въ головѣ Тома: не попробовать ли самому достать гнѣздо, не дожидайсѧ и не приѣгая къ посторонней помощи. Заглянувъ на церковный дворъ и не видя поблизости никакой опасности, Томъ быстро началъ взбираться по лѣстницѣ; кто-то закричалъ изъ окна противоположнаго дома, что именно — Томъ не слыхалъ, но это его на минуту поколебало, однако онъ снова полѣзъ дальше и послѣ нѣкоторыхъ усилий оторвалъ гнѣздо и спустился съ нимъ, прежде чѣмъ кто-либо изъ ушедшіхъ успѣлъ вернуться.

Томъ, собственно, надѣялся найти маленькия яички, но, увы,—въ гнѣздѣ было пятеро уже оперившихся птенчиковъ. Вместо того, чтобы отнести ихъ домой, Томъ былъ настолько неостороженъ, что захватилъ ихъ съ собой въ школу. Ему удалось пронести гнѣздо незамѣченнымъ въ классъ и поставить его подъ скамейку, на которой сидѣть, не думая о томъ, что птенцы проголодаются или

же будут стараться выскоичить. Все шло сначала спокойно, но потом произошло некоторое замешательство: послышался пискъ, всѣ пять ротиковъ были открыты и кричали: «чирипъ, чирипъ». Раньше чѣмъ учитель успѣлъ спросить что это такое — птички отвѣтили сами за себя покинув гнѣзда и разлетѣвшись по классу. Мальчуганы повескали и погнались за ними. «Тихо, по мѣстамъ!» закричалъ учитель. Все стихло, за исключеніемъ порхавшихъ птичекъ.

Виновника вызвали впередъ. «Это ваше дѣло, Эдвардъ не такъ-ли?» — Да, сударь.—«А не говорилъ-ли я вамъ, что не слѣдуетъ приносить сюда никогда ничего подобнаго?» — Такъ точно, сударь, но я досталъ ихъ только идя сюда, иначе я бы ихъ не принесъ. — «Не вѣрю этому»,—возразилъ учитель.—Нѣтъ, это правда, это такъ,—заявило нѣсколько голосовъ.—«А вы почему это знаете?»—Мы видѣли, идя въ школу, какъ онъ доставалъ гнѣзда. — «Какъ такъ?»—Онъ влезъ на высокую лѣстницу и самъ досталъ гнѣздо изъ стрѣхи.—«Ну, хорошо,—сказалъ учитель, обращаясь къ Эдварду,—ты одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ мальчугановъ, какихъ я только когда-либо видѣлъ. Но, кажется, не желаешь слушать ничьихъ совѣтовъ. Если ты не оставишь свои продѣлки, то не сносить тебѣ головы! Такъ какъ ты сказалъ мнѣ правду, то я прощаю тебѣ на этотъ разъ, но помни—это послѣдній разъ. А теперь, собери своихъ птичекъ и унеси ихъ».

Эдвардъ началъ собирать птенчиковъ, но такъ какъ окна были открыты, то они всѣ вылетѣли, за исключеніемъ одного. Мальчикъ взялъ этого послѣдняго и вышелъ съ нимъ на улицу, гдѣ подобралъ еще двоихъ. Съ этими тремя онъ пришелъ домой, но такъ какъ его сестра была больна, то мать приказала ему унести ихъ во избѣженіе писка. Въ теченіе дня Тому удалось отдать ихъ другому мальчику, въ обмѣнъ на маленькую книжку съ картинками.

На следующее утро Томъ снова пошел въ школу и съ того времени не приносилъ уже съ собой ничего и слушался учителя. Въ Ланкастерской школѣ онъ пробылъ около полутора года, но научился онъ тамъ немногому. Какъ книга для чтенія, тамъ была принятая Библія, и когда онъ оставилъ школу, то читаль ее свободно. Довольно твердо зналъ онъ и краткій катехизисъ, но очень мало изъ арифметики и ничего ровно по грамматикѣ. Усвоилъ онъ сложеніе двухъ чиселъ; таблица умноженія не давалась ему никакъ и умножаль онъ только при помощи пальцевъ. О письмѣ не имѣлъ почти никакого понятія.

Мы должны упомянуть о причинѣ, въ силу которой онъ оставилъ эту третью и послѣднюю школу. Хотя Томъ совершенно оставилъ свою привычку—приносить съ собой разныхъ животныхъ, но за нимъ уже установилась дурная слава. Всѣмъ хорошо было известно, что онъ былъ изгнанъ изъ тѣхъ школъ, которая раньше посѣщалъ, изъ-за того, что приносилъ разныя недозволенные вещи. Говорятъ, — лучше убей собаку, чѣмъ дать ей дурную кличку; — для Эдварда его дурная репутація была такой дурной кличкой и была сопряжена съ серьезными послѣдствіями.

Однажды утромъ, когда мальчуганы сидѣли за своими уроками, а учитель былъ на каѳедрѣ, случился переполохъ: учитель внезапно громко вскрикнулъ и вскочилъ со стула, сбросивъ что-то съ руки, и тотчасъ наступилъ на это «что-то» ногой. Повернувшись въ сторону Эдварда, учитель воскликнулъ: «Это опять ваше дѣло, мистеръ Эдвардъ». Не разслышавъ, что сказалъ учитель, Эдвардъ промолчалъ. Вызванъ былъ другой ученикъ, при помощи которого это «что-то» подняли и положили на листъ бумаги; тогда учитель спросилъ мальчика:—Что это такое?—«Это стоножка».—Укушеніе ея опасно? она ядовитая?—Мальчикъ не могъ отвѣтить.

Тогда былъ [вызванъ] Эдвардъ. «Вы опять взялись за старое, какъ я вижу? но теперь ужъ я отобью у васъ навѣрно охоту къ этому. Я предупреждалъ васъ, чтобы вы не приносили вашихъ адскихъ звѣрей сюда, а вотъ я нашелъ какъ разъ одного такого, ползавшаго по мнѣ и укусившаго мнѣ руку; теперь держитесь». Эдвардъ попробовалъ сказать, что онъ не приносилъ ничего, что онъ уже давно не приносить съ собой никакихъ животныхъ. «Какъ,—еще и лгать,—сказалъ учитель,—ложь, прибавленная къ проступку, только усиливаетъ его. Давайте руку, сударь!» Томъ протянулъ руку, учитель сильно ударилъ по ней плеткой. «Другую!»—и учитель ударилъ и по другой; затѣмъ сказалъ: «Это было за ложь, а теперь еще и за проступокъ!»—и стегнулъ его плеткой по спинѣ. Мальчикъ, однако, не заплакалъ. «Ну, сударь,—заговорилъ учитель, задыхаясь,—вы и теперь будете говорить, что не приносили съ собой ничего?»—Нѣтъ, я не приносилъ, я говорю правду, что ничего не приносилъ. — «Хорошо, получите еще»,—сказалъ учитель, прибавляя къ своимъ словамъ вѣскіе удары по спинѣ. — «Ну, а теперь?»—Я не приносилъ. — Учитель продолжалъ его стегать, приговаривая: «Вы сами виноваты, потому что не хотите сознаться въ своей винѣ».—Но я же, право, не приносилъ,—настаивалъ Эдвардъ. «Я буду бить васъ, пока вы не сознаетесь въ своемъ проступкѣ». Томъ былъ очень маль ростомъ и сидавшися на него удары попадали вдоль всей спины, хватал и по ногамъ. «Ну,—проговорилъ наконецъ учитель, уже почти выбившися изъ силъ,—сознайтесь, вы принесли это?»—Нѣтъ, не я. — «Хорошо же,—рѣшилъ учитель, опускаясь въ изнеможеніе на свой стулъ,—вы, какъ видно, самый неисправимый и надоѣдливый чертенокъ!» У учителя былъ всегда красный носъ и на лицѣ множество красныхъ пятенъ, а когда онъ приходилъ въ ярость, то ученики замѣчали, какъ этотъ красный цвѣтъ становился ярче. На этотъ разъ носъ его былъ въ десять

разъ красиѣе обыкновенного, а пятна на лицѣ казались буквально кровавыми.

Отдохнувъ немнога, учитель позвалъ мальчика, который помогалъ ему поднять насѣкомое и сказалъ: «Вильямъ, подай-ка сюда эту штуку». Мальчикъ принесъ бумагу, на которой лежала раздавленная многоножка. «Такъ какъ же, вы, Эдвардъ, все продолжаете утверждать, что не приносили сюда это ядовитое существо?»—опять началъ пытать учитель.— Я—нѣть! — Тогда учитель вызвалъ всю школу и спросилъ: «Не видаль-ли кто-нибудь изъ васъ Эдварда съ этимъ или другимъ какимъ-либо животнымъ сегодня или вчера?» Отвѣта никакого не было. «Видаль ли кто-нибудь на этой или на прошлой недѣлѣ Эдварда съ чѣмъ-либо подобнымъ?» Снова молчаніе.

Тогда, послѣ значительной паузы, повернувшись къ Эдварду, учитель проговорилъ: «Соберите свои книги и доску и ступайте домой, и скажите отцу, пусть отдастъ васъ на руки какому-нибудь солдату, потому что это лучшая школа для такихъ неисправимыхъ, какъ вы». Говоря это, онъ указалъ мальчику на двери.

Томъ собралъ свои вещи и поспѣшилъ сошель съ лѣстницы. Такимъ образомъ Эдвардъ былъ исключенъ пъ третьей школы.

Придя домой, мальчикъ передалъ родителямъ обстоятельства своего изгнанія, прибавивъ при этомъ, что не пойдетъ больше ни въ какую школу и уже ни въ какомъ случаѣ не вернется въ ту же Ланкастерскую: ужъ лучше идти въ работники. На это ему замѣтили, что для ремесла онъ еще слишкомъ малъ— ему минуло всего шесть лѣтъ. Отецъ предложилъ пойти съ нимъ завтра опять въ школу съ тѣмъ, что онъ постарается уговорить учителя и убѣдить его въ невиновности мальчика.

Наступилъ слѣдующій день. Отецъ вернулся съ работы съ намѣреніемъ взять мальчика въ школу, но Томъ исчезъ. Ему очень не хотѣлось возвращаться; онъ пошелъ на

рыбный рынокъ, гдѣ и провелъ большую часть днія. Затѣмъ онъ побродилъ по островамъ, а оттуда направился къ мѣсту, гдѣ были сложены бревна, и тамъ, съ нѣсколькими мальчуганами, занялся изготошеніемъ силковъ для ловли воробьевъ. Бдругъ одинъ изъ мальчиковъ закричалъ: «Томъ, смотри-ка, твой отецъ!» Томъ пустился въ бѣгство, отецъ замѣтилъ и побѣжалъ за нимъ; но онъ былъ худой и слабый человѣкъ и долго бѣжать не могъ; онъ скоро отсталъ, а мальчикъ быстро бѣжалъ по берегу Ди и остановился, лишь достигнувъ Клейголя. Не видя отца, Томъ остался тамъ до сумерекъ, тогда вернулся, осторожно, постоянно оглядываясь и готовый бѣжать при малѣйшей опасности; когда уже совсѣмъ стемнѣло, то онъ пришелъ на складъ бревенъ съ намѣреніемъ тамъ заночевать.

Надо замѣтить, что выше островковъ, по берегу, на свободной землѣ лежали груды бревенъ; нѣкоторые деревья были громадныхъ размѣровъ. Бревна эти сплавлялись по рѣкѣ и потомъ складывались на берегу, пока лѣсоторговцы не находили удобнымъ ихъ увезти, куда слѣдовало. Особенныхъ заботъ не прилагалось никѣмъ, чтобы собрать и уложить ихъ въ порядокъ, въ болѣе тѣсныя и правильныя груды, а потому между бревнами, сваленными насконо, образовывались большиe пустые промежутки. Мальчикъ рѣшилъ воспользоваться этимъ и залѣзъ въ одно изъ такихъ пустыхъ мѣсть какъ могъ глубже. Такимъ образомъ онъ былъ почти невидимъ для постороннихъ взоровъ, но онъ замѣтилъ, что на ночь тутъ защищеннъ онъ будетъ плохо отъ холода, тѣмъ болѣе, что онъ былъ босой и въ ветхомъ платьѣ. Вѣтеръ свободно гулялъ межъ бревенъ, и мальчикъ вскорѣ озябъ и сталъ дрожать, такъ что у него стучали зубы. Пискъ и бѣготня крысъ, которыхъ тутъ были мириады, не давали ему спать. Разница между этимъ логовищемъ и его постелькою подъ теплымъ одѣяломъ была такъ чувствительна, что одно время Томъ подумывалъ — не вернуться ли ужъ домой?

Но онъ боялся рѣшиться на это, боялся встрѣтиться съ отцовскимъ ремнемъ—спина его еще очень болѣла отъ по-слѣдствій послѣдняго съченія въ школѣ. Холодъ, между тѣмъ, усиливался, особенно передъ утромъ; во всю жизнь не переживалъ Эдвардъ подобной ночи.

Наконецъ стало свѣтать. Какъ только первый лучъ показался на востокѣ, Томъ собрался выходить изъ своего убѣжища и пробѣжаться немнога, чтобы согрѣться. Съ этимъ намѣреніемъ онъ вылѣзъ изъ своего убѣжища и къ немалому ужасу и удивленію увидаль, въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, неясное очертаніе мужской фигуры. Да! это былъ отецъ; теперь мальчикъ ясно видѣль, какъ онъ бродилъ между бревенъ и заглядывалъ подъ сложенные дрова. Томъ опять забился поглубже, пока отецъ не скрылся изъ виду; но отецъ, уйдя, черезъ полчаса появился опять, снова тщательно все осмотрѣль и, еще разъ убѣдившись, что сына нѣть, уже рѣшительно направился къ островамъ, спустился быстро къ каналу, съ явнымъ намѣреніемъ перейти его, пользуясь отливомъ.

«Ну, теперь надо пользоваться минутой!» — подумалъ Томъ. Онъ вылѣзъ изъ своей дыры, обошелъ сложенные бревна съ самаго дальн资料 конца и вышелъ на Нижнюю улицу, и черезъ улицу Кармелитокъ направился прямо домой. Какъ разъ въ то время какъ онъ поднялся по своей лѣстницѣ, г-жа Кельманъ, добрая ихъ сосѣдка, которая провела всю ночь съ семьей Эдварда, раздѣля ихъ беспокойство, выходила изъ ихъ дверей. Она обняла мальчика за шею и сказала: «Ай, малый, какую ужасную ночь ты заставилъ провести, ну, да ужъ ладно, я войду съ тобой». И снова отворивъ дверь въ комнату, она обратилась къ матери со словами: «Вотъ онъ опять, Мэгги, цѣль и непредимъ!»—Ахъ, ты, бродяга,—встрѣтила его мать,—гдѣ же это ты пропадалъ цѣлую ночь? А отецъ пошель тебя разыскывать. Я ужъ не знаю, какъ и наказать тебя. — «Нѣть, нѣть, Мэгги,—заговорила г-жа Кельманъ,—вы этого

не сдѣлаете, а я вамъ скажу, что надо сейчасъ сдѣлать: дайте ему немного мяса и поскорѣе уложите его въ кровать». — Въ кровать! ? — отвѣтила мать, — нѣтъ, кровати ему не видать, пока не вернется отецъ. — «Вотъ именно раньше и уберите его съ дороги, Мэгги, и дайте ему скорѣе поѣсть». Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Томъ былъ накормленъ, уложенъ въ кровать, накрытъ теплымъ одѣяломъ прежде, чѣмъ вернулся отецъ.

— «Ну, что-же, Джонъ, — встрѣтила его г-жа Кельманъ, — вы его не нашли? » — Нѣтъ. — «Значитъ, вы попали не на надлежащее мѣсто». — Настоящее мѣсто! Да кто въ свѣтѣ можетъ указать настоящее мѣсто такого странствующаго жида, какъ нашъ Томъ! — «Ну, а вотъ я такъ нашла его! » — Гдѣ? — «На верху вашей лѣстницы». — А гдѣ-же онъ теперь? — «Тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть». — Значитъ, въ исправительномъ пріютѣ? — «Нѣтъ, нѣтъ, Джонъ, не говорите такъ! » — Ну, такъ гдѣ-же? — «Въ своей постели». — Какъ, здѣсь, и раньше чѣмъ я заплатилъ ему за его ночную работу! — «Теперь, Джонъ, прежде всего, вамъ надо сѣсть и напиться чаю съ Мэгги и со мной, передъ тѣмъ какъ идти на ваши обычныя занятія; а если вы имѣете что-либо сказать мальчугану, то можете это сдѣлать когда онъ встанетъ». — Вѣчно берете вы его сторону, госпожа Кельманъ, все за него заступаетесь.

Томъ, между тѣмъ, лежалъ въ кровати, дрожа отъ страха, и слышалъ все, что говорилось. Онъ выглянула изъ подъ одѣяла и увидѣвъ, что отецъ спокойно сидѣть, почувствовалъ, что гроза миновала, а когда отецъ препокойно напился чаю и отправился на работу въ свою мастерскую, Томъ тотчасъ заснулъ. Проснулся онъ не ранѣе полудня, когда отецъ вернулся къ обѣду. Замѣтивъ, что онъ шевелится на постели, отецъ приказалъ ему встать. Томъ началъ плакать, повторяя, что ни за что никогда не пойдетъ въ школу опять назадъ. Тогда мать

спросила его, что онъ имѣть особенно противъ той школы. Томъ рассказалъ тогда, какъ съ нимъ обращался учитель и сказалъ, что у него до сихъ поръ еще сильно болѣтъ спина. Принялись его осматривать и тутъ только увидѣли, что вся рубашонка его пропитана кровью и мѣстами за-сокла, какъ кора, мѣстами приклеилась къ израненной спинкѣ мальчика; рубцы были и на ногахъ. Пришлось употребить разныя средства, чтобы размягчить и снять рубашку, но во время этой операциіи мальчику сдѣлалось дурно и онъ упалъ. Придя въ себя, Томъ увидаль, что мать смачиваетъ ему голову водой, а г-жа Кельманъ держитъ какую-то бутылочку у его носа, вызывающую у него слезы изъ глазъ. Большая, чѣмъ-то смазанная тряпка была наложена ему на спину. Отецъ, уходя, приказалъ ему оставаться дома и не выходить весь день.

Что было говорено между родителями, Томъ не зналъ; онъ былъ въ постели и спалъ, когда отецъ вернулся вечеромъ домой, но ему уже больше не повторяли о воз-вращеніи въ Ланкастерскую школу.

Теперь у мальчика было много времени для эксперсій по окрестностямъ; онъ ходилъ къ рѣкѣ, дѣлалъ продолжительные прогулки по берегамъ, къ старому мосту и уходилъ даже наверхъ въ горы, которыхъ около Абердина под-ходятъ почти къ берегу. Во время одной изъ подобныхъ эксперсій по холмамъ, разматривая, не поспѣла-ли уже ежевика, Эдвардъ вдругъ увидаль что-то ползущее, похожее на угря. Онъ наклонился къ вереску и протянулъ руки, но животное ускользнуло. Долго, усиленно искалъ Томъ среди вереска ускользнувшее сокровище; по лицу его уже струился потъ; передохнувъ минуту, онъ снова принимался ловить и искать—но напрасно.

Въ это время подошелъ къ нему другой мальчикъ и спросилъ: «Что вы тутъ дѣлаете?» — Ничего. — «Какже ничего, а это что-же, — продолжалъ тотъ, указывая на массу вырванного и вывороченного вереску, — вы вѣро-

потеряли что-нибудь?» — Нѣтъ. — «Такъ что-же вы такъ тщательно ищете и высматриваете?» — Тутъ было нѣчто похожее на угря. — «На угря? — переспросилъ мальчикъ, — да развѣ вы думаете, что угри бывають въ верескѣ; это была змѣя, ехидна; она ядовитая и хорошо, что вы не поймали ее,—она бы васъ могла смертельно ужалить». — Этого то я не боюсь, — сказалъ Эдвардъ. «А какъ давно вы ее видѣли?» — Всего нѣсколько минутъ. — Если такъ, то она уже за нѣсколько миль, за этими холмами, теперь. Въ какомъ направлѣніи она двигалась?» — Вотъ сюда, — указалъ Томъ. «Хорошо, — отвѣтилъ ему мальчикъ, — видите-ли вы эту кучку камней тамъ? Посмотрите между ними, и если не найдете ее тамъ, то можете сходить домой и вернуться и будете такъ-же близко къ ней, какъ и течерь». — А вы мнѣ поможете поискать? — спросилъ Эдвардъ. «Нѣтъ, ужъ избавьте отъ этого, я вовсе не желаю быть ужаленнымъ на смерть», — и съ этими словами мальчикъ пошелъ прочь.

Эдвардъ принялъ самъ тогда разбирать указанную ему груду камней; онъ бралъ камень за камнемъ изъ кучи, но все не находилъ своего «угря». Много было тамъ червей и разныхъ насѣкомыхъ, но не было того, что искалъ. Немного позади камней лежалъ большой кусокъ торфа; когда Томъ перевернуль его — животное оказалось тамъ. Мальчикъ тотчасъ же схватилъ его въ руки и, внимательно разсмотрѣвъ его, убѣдился, что это не угорь; оно было похоже отчасти на ящерицу, но въ 6 или 7 разъ длиннее. Крѣпко зажавъ животное пальцами, такъ какъ оно старалось вывернуться, Томъ отправился домой. Онъ направился черезъ рѣку, немного ниже теперешняго цѣпнаго моста и достигъ брода противъ селенія и собирался перейти; но такъ какъ вода была очень высока, то пришлось переходить снявъ платье и неся его въ одной руцѣ, а животное — въ другой. Такъ какъ свободно могла быть только одна рука, то сниманье и собиранье платья и

переходъ черезъ рѣку заняли довольно долгое время. Достигнувъ улицы Кармелитокъ, Томъ замѣтилъ свою мать, г-жу Кельманъ и еще нѣсколькихъ женщинъ, стоявшихъ при началѣ улицы. Онъ радостно побѣжалъ къ нимъ и, поднявъ руку, закричалъ: «Смотри, мама, какое хорошенькое животное я досталъ». Взглянувъ на предметъ, который онъ держалъ въ рукѣ, всѣ женщины съ крикомъ ужаса моментально разбѣжались въ разныя стороны; мать воскликнула: «Господи, помилуй, какого только горя не наживешь съ тобой!»—О, Мэгги, Мэгги,—закричала г-жа Кельманъ,—это змѣя, не пускайте его въ домъ, не то всѣ мы будемъ перекусаны,—и скрываясь въ домъ, съ этими словами, женщины закрыли входную дверь на задвижку и Томъ остался со своей находкой на улицѣ.

Въ это время показался мужъ г-жи Кельманъ. «Что это тутъ произвело переполохъ между этими бабами?» — спросилъ онъ Тома.—Да только вотъ этотъ звѣрекъ,—ответилъ Томъ. Кельманъ отскочилъ въ сторону. «Онъ тебя не укусилъ?»—Нѣтъ.—«Хорошо,—прибавилъ Кельманъ,—въ такомъ случаѣ, самое лучшее что ты можешь сдѣлать, это отнести это, какъ можно скорѣе, къ доктору Фергюссону, потому что нельзѧ позволить тебѣ внести это въ домъ».

Докторъ Фергюссонъ держалъ аптекарскій складъ недалеко отъ начала Грина. У него было множество различныхъ животныхъ въ стеклянныхъ банкахъ на окнахъ. Мальчики любили смотрѣть на эти необычайные предметы, привлекавшіе вниманіе всего околотка. Многіе говорили, что эти вещи привезены изъ-за границы. Томъ часто бывалъ уже и раньше у него съ особенно крупными червями, лестрыми улитками и стрекозами; такъ и теперь Томъ пошелъ къ аптекарю со своей новой находкой.

Тѣмъ временемъ, около него собралась толпа мальчишекъ, которые, однако, держались на почтительномъ разстояніи и разбѣгались въ стороны, при каждомъ его дви-

женії. Наконецъ, онъ достигъ докторской двери. Когда тотъ увидѣлъ извивающееся животное въ руки мальчика, онъ приказалъ ему выйти изъ лавки и ждать на улицѣ, пока онъ приготовить банку, чтобы положить животное. Томъ ждалъ посреди улицы, пока приготовлена была банка, тогда ему приказали бросить змѣю туда и закрыть банку какъ можно лучше; докторъ далъ Тому четыре пенса за его сокровище. На слѣдующій день новая банка появилась на окнѣ ко всеобщему удивленію обывателей.

Томъ поспѣшилъ домой со своими деньгами. Придя домой, онъ встрѣтилъ отца, который схватилъ его за ширворотъ и спросилъ: «Гдѣ это ядовитое животное, которое было у тебя?» — Я оставилъ его у доктора Фергюссона.— «А больше ничего у тебя нѣтъ?» — Нѣтъ.— «Это странно, ты рѣдко приходишь домой, принося такъ мало. Впрочемъ, мы посмотримъ». Мальчикъ былъ отведенъ на задній дворъ, гдѣ ему велико было раздѣться; каждый клочокъ его одежды былъ осмотрѣнъ, обысканъ и вытрясенъ, при чемъ отецъ стоялъ все время съ палкой. Ничего не было найдено и Тому было разрѣшено одѣться и идти на верхъ спать.

ГЛАВА III.

УЧЕНЬЕ МАСТЕРСТВУ.

Мальчикъ начиналъ пріучаться къ праздности, такъ какъ не только онъ самъ наотрѣзъ отказался возвратиться въ ту же школу, но и родители не настаивали, послѣ того какъ узнали о жестокомъ обращеніи съ нимъ учителя. Но нельзя-же было позволить мальчугану вѣчно бродить по окрестностямъ въ поискахъ за змѣями и приносить всякихъ гадовъ домой къ ужасу всѣхъ сосѣдей. Ему и самому уже хотѣлось приняться за работу, и родители, наконецъ, согласились, хотя ему было всего лишь шесть лѣтъ. Но бѣдный людъ всегда находитъ для своихъ дѣтей занятія въ дома. Какъ бы мало ни зарабатывали дѣти—всегда это пригодится въ семье.

Братъ Эдварда былъ года на два старше Тома и работалъ на табачной фабрикѣ Крэгъ и Джонстонъ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что фирма согласна взять и младшаго Эдварда, съ платой по 14 пенсовъ въ недѣлю. Табако-прядильщики работали въ старомъ зданіи, въ концѣ улицы св. Николая, близъ мукомольной мельницы. У каждого прядильщика было по три помощника-мальчика: механикъ, сортировщикъ и трепальщикъ. Эдвардъ прошелъ всѣ эти три степени и какъ трепальщикъ получалъ уже 18 пенсовъ въ недѣлю.

Хозяинъ былъ большой любитель птицъ, такъ что Эдварду было хорошо у него. Мальчикъ приносилъ ему лѣтомъ множество гнѣздъ съ птенцами, а зимою ловилъ ему старыхъ птицъ. Хозяинъ позволилъ ему держать его кроликовъ на заднемъ дворѣ, такъ что между работой и отдыхомъ Томъ кормилъ ихъ и ухаживалъ за ними, такъ что время проходило для него гораздо счастливѣе, чѣмъ то было въ школьн.

Пробывши около двухъ лѣтъ на фабрикѣ, Эдвардъ узналъ, что мальчики получаютъ гораздо больше жалованья въ Грандгольмѣ, въ мануфактурѣ стоявшей на берегу р. Донъ, миляхъ въ двухъ отъ Абердина.

Большое жалованье имѣло, конечно, и большую привлекательность. Поэтому Томъ съ братомъ, воспользовавшись первымъ праздничнымъ днемъ, отправились въ контору просить мѣста. Управляющій сказалъ мальчикамъ, что въ настоящее время онъ не нуждается въ лишнихъ рукахъ, но записалъ ихъ имена и обѣщалъ дать имъ знать, какъ только ихъ услуги ему понадобятся.

Вернувшись, дѣти рассказали родителямъ, что они сѣлали. Отецъ и мать—оба были противъ перемѣны, отчасти въ силу молодости Тома, отчасти потому, что Грандгольмъ былъ такъ далекъ отъ Абердина. Но Томъ настаивалъ, увѣряя, что онъ можетъ и ходить и работать, и родители дали свое согласіе. Кроме большаго жалованья, была еще и другая причина, заставлявшая Тома желать перемѣщенія въ Грандгольмъ, но это онъ держалъ про себя. Мальчикъ раньше уже видѣлъ часто эту мѣстность, но издали. А можетъ-ли кто-либо хоть разъ видавшій извилистые и покатые берега Дона со старого моста, по направлению къ Грандгольму, когда-нибудь забыть ихъ? Смотря внизъ съ высоты старого моста, вы видите высокую арку, переброшенную черезъ глубокій и темный, извилистый Донъ. Внизу рыбаки на своихъ лодочкахъ подъезжаютъ и, причаливъ, растягиваютъ на берегу свои

съти. Къ западу отъ моста рѣка вьется между крутыми берегами, одѣтыми до самой вершины густымъ лѣсомъ. Двѣ или три мили далѣе виднѣются высоты, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на всю рѣку, а позади всего темная полоса густого лѣса. Надо всѣмъ этимъ сверкаютъ шпицы башень св. Макарія—каѳедральнаго собора старого Абердина. Вотъ ради возможности гулять по этимъ лѣсамъ среди всей этой живописной мѣстности, Томъ и хотѣлъ особенно получить мѣсто въ Грандгольмѣ. И онъ не разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Прошло не болѣе трехъ дней, какъ въ квартирѣ Эварда получилось письмо, извѣщавшее обоихъ мальчиковъ, что они могутъ получить занятія въ конторѣ на обычныхъ условіяхъ. Время занятій было отъ шести утра до восьми вечера.

Такимъ образомъ, мальчики должны были вставать около 4-хъ часовъ утра и, позавтракавъ, отправляться за дѣ мили на работу. Возвращались-же домой они рѣдко ранѣе девяти ч. вечера. Лѣтомъ прогулки эти были очаровательны, но зимой, когда и уходить и возвращаться приходилось впотьмахъ, да еще въ жестокіе холода — это было ужасно. Жалованіе мальчикамъ было сначала положено отъ 3 до 4 шиллинговъ въ недѣлю каждому; потомъ жалованье имъ увеличили и они дошли до 6 шиллинговъ.

Вначалѣ опредѣлили ихъ въ чесальню, потомъ перевели въ малую прядильную комнату, прилегавшую къ большой мануфактурѣ. Томъ долженъ былъ стоять позади трепала и убирать полные ящики, замѣняя ихъ пустыми. Позднѣе его приставили къ двумъ чесальнымъ машинамъ, а оттуда къ прядильнымъ, изъ которыхъ три оставались на его попеченіи все время, пока онъ былъ на этой фабрикѣ.

«Люди могутъ говорить о фабрикахъ что имъ угодно,— позднѣе говоривъ Эвардъ,— но я любилъ свою мануфактуру; для меня это было очень счастливое время моей жизни. Расположена была наша фабрика въ центрѣ прекрасной долины, со всѣхъ сторонъ она была защищена высокой и

густой изгородью изъ боярышника вперемежку съ большиими, тѣнистыми деревьями. Долину пересѣкали по разнымъ направлениемъ ручейки и замыкалась она позади фабричныхъ строеній чуднымъ старымъ лѣсомъ. Все дышало природой и жило заодно съ жизнью природы. Въ часы, назначенные для ёды и отдыха, входъ въ лѣсъ для постороннихъ былъ воспрещенъ и онъ предоставлялся только рабочимъ. Какая тамъ была масса гнѣздъ, всевозможныхъ насѣкомыхъ; множество полевыхъ цвѣтовъ и растеній, какихъ я не видывалъ нигдѣ прежде! Но самой занятной птичкой былъ соловей, который всегда гдѣ-то прятался. Какъ я любовался этимъ миленькимъ существомъ, которое такъ искусно разливалось въ лѣсу своими милыми трелями и съ такимъ совершенствомъ подражало различнымъ другимъ птичкамъ».

Однажды какъ-то Томъ увидѣлъ зимородка—цѣлое событие въ его жизни! Что за красавая птичка! Роскошное опереніе, сверкающее и переливавшее всѣми цвѣтами радуги: отъ свѣтло-бирюзового до темно-зеленаго, отливавшаго мѣдью и золотомъ! Эдвардъ былъ съ нѣсколькими товарищами, гуляя по возвышенному берегу Дона въ поискахъ за гнѣздами, когда впервые увидаль эту нарядную птичку. «Я былъ пораженъ,—рассказываетъ онъ,—необычайной красотой птички и удивился, когда она погрузилась въ рѣку; я думалъ, что она потонеть или же перышки ея такъ напитаются водой, что она не въ состояніи будетъ уже летать. И если-бы это случилось, то я намѣревался нырнуть и схватить ее себѣ въ награду. Но такъ какъ этого не случилось, то я ходилъ взадъ и впередъ за птичкой, пока не стемнѣло и вечернія тѣни такъ стутились, что я долженъ былъ прекратить преслѣдованія. Тутъ-только я замѣтилъ, что товарищи все уже разошлись и я долженъ былъ возвращаться домой одинъ».

Случилось такъ, что мѣсяцъ или два, въ теченіе лѣта, благодаря недостатку воды, одна часть фабрики работала

по ночамъ — другая днемъ. Это было чудесное для меня время. Я особенно радовался ночной работѣ. Мы оканчивали ее въ 6 ч. утра и вмѣсто того, чтобы идти прямо домой, я поднимался обыкновенно въ лѣсъ и обходилъ его кругомъ, возвращаясь домой черезъ старый мостъ. Иной разъ я шелъ къ Буксбурну, проходилъ черезъ рощицы и окрестныя мѣстечки и возвращался черезъ Гильтонъ. А не то, перейдя Грандгольмскій мостъ, поворачивалъ внизъ по берегу Дона, черезъ поля, поднимался по извилистымъ тропинкамъ, переходилъ черезъ Бродгилль и по Конституціонъ-стритъ домой. Правда, я возвращался уже около обѣда, вмѣсто 7 ч. утра, но все же къ 8 ч. вечера снова былъ уже на фабрикѣ.

Какъ-то разъ, въ субботу, зайдя въ Буксбурнъ, я пошелъ вокругъ, обошелъ Стокетъ и лѣсомъ вышелъ на дорогу къ каменоломнѣ, такъ что пришелъ домой уже къ вечеру. Ахъ, какіе это были счастливые дни! Не приходилось бояться плетки, ни трепетать въ ожиданіи какого-либо тиранства надъ собою. Случалось, положимъ, что сообѣди, по старой памяти, иногда покривили на меня, но я отъ нихъ удиралъ. Лѣсничіе, охранявшие дичь, тоже иногда гонялись за мной, но я старался ихъ избѣгать, такъ какъ всегда было въ лѣсу что-либо, помимо гнѣздъ, представившее для меня интересъ. А зимой, когда замерзали каналы и рѣки, какой прекрасной забавой было скользить по льду, идя на работу или возвращаясь обратно. Это была жизнь — настоящая жизнь для мальчика. Но, увы! печальная перемѣна надвигалась и наступила очень скоро».

Мальчики оставались на Грандгольмской фабрикѣ около двухъ лѣтъ. Отецъ думалъ, однако, что ихъ слѣдовало-бы пріучить къ какому-нибудь постоянному ремеслу. Онъ взялъ сначала старшаго и отдалъ его въ ученики къ булочнику. Потомъ и младшій, Томъ, оставилъ, къ своему большому огорченію, фабрику и былъ отданъ ученикомъ къ башмачнику. Въ это время ему было одиннадцать лѣтъ.

Время ученья должно было продолжаться шесть лѣтъ. Жалованье положено было въ 18 пенсовъ въ недѣлю съ тѣмъ, чтобы каждый слѣдующій годъ прибавлялось по 6 пенсовъ еженедѣльно. Отъ хозяина своего мальчикъ получалъ обувь и передники; работать нужно было съ 6 ч. утра до 9 ч. вечера, при чемъ два часа давалось на обѣдъ и отдыхъ.

Хозяинъ, по имени Чарльзъ Бэггъ, держалъ мастерскую и лавку при ней въ самой высокой части Галлотета; подмастерьевъ у него было обыкновенно двое или трое; главнымъ образомъ, вырабатывалъ онъ легчайшіе сорта кожи для дамской и дѣтской обуви. Самъ хозяинъ занимался сбираніемъ и окончательной отдѣлкой башмаковъ, чemu долженъ былъ научиться и Эдвардъ.

Бэггъ вышелъ изъ самого низшаго слоя лондонской черни; онъ родился въ Лондонѣ, гдѣ научился и своему мастерству. Постепенно онъ переселялся все къ сѣверу; жилье вѣкоторое время въ Инвернѣѣ, потомъ въ Эльгинѣ, въ Банфи и, наконецъ, добрался до Абердина, гдѣ женился и обосновался. Бэггъ былъ хороший работникъ, но, кромѣ башмачнаго ремесла, не зналъ ровно ничего; впрочемъ, если человѣкъ исполняетъ свое дѣло честно и добросовѣстно, то достаточно было бы быть при этомъ хорошимъ работникомъ—и только. Но Бэггъ, кромѣ шитья башмаковъ, умѣлъ еще пить и драться. Онъ былъ большою любителемъ кулачной расправы, но, къ сожалѣнію, большое затрудненіе представлялось для него, когда онъ напивался, въ томъ, что очень трудно было найти съ кѣмъ бы подраться среди мирныхъ обывателей его околотка.

Большимъ несчастіемъ для Тома было, что его отдали въ ученье къ такому драчливому пьяницѣ. Мальчикъ прилагалъ все стараніе, учился набивать подошвы, выѣзжалъ головки и перешель уже къ изготавленію носковъ. Онъ, навѣрно, прекрасно усвоилъ бы ремесло своего мастера, еслибы не пьянство этого послѣдняго, которое вело его постепенно къ разоренію. Хозяинъ часто отсутство-

валь, и когда приходили заказчики, то хозяйка посыпала Эдварда искать мужа; но, найденный и приведенный въ лавку, онъ, обыкновенно, бывалъ невмѣнляемъ. Заказчики не возвращались, понятно, и торговля мало-по-малу падала. А пьяный Бэггъ рвалъ и металъ и, избивъ мальчика въ лавкѣ, поднимался, обыкновенно, въ свою квартиру наверхъ бить жену.

Всѣ саложные и башмачные мастера, обыкновенно, имѣютъ любимцевъ — животныхъ, чаще — птицъ. Многие изъ нихъ окружаютъ себя пѣвчими птичками и въ часы досуга возятся съ ними и искусно научаются подражать ихъ свисту и чириканью. Но Бэггъ составлялъ исключение, онъ не любилъ ничего въ природѣ и ненавидѣлъ тѣхъ, кто находилъ въ ней что-либо хорошее. Эдвардъ-же отъ рожденія любилъ природу, и всѣ живыя существа его интересовали, поэтому Бэггъ возненавидѣлъ его.

При входѣ въ лавку, хозяинъ имѣлъ обыкновеніе обыскивать карманы мальчика и, если находилъ что-либо, выбрасывалъ на улицу, будь то коробочка съ бабочками, птичий яички или что бы то ни было, при чемъ немало шелковъ доставалось на долю Эдварда. Хозяинъ все твердилъ, что выбить ему дурь изъ головы — но пытался напрасно!

Какъ-то, послѣ полудня, Эдвардъ, окончивъ работу, поджидалъ возвращенія хозяина, ушедшаго обѣдать, и, сидя, держалъ на кольяхъ воробья, еще молодого, котораго онъ самъ выростилъ и научилъ разныемъ маленьkimъ штукамъ. Это былъ его любимецъ, къ которому Томъ былъ страшно привязанъ. Когда вернулся хозяинъ, въ лавкѣ было уже на - половину темно. Взглянувъ на кольни Эдварда, онъ подошелъ и далъ мальчику такой подзатыльникъ, что тотъ растянулся на полу. Птичка тоже слетѣла на полъ и была помята. Когда Эдвардъ стала подниматься, то увидѣлъ, что хозяинъ собирается ударить его ногой; мальчикъ поднялъ руку, чтобы защититься отъ удара, но нога Бэгга, встрѣ-

тивъ на пути руку Тома, потеряла равновѣсіе, Бэггъ зашатался, хотѣль удержаться за стѣну, но все же упалъ, но тотчасъ поднялся, и если былъ сначала злой, то теперь пришелъ прямо въ ярость. Эдвардъ, предвидя новое покушеніе, заявилъ, что будетъ звать на помощь, что не желаетъ бытьбитымъ безъ всякой причины. «Какъ безъ причины? лентяй! — завопилъ хозяинъ, — сидѣть и играть съ какимъ-то своимъ чертenkомъ вмѣсто того, чтобы дѣлать мою работу». — У меня не было работы; она уже часа три какъ окончена, и я ждалъ васъ, чтобы идти обѣдать, — возразилъ Эдвардъ. «Еще не время обѣдать!» — Уже 4 часа, — замѣтилъ Томъ. «Я не зналъ, что уже такъ поздно; хорошо, иди», — поправился хозяинъ. Томъ воспользовался возможностью поднять свою бѣдную птичку съ полу и увидалъ, что она еще дышала. Онъ осторожно положилъ ее за пазуху и пустился домой. Мать не удивилась его позднему появленію къ обѣду, такъ какъ это случалось нерѣдко, благодаря неаккуратности хозяина, но обратила вниманіе на разстроенное лицо мальчика. «Что съ тобой? у тебя и лицо въ крови, и ты плачешь!» — Посмотри, — отвѣтилъ Томъ, вынимая свою безответную птичку, теперь уже безздыханную, — это хоть кого огорчить, — и слезы его полились на маленькаго любимчика. — Я бы за себя такъ не огорчился, — замѣтилъ мальчикъ, — если бы онъ пощадилъ мою птичку. — И онъ рассказалъ матери обо всемъ прошедшемъ, прибавивъ, что если бы Бэггъ ударилъ его еще разъ безъ причины, онъ навѣрно бы убежжалъ отъ него. Мать серьезно возразила на это, замѣтивъ, что, будучи связанъ договоромъ на 6 лѣтъ, онъ долженъ отслужить срокъ, во что бы то ни стало.

Вернувшись послѣ обѣда въ мастерскую, Эдвардъ встрѣтилъ у дверей своего хозяина, который сначала ударилъ, потомъ обыскалъ его. Не найдя ничего, хозяинъ позволилъ ему сѣсть на свое мѣсто за работу.

Такъ прошло три года, Мальчикъ выучился кое-чему

по части башмачного дѣла, а хозяинъ все опускался ниже и ниже и во время своихъ пьяныхъ выходокъ частенько злоупотреблялъ властью и былъ ученика. Однажды Эдвардъ принесъ въ мастерскую съ собой трехъ маленькихъ кротовъ и спряталъ ихъ въ своей шапкѣ. Когда Бэггъ нашелъ ихъ, то тотчасъ-же убилъ, а Эдварда ударилъ колодкой, схватилъ за шиворотъ и потащилъ къ дверямъ, тутъ ударилъ еще и съ страшной силой вытолкнулъ его на улицу. Эдвардъ пошелъ домой, рѣшивъ съ этого дня никогда болѣе не служить у такой грубой скотины. На слѣдующій день Бэггъ вызвалъ мать и приказалъ ей прислать мальчика на работу. Эдвардъ отказался идти. Бэггъ призвалъ на помощь законъ, пригрозивъ, что заставитъ Эдварда отбыть все время ученія, иначе будетъ судомъ преслѣдоватъ отца и поручителей и потребуетъ штрафъ за нарушение договора. Эта угроза сильно напугала мать, въ виду рѣшительного отказа Эдварда идти работать. Нѣкоторое время семья оставалась подъ страхомъ, но такъ какъ ничего не было слышно о процессѣ, то понемногу успокоились.

Что-же теперь было дѣлать Эдварду? Онъ просто былъ боленъ отъ этого ремесла и хотѣлъ найти какое-либо другое занятіе, которое оставляло бы ему болѣе свободнаго времени для мотіона на свѣжемъ воздухѣ. Онъ будетъ матросомъ! У него было сильное стремленіе посмотретьъ чужія страны и ему казалось, что лучшій путь къ достижению этого—сдѣлаться матросомъ.

Излагая свои соображенія родителямъ, Томъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ; они всѣми способами старались разубѣдить его. «Да, конечно, если не хочешь возвращаться къ Бэггу, то долженъ найти себѣ хозяина и докончить время ученія. Выучись башмачному мастерству, а тогда можешь себѣ идти въ матросы и отправляться смотрѣть какія угодно страны».

Таковъ былъ совѣтъ отца, но онъ совершенно не со-

отвѣтствовалъ видамъ Эдварда, которому захотѣлось не-премѣнно стать морякомъ. Онъ отправился въ гавань и, разсматривая тамъ корабли, вездѣ предлагалъ себѣ въ юнги, прося капитановъ принять его, но все напрасно. Наконецъ, нашелся одинъ, соглашавшійся принять его, но лишь съ разрѣшеніемъ отца. Этого Томъ получить не могъ, и потому на время оставилъ эту мысль.

Тогда мальчикъ началъ думать, какъ-бы ему уйти изъ дома. Онъ не могъ уѣхать въ море, а потому надо было попытаться сдѣлать что-нибудь сухимъ путемъ. Часто слы-шалъ Томъ отъ своихъ родителей о томъ времени, когда они жили въ Кеттлѣ, и о своемъ дядѣ, который ходилъ искать его въ цыганскомъ таборѣ. Эдвардъ сталъ думать, что было-бы пріятно повидаться съ этимъ дядей; онъ навѣрно могъ-бы помочь ему найти какое-нибудь другое и лучшее занятие, чѣмъ башмачное ремесло. Мысли мальчика на эту тему были самыя неопредѣленныя, но онъ твердо зналъ только, что не пойдетъ уже навѣрно больше работать съ пьянымъ башмачникомъ Чарльзомъ Бэггъ.

ГЛАВА IV.

БЕГСТВО ИЗЪ ДОМУ.

Наконецъ, Томъ окончательно рѣшилъ бѣжать изъ дома, подальше отъ возможности повторенія жестокостей Бэгга, и навѣстить своего чудеснаго дядю въ Кеттель. Селеніе это, расположеннное почти въ центрѣ Файфа, отстояло миль на сто отъ Абердина. Эдвардъ не имѣлъ никакого представленія о дорогѣ, но рѣшилъ попробовать и сдѣлать все возможное для достижения своей цѣли.

Первое, что ему было необходимо — это деньги. Весь его заработокъ шелъ всегда въ общую кассу и тратился на общія нужды семьи. Когда мать ушла, оставивъ Эдварда качать люльку, онъ заглянулъ въ коробочку, гдѣ хранились деньги, и нашелъ тамъ только одну, сиротливо притаившуюся шестипенсовую монету. Тому въ общемъ нужно было 7 пенсовъ — одинъ за переходъ черезъ мостъ въ Монрозъ, и 6 пенсовъ за перевозъ черезъ Тай у Донди. Онъ взялъ монету, полагая, что недостающее добавить продажей своего перочиннаго ножа. Отрѣзавъ двѣ трети овсянаго каравая и захвативъ въ бумажку немногого муки, онъ связалъ все вмѣстѣ съ платьемъ, даль на прощанье сильный толчокъ люлькѣ и вышелъ изъ дома, никѣмъ не замѣченный. Онъ пробѣжалъ по берегу Ди до того мѣста, гдѣ теперь кладбище, зашелъ въ кусты, снялъ свои ложмотыя и надѣлъ свое праздничное платье. Затѣмъ, связавъ

все снятое въ узелокъ, сдѣлалъ ямку въ пескѣ и закопаль все туда, прикрывъ сверху травой, листьями и сучьями и затоптавъ ногами. Связавъ чулки и башмаки, онъ перебросилъ ихъ черезъ плечо и босикомъ отправился дальше, думая, что будетъ въ состояніи сдѣлать всю дорогу въ два дня.

День былъ чудесный, когда Томъ началъ свое длинное путешествіе. Провіанту у него было съ собой мало-вато, да и надо было постараться пріобрѣсти недостающій пенсъ. Встрѣтивъ двухъ пастушковъ и дѣвочку съ ними, онъ имъ сказалъ: «Не хотите-ли купить у меня перочинный ножикъ, я отдамъ дешево». —Нѣтъ.—Онъ прошелъ уже около 16 миль отъ Абердина.

Мѣстность, по которой проходилъ Эдвардъ, не особенно привлекала его вниманіе: ему хотѣлось скорѣе пройти побольше, не теряя времени. Но мимо развалинъ Дунноттаръ-Кастля онъ не могъ пройти равнодушно. Развалины эти приходились по лѣвой руку отъ него, на скалистомъ плоскогоріи, между его дорогой и моремъ, и казались очень обширными, но Томъ не рѣшился дѣлать крюкъ, чтобы пойти ихъ осмотрѣть. Развалины этого замка напомнили ему массу различныхъ исторій, слышанныхъ имъ еще дома, про многихъ сторонниковъ пресвитеріанцевъ, брошенныхъ въ подвалы замка и умершихъ тамъ, про тѣхъ, которые пытались бѣжать оттуда и разбивались о скалы, когда хотѣли спуститься къ морскому берегу, и наконецъ о коронныхъ драгоцѣнностяхъ, спрятанныхъ тамъ во время республиканской войны. Воспоминанія эти немного сокращали ему путь, но мысль, на которой онъ постоянно останавливался, была о томъ, какъ-бы продать ножикъ и получить недостающую сумму.

Приближаясь къ Берви, онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ парней, которымъ предложили купить у него перочинный ножъ. «А гдѣ ты его укралъ?»—услышалъ онъ въ отвѣтъ. Эдвардъ пошелъ дальше сопровождаемый цѣлымъ градомъ

камней. Онъ шелъ довольно долго, пока не почувствовалъ утомленія и жары; онъ присѣлъ на берегу ручья и принялъ за свою овсянную муку, которую глоталъ, запивая холодной водой ручья. Отдохнувъ, онъ поднялся и бодро направился къ Монрозѣ. По дорогѣ было много предметовъ, которые онъ охотно-бы взялъ съ собой; также съ удовольствіемъ заглянуль-бы онъ въ лѣсъ, но мысль о предстоявшемъ далекомъ пути не давала возможности останавливаться на этихъ желаніяхъ. Кеттель былъ еще очень далеко, а кромѣ того, необходимо было раздобыть недостающее пени, чтобы уплатить за переходъ черезъ мостъ. Онъ встрѣтилъ еще какую-то дѣвочку, которой тоже предложилъ купить у него ножикъ, но тоже получилъ отказъ.

Вскорѣ онъ нагналъ какихъ-то мужчину и женщину, крайне подозрительного вида; не желая имѣть съ ними столкновенія, онъ прибавилъ было шагу, чтобы обогнать ихъ, но мужчина обратился къ нему со словами: «Эй, постой, малый, ты, кажется, ужасно торопишься?»—Да, — отвѣчалъ Эдвардъ,—я очень спѣшу.—«Нѣтъ-ли у тебя ягодъ?»—Нѣтъ.—«Попробуй-ка, не звенитъ ли у него что-нибудь», сказала женщина своему компаніону. —«Есть-ли у тебя деньги?», спросилъ мужчина.—Нѣтъ.—«Возьми преспокойно, да и прижми его хорошенько», посовѣтовала женщина. Томъ, услыхавъ это, немедленно пустился прочь отъ нихъ и, такъ какъ бѣгаль очень хорошо, то скоро оставилъ ихъ далеко позади.

Наконецъ, вотъ уже и Монрозъ. Замѣтивъ нѣсколькихъ мальчугановъ, глазѣвшихъ въ окно какого-то магазина, Томъ подошелъ и предложилъ имъ тоже свой ножикъ. Но и они отказались отъ покупки. Эдвардъ подумалъ, что сму, вѣроятно, никогда не отдѣлаться отъ ножичка. Между тѣмъ, необходимо было достать пени, чтобы пройти че-резъ мостъ, а больше ничего для продажи у него не было. Размѣнять шестипенсовую монету онъ не могъ, и онъ решилъ предложить ножичекъ вмѣсто платы мостовому

сторожу, а если тотъ откажется принять или купить ножикъ, то попытаться просто перебѣжать черезъ мостъ. Но подойдя ближе и поглядѣвъ на входную часть моста, онъ убѣдился, что это послѣднее совершенно невозможно; онъ отошелъ и снова рѣшилъ попробовать еще съ продажей перочинного ножа. На берегу онъ замѣтилъ какую-то большую постройку, около которой были заняты нѣсколько человѣкъ рабочихъ; Эдвардъ обратился къ нимъ со своимъ предложеніемъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ одинъ изъ рабочихъ сказалъ, что готовъ дать пенні за ножикъ; Тому только это и нужно было; онъ поспѣшилъ къ мосту, отдалъ требуемый пенні и продолжалъ путь.

Становилось уже темно; Эдвардъ шелъ почти весь день безъ отдыха и былъ очень утомленъ; ему очень хотѣлось остановиться гдѣ-нибудь и найти ночлегъ. Но прежде еще надо было поужинать; онъ опять присѣлъ у ручейка, сѣль побольше муки, запивая ее водой, и закусилъ кускомъ овсянаго каравая. Подкрѣпившись и отдохнувъ, Томъ подумалъ, что будетъ въ состояніи пройти еще нѣсколько миль; сумерки на сѣверѣ продолжаются долго, ночи теплые, такъ какъ былъ юль, и онъ подвигался все далѣе и далѣе. Наконецъ, онъ увидалъ близъ дороги, за изгородью, лугъ, покрытый копнами сѣна; онъ рѣшилъ, что это будетъ очень хорошее убѣжище на ночь, а потому перелѣзъ черезъ изгородь, подошелъ къ одной копнѣ, вытащилъ изъ нея немного сѣна и, забравшись въ середину копны, вскорѣ уснулъ. Подъ утро его разбудило что-то, ползавшее у него по лбу; поднявъ руку, онъ нашупалъ большого, чернаго жука, который пытался проникнуть къ нему подъ шапку. Томъ пожалѣлъ, что съ нимъ не было ящичка, куда бы спрятать жука, и попросту смахнулъ его. Потомъ онъ почувствовалъ, какъ мышь перебѣжала черезъ него. Было еще темно, но востокъ уже алѣлъ; день былъ близокъ и мальчикъ вылѣзъ изъ своей норы, отряхнулся отъ сѣна, перелѣзъ обратно загородку и

очутился опять на дорогѣ. Сначала чувствовалъ онъ нѣкоторую какъ бы одеревенѣлость въ ногахъ, но потомъ разошелся и съ разсвѣтомъ подошелъ къ Арброту (Arbroth). Всѣ еще спали, у городскихъ воротъ стояла только какая-то женщина, которую Томъ спросилъ гдѣ дорога въ Дёнди, но изъ отвѣтovъ ея понялъ только, что она или пьяна, или что-либо еще похуже, и пошелъ далѣе. Прошелъ онъ много разныхъ улицъ, но нигдѣ не встрѣтилъ ни души; городъ еще спалъ; тогда мальчикъ присѣлъ у какой-то двери, съѣлъ кусокъ хлѣба и началъ уже засыпать, когда его разбудили шаги какихъ-то прохожихъ. Они указали ему дорогу и онъ пошелъ дальшѣ. По дорогѣ нагнали онъ какого-то человѣка, который брелъ по тому-же пути, какъ и онъ. Онъ оказался изъ Дённи, по ремеслу ткачъ, и ходилъ теперь по окрестностямъ, ища работы. Человѣкъ этотъ разспросилъ Эдварда, откуда онъ, куда направляется, гдѣ ночевалъ и есть-ли у него деньги въ достаточномъ количествѣ для продолженія пути. Услышавъ, что у него есть ровно только на перевозъ, — ткачъ далъ ему пенни, прибавивъ, что даль-бы охотно болѣе, но что это вся его мелочь. Вскорѣ, идя уже вдвоемъ, нагнали они двухъ женщинъ, оказавшихся женами матросовъ. Они шли тоже изъ Абердина на побывку въ Дёнди, гдѣ теперь грузился корабль, на которомъ служили мужья. Ткачъ, узнавъ, откуда онѣ, сказалъ имъ, указывая на своего маленькаго спутника: «Вотъ этотъ малый тоже идетъ оттуда-же, и такъ какъ кошелекъ его не очень-то тugo набитъ, то вы бы недурно сдѣлали, если-бы прибавили ему монетку-другую!» Одна изъ женщинъ пристально посмотрѣла на Эдварда и замѣтила: «Я тебя, навѣрно, видала гдѣ-нибудь прежде; не посѣщалъ-ли ты, мальчуганъ, нашъ рыбный рынокъ?»—Да.—«И ловилъ тамъ иногда крысъ?»—Да, слушалось.—«Ну, такъ я тебя знаю; я помогала матери, которая торговала тамъ рыбой и, навѣрно, видывала тебя на рынке». Потомъ женщины спросили его, куда онъ

идеть.—Въ Кеттель, къ дядѣ,—отвѣтилъ онъ. «Куда?»—переспросили онѣ и расхохотались, такъ какъ никогда не слыхивали про такое мѣсто. На прощаніе женщины дали ему по пенсю каждая, и одна изъ нихъ сказала: «Ну, береги свои ноги, мальчуганъ, если ты хочешь дойти до Кеттля».

Достигнувъ Дёнди, Эдвардъ перебѣхалъ на паромѣ и пришелъ въ Ньюпортъ, находившійся уже въ округѣ Файффъ. Отсюда онъ направился въ Купаръ. Мальчика ужасно смущали указанія, которыя ему давали встрѣчные люди, которыхъ онъ пробовалъ спрашивать о дорогѣ: они его посыпали то къ югу, то къ сѣверу, то на западъ, то на востокъ,— а онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія объ этихъ географическихъ мѣстахъ. Такъ онъ пошелъ было по указанному направленію, но совсѣмъ сбился съ пути, сѣль на камнѣ на краю дороги и началъ засыпать. Какой-то господинъ, проѣзжавшій въ экипажѣ, крикнулъ ему: «Эй, мальчикъ, вставай, не спи здѣсь на солнцѣ, это очень опасно!» Внезапно разбуженный, Томъ даже не понялъ, гдѣ онъ; прида въ себя, онъ попросилъ этого барина указать ему дорогу въ Купаръ и пошелъ по указанному пути.

Нѣкоторое время дорога шла лѣсомъ. Среди множества разнообразныхъ птицъ, встрѣтившихся ему тамъ, мальчикъ замѣтилъ какихъ-то, невиданныхъ имъ еще доселѣ, маленькихъ, хорошенькихъ птичекъ, съ очень длинными дрожащими хвостиками. Онѣ лищали, точно мыши, порхали и садились на самыя тонкія вѣточки; это былъ молодой выводокъ синицъ, а родители, вѣроятно, порхали гдѣ-либо поблизости. Эдвардъ углубился въ лѣсъ, слѣдя за ними, какъ вдругъ услыхалъ, что его окликаютъ, и кто-то схватилъ его сзади за воротникъ. Это былъ лѣсничій, который грубо спросилъ его, куда онъ идетъ и что тутъ дѣлаеть.—Ничего. — «А что-же у тебя въ узлѣ?» — Моя чулки и башмаки—«Покажи!» Узелокъ былъ развязанъ, и

такъ какъ кромъ чулокъ и башмаковъ въ немъ ничего не оказалось, то мальчикъ былъ отпущенъ съ предостереженіемъ: никогда болѣе сюда не возвращаться, если не желаетъ попробовать тюрьмы. Пройдя еще нѣсколько миль, Томъ достигъ Купара, а оттуда уже было совсѣмъ близко до Кеттля. Томъ помылъ ноги, надѣлъ чулки и башмаки, отряхнулъ и вычистилъ свое платье отъ дорожной пыли, прежде чѣмъ явиться къ конечному пункту своего пути. Въ Кеттль онъ пришелъ къ вечеру и скоро нашелъ дядю. Но встрѣча совсѣмъ не отвѣчала его ожиданіямъ, такъ какъ была далеко не сердечная. Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ, дядя пришелъ къ заключенію, что мальчикъ совершилъ какой-нибудь проступокъ и уѣжалъ, чтобы скрыться отъ родителей въ Кеттль. Онъ не могъ повѣрить, чтобы мальчуганъ сдѣлалъ такой длинный путь, только чтобы повидаться съ дядей. Старикъ жилъ вдвое съ какимъ-то старымъ другомъ; родные его все—или перемерили или оставили селеніе; домъ, гдѣ онъ квартировалъ, былъ такъ переполненъ жильцами, что не было свободной кровати для Эдварда. Наконецъ, хозяйка пообѣщала устроить ему постель тамъ, гдѣ она, обыкновенно, держала дрова. Послѣ ужина Тома спросили, умѣеть-ли онъ читать. — «Немного, да». Была принесена Библія, и его просили прочесть двѣ главы. Потомъ спросили—умѣеть-ли онъ пѣть. Оказалось—нѣтъ; тогда ему сказали, что онъ можетъ идти спать. Постель показалась необыкновенно мягкой и нѣжной для утомленного мальчика. Засыпая, онъ слышалъ, какъ обитатели дома, собравшись вмѣстѣ, читали Библію и пѣли псалмы. Томъ спалъ очень крѣпко и спалъ-бы еще дольше, если-бы его не разбудили къ завтраку. На дворѣ шелъ дождь и мальчику стало скучно и одиноко; ему захотѣлось снова быть дома. До сихъ поръ онъ ни разу не подумалъ о послѣствіяхъ своего внезапнаго исчезновенія изъ дома. Теперь ему пришло въ голову: что могли подумать объ этомъ отецъ и мать? Но

какъ теперь вернуться домой? у него осталось всего пол-лени. Однако онъ все-же рѣшился поскорѣе вернуться въ Абердинъ; все-же это легче, чѣмъ оставаться здѣсь, въ тягость всѣмъ, въ Кеттлѣ. Онъ сказалъ дядѣ, что уйдетъ на слѣдующій день; тотъ ничего на это не отвѣтилъ. На слѣдующее утро Томъ всталъ рано, получилъ свой завтракъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большой кусокъ хлѣба, который онъ положилъ въ свой узелокъ. Дядя проводилъ его немножко по дорогѣ и на прощанье далъ ему 18 пенсовъ. Эдвардъ былъ въ восторгѣ: теперь онъ могъ спокойно отправиться домой, съ деньгами въ карманѣ.

Близъ Ньюпорта онъ увидѣлъ какихъ-то людей стоявшихъ на дорогѣ: двое были господа, а третій—повидимому сторожъ, приставленный караулить дичь въ лѣсу отъ охотниковъ; онъ что-то показывалъ двумъ господамъ. Эдвардъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что это была подстрѣленная птица съ голубыми крыльями и большой, пестрой головой. «Что вамъ тутъ надо?»—спросилъ сторожъ. — Посмотрѣть на птицу, если позволите,—отвѣтилъ Томъ.—«Вотъ вамъ!»—крикнулъ тотъ и махнулъ птицей въ лицо мальчика такъ близко, что чуть не вышибъ глазъ, и когда Эдвардъ вытеръ невольно набѣжавшія отъ неожиданности и затуманившія зрѣніе слезы, то всѣ трое уже ушли впередъ, по дорогѣ. Онъ послѣдовалъ за ними, въ надеждѣ, что ему удастся получить птицу въ руки, чтобы ее разглядѣть,—но сторожъ былъ неумолимъ.

Томъ подошелъ къ дамбѣ, чтобы перѣѣхать Тэй, какъ разъ въ ту минуту, когда паромъ причаливалъ къ пристани; онъ вторично съ удовольствіемъ совершилъ этотъ прекрасный перѣѣздъ въ Дёнди. Теперь онъ стремился къ ночи опять дойти до того луга, гдѣ онъ спалъ, идя туда, зарывшись въ сѣно. И онъ дошелъ, но лугъ оказался чистъ,—копны были уже свезены. Кругомъ былъ только дрокъ и верескъ, которыми и пришлось довольствоваться, улегшись на немъ до утра. Вставши, когда солнце уже

было высоко на небѣ, онъ весело пошелъ дальше. Онъ ми-
новалъ Арбрать и быстро направлялся къ Монрозу, когда
увидаль посреди дороги человѣка, стоявшаго съ быкомъ,
котораго онъ держалъ на веревкѣ. Человѣкъ этотъ попро-
силъ мальчика подержать веревку, пока онъ сходитъ до-
мой:—«Вотъ тутъ, близехонько,—сказалъ онъ указывая на
одно изъ ближайшихъ строеній.—Я дамъ вамъ за это что-
нибудь»,—добавилъ онъ.—Хорошо,—согласился Эдвардъ,—
но только, если вы будете не долго отсутствовать.—«Нѣтъ,
я не долго!»

Взявши веревку, Эдвардъ сообразилъ, что дѣло будетъ
вовсе не такое легкое, какъ показалось сначала. Едва
только хозяинъ удалился, какъ быкъ началъ бить ногами,
прыгать и лягаться; онъ закидывалъ голову назадъ и отска-
кивалъ съ такой силой, что мальчикъ едва держался на
ногахъ. Вмѣсто того чтобы держать веревку близко къ
животному, Эдвардъ даль ему волю, держа за дальній ко-
нецъ веревки. Быкъ пошелъ вдоль дороги, таша мальчика
за собой. Пока ихъ раздѣляла вся длина веревки, Эдвардъ
не тревожился особенно, но когда животное бросилось въ
ржаное поле, то онъ пустилъ его совершенно и пошелъ
своей дорогой.

Не успѣль онъ еще много отойти, когда, оглянувшись,
увидѣль, что быкъ его преслѣдуетъ. Замѣтивъ опасность,
Эдвардъ кинулся къ группѣ деревьевъ, росшихъ при до-
рогѣ, и, бросивъ свой узелокъ на землю, поспѣшилъ взо-
браться на одно изъ нихъ. Едва онъ успѣль немногого под-
няться, какъ животное уже подошло близко. Фиркая обню-
хивалъ быкъ узелокъ на землѣ, пронзительно заревѣль,
подбросилъ узель, подхвативъ его съ земли рогами, еще
разъ, глядя кверху, на мальчика, замыгчалъ и, выскочивъ
изъ чащи, со всѣхъ ногъ понесся по ближайшей тропинкѣ.
У Эдварда занялся духъ отъ волненія; онъ остался нѣко-
торое время на деревѣ, пока немного успокоился, потомъ
слѣзъ и бѣжалъ по дорогѣ нѣсколько миль, не остановли-

ваясь, пока почувствовалъ себя совершенно въ опасности.

Это было единственное происшествіе въ теченіе обратнаго пути; Томъ благополучно прошелъ Берви и, не желая попасть къ ночи въ Абердинъ, какъ сначала намѣревался, остался ночевать въ Стонгафенѣ. Переночевавъ въ докѣ, Эдвардъ прямо уже направился домой; не доходя Абердина, онъ зашелъ въ кусты, на берегу, гдѣ было закопано его платье, нашелъ все въ цѣлости; потомъ зашелъ еще взглянуть на гнѣздо жаворонковъ, которое тоже оказалось на прежнемъ мѣстѣ, и явился домой прямо къ завтраку, ровно черезъ недѣлю послѣ своего ухода.

Мать была дома.—«Гдѣ-же это былъ, бродяга?»—У дяди, «Гдѣ?»—У дяди въ Кеттель.—«Это, значитъ, ты прошелъ всю дорогу до Файфа?». Томъ рассказалъ все, послѣ чего мать прочла ему длинную и серьезную нотацію. Она упрекала его въ безчестномъ поступкѣ, который онъ совершилъ, взявъ потихоньку монету изъ коробочки, когда уходилъ.—Хорошо,—сказалъ онъ,—вотъ шесть пенсовъ за тѣ, которые я взялъ.—У него оставались еще деньги изъ данныхъ ему дядей.—«Нѣть,—возразила мать,—проступокъ все равно останется вѣдь проступкомъ; но, надѣюсь, ты достаточно наказанъ за него теперь».

Затѣмъ она начала убѣждать его вернуться къ своему мастерству, такъ какъ все-же это было лучше, чѣмъ праздно бродить по окрестностямъ, словно скрывающейся какой-нибудь негодяй. Эдвардъ спросилъ, не согласится ли теперь отецъ отпустить его въ море. Но мать предполагала, что нѣть, что вернуться къ ремеслу было-бы лучше и по мнѣнію отца. Сама-же она не хотѣла ни одного слова болѣе слышать о морской службѣ.

ГЛАВА V.

ОПЯТЬ ЗА СТАРОЕ.

Вместо того, чтобы взяться сейчас же опять за свою работу, Эдвардъ все-же попробовалъ опять пойти въ портъ, чтобы убѣдиться окончательно, не возьметъ-ли кто-либо изъ капитановъ его на службу матросомъ. Въ теченіе трехъ дней ходилъ онъ отъ корабля къ кораблю. Нѣкоторые изъ капитановъ соглашались взять его, но съ тѣмъ, чтобы условіе было подписано отцомъ, а другіе требовали если не отцовской подписи, то двухъ поручителей, подписавшихся на условіи. Это были серьезныя затрудненія, слишкомъ серьезныя, чтобы можно было ихъ обойти, и Эдвардъ на четвертый день съ тяжелымъ сердцемъ ушелъ изъ гавани. Тамъ, правда, было много шкиперовъ разныхъ ка-ботажныхъ судовъ или старыхъ, груженныхъ углемъ и известью барокъ, которые соглашались взять Тома на че-тыре года, но это былъ не тотъ родъ судовъ, на какихъ-бы ему хотѣлось плавать.

Поэтому, хотя и очень неохотно, но Эдвардъ долженъ былъ оставить всѣ помышленія о мореплаваніи и стать придумывать, за какое-бы ремесло взяться, которое-бы ему было менѣе противно, чѣмъ прежнее—башмачное. Но родители и слышать не хотѣли о перемѣнѣ; они сообщили ему, что прежній хозяинъ согласенъ принять его обратно и платить еженедѣльно шиллингомъ болѣе въ текущемъ

году и на два шиллинга въ недѣлю больше въ теченіе будущаго, послѣдняго, пятаго года ученія. Но Эдвардъ наотрѣзъ отказался вернуться къ прежнему хозяину, который такъ жестоко обращался съ нимъ.

Не желая, однако, совершенно пренебрегать желаніемъ и совѣтами родителей, онъ, наконецъ, согласился продолжать занятія своимъ ремесломъ. Но вмѣсто того, чтобы вернуться къ Бэггу и дослужить свое время у него, Томъ нашелъ мастера на Шо-Лэнѣ, который охотно согласился взять его и помочь ему усовершенствоваться въ его дѣлѣ. Эдвардъ согласенъ былъ давать мастеру, за его трудъ, извѣстный процентъ со своего заработка, помимо своего ученическаго жалованья, и свою долю зѣ отопленіе и освѣщеніе. Работа Эдварда на этомъ мѣстѣ была легче и не такъ продолжительна; хозяинъ его былъ гораздо мягче прежняго, и дѣло шло впередъ. Эдвардъ чувствовалъ себя болѣе хозяиномъ своего времени и могъ отдавать часть его наблюденію за гнѣздами, что было его любимымъ занятіемъ виѣ дома. Онъ никогда не выбиралъ яицъ изъ гнѣздъ, но очень любилъ искать гнѣзда и, найдя, навѣщать ихъ время отъ времени. Когда птенчики, вылупившись, оперялись и уже готовы были улетѣть, онъ бралъ себѣ одного или двухъ, если то были пѣвчія птички, и выкармливавъ ихъ окончательно для себя или для другого какого-либо любителя птицъ.

Приблизительно около этого времени, Эдвардъ началъ разводить свой Дикий Ботанический садъ, какъ онъ его называлъ. Родители его перебрались съ Грина въ другую часть города. Позади ихъ дома и нѣсколькихъсосѣднихъ, простиралось пустое пространство земли, футовъ на десять ширины, покрытое камнями, обломками кирпича и черепицы. Эдвардъ собралъ все это сѣ земли, сложилъ въ уголъ и прикрылъ землею. Онъ перекопалъ землю, перевернулъ ее всю и затѣмъ раздѣлилъ все пространство на участки, для посадки растеній и цвѣтовъ. Эти послѣдніе

онъ приносилъ съ луговъ, съ береговъ Ди и Дона и изъ сосѣднихъ лѣсовъ. Онъ ухаживалъ за ними и ежедневно поливалъ; но, увы! они не такъ хорошо росли и цвѣли какъ на своей родной почвѣ; онъ все подновлялъ и прибавлялъ ихъ. Малина, земляника, наперстянка, болиголовъ (цикута) и разные виды папоротниковъ и травъ—росли прекрасно; но лучшіе и наиболѣе нѣжные изъ лѣсныхъ и полевыхъ цвѣточковъ умирали и погибали одинъ за другимъ. Мать его, которая страшно любила цвѣты, посовѣтовала ему обратить это мѣсто въ обычновенный садъ; хотя Эдвардъ любилъ и садовые цвѣты, но онъ предпочиталъ имъ дикорастущіе при дорогѣ полевые или лѣсные цвѣты, которые были ему знакомы съ дѣтства. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ совѣтъ матери и, зная много мѣсть на окраинѣ города, куда садовники выбрасывали свой хламъ, онъ отправился туда и собралъ тамъ много корней, цвѣтовъ и растеній, которые онъ и посадилъ у себя въ саду. Большинство изъ нихъ принялось очень хорошо и черезъ нѣкоторое время у него уже былъ прехорошень-кій, маленький садикъ. Эдвардъ не сажалъ никогда больше одного экземпляра изъ каждого сорта растеній, а потому садикъ былъ хороши и своимъ разнообразіемъ. Сосѣди, подсмѣшивавшіеся вначалѣ надъ его глупой затѣей, увидали результаты его возни, перешептывались между собою, говоря, что «малый» то очень способный, и жаль, что отецъ сдѣлалъ изъ него сапожника, а не садовника. Эдвардъ и самъ не разъ думалъ уже, что лучше было бы, еслибы родители его были такого-же мнѣнія, какъ сосѣди.

Недалеко за домомъ, въ которомъ жилъ Томъ, былъ старый кожевенный заводъ и тамъ много, негодныхъ уже, дубильныхъ чановъ, полныхъ воды. Эдварду пришло въ голову, что это было бы прекрасное мѣсто для разводки лягушекъ и головастиковъ. Онъ взялъ большую корзину, пошелъ на мѣста, изобиловавшія этими существами, и, со-

бравъ порядочное количество ихъ, пустиль ихъ въ чанъ, но они не выдержали и почти всѣ подохли. Тогда онъ набралъ что-то около сорока водяныхъ ящерицъ и пустиль ихъ тоже въ чанъ; но онъ больше ихъ уже и не видаль, ни мертвыми, ни живыми. Такимъ образомъ, онъ долженъ бытъ отказатьться отъ своего предпріятія.

Около этого времени Томъ началъ иногда прогуливаться мимо книжныхъ и ёстампныхъ магазиновъ, разглядывая, выставляемыя на окнахъ, картички и изданія. Прогулки эти приносили ему не только удовольствіе, но и пользу: онъ многому научился изъ картинъ, особенно изъ рисунковъ различныхъ животныхъ. Онъ находиль, что гораздо больше пользы можно извлечь изъ посѣщенія подобныхъ лавокъ, чѣмъ изъ посѣщенія трактиръ. Когда ему попадалась книга, которую онъ могъ пріобрѣсти,—онъ покупалъ ее, хотя средства его все еще были очень скучны. Такимъ образомъ, онъ познакомилъ съ журналомъ: «*Penny Magazine*». Онъ купилъ первый № *), и журналъ такъ ему понравился, что онъ пріобрѣталъ и слѣдующіе нумера. Особенно интересовалъ его отдѣлъ, посвященный естественной исторіи. Между прочими изданіями пріобрѣль онъ также и «*Weekly Visitor*», стоявшій всего пол-пенни; тамъ были хороши рисунки и занимателныя исторіи, обыкновенно религіознаго направленія. Не пропускалъ также Томъ посѣщать по пятницамъ Кастьгэйтъ, чтобы посмотреть на картины и иллюстрированныя изданія, ко-торыя выставлялись тамъ для продажи въ базарные дни.

Окна оружейныхъ мастеровъ тоже служили не малой приманкой для Эдварда, такъ какъ тамъ выставлялись иногда чучелы птицъ. На Вач-лэнѣ, недалеко отъ полицейского управлени, было окно, специально занятое чучелами различныхъ животныхъ, видъ которыхъ и подаль Эдварду мысль о возможности сохраненія животныхъ послѣ

*) Журналъ этотъ издавался въ 1832 г., когда Эдварду было около 18 лѣтъ.

ихъ смерти. Первый звѣрекъ, котораго онъ набилъ, былъ кротъ и онъ имъ очень гордился.

Такъ какъ башмачная торговля пошла очень вяло, то Эдвардъ оставилъ своего мастера на Шо-Лэнѣ, пробывъ тамъ около двухъ лѣтъ. Послѣ этого онъ временно работалъ въ одной башмачной мастерской, на набережной, близъ гавани, за опредѣленное жалованье. Хотя у него оставалось меныше времени для его естественно-историческихъ изслѣдований, но онъ все же ухаживалъ ежедневно за садикомъ и за своей «семьей», какъ мать называла собраніе его звѣрей. Когда торговля опять немного ожила, Эдвардъ опять вернулся на прежнее мѣсто, но не надолго: съ хозяиномъ нужно было расплачиваться и Эдвардъ не зналъ, какъ ему быть.

Около этого времени, эмиграція въ Америку успѣлась до крайнихъ предѣловъ: торговля во всей странѣ была въ застоѣ; во многихъ фабричныхъ городахъ происходили беспорядки и даже бунты изъ-за недостатка хлѣба. Множество рабочихъ осталось безъ дѣла и безъ средствъ къ существованію, конечно. Абердинъ раздѣлялъ общую участіе; многие изъ жителей уже эмигрировали въ Соединенные Штаты въ надеждѣ на большій спросъ тамъ на рабочія руки. Эдварду тоже очень бы хотѣлось уѣхать—но не было главнаго—денегъ на дорогу. Все его сбереженіе равнялось нѣсколькимъ шиллингамъ. Развѣ попытаться проѣхать тайкомъ, «зайцемъ»?

Этотъ способъ часто примѣнялся эмигрантами въ тѣхъ гаваняхъ, откуда отходили суда въ Америку. Обыкновенно желающій проѣхать по секрету, всходилъ на корабль во время нагрузки или какой-либо суеты, прятался въ трюмъ, гдѣ и оставался, пока корабль не отходилъ настолько въ море, что берега уже не было видно, и тогда выходилъ на палубу, зачастую еле живой отъ голода. Эдвардъ рѣшился на этотъ способъ, чтобы только уйти подальше отъ Абердина и, главное, отъ неподобнаго ему

башмачного дѣла. Онъ знакомъ былъ съ однимъ изъ матросовъ на кораблѣ, который онъ намѣтилъ для выполненія своего плана, и хотя этотъ матросъ сильно возражалъ противъ его проекта, но Томъ уговорилъ его очистить небольшое пространство между кладью корабля, на носу, и пустить его туда. Тамъ, между ящиками и корабельными канатами, Эдвардъ спряталъ три дюжины сухарей и двѣ бутылки воды.

Запасшись такимъ образомъ, Эдвардъ бродилъ по набережной въ ожиданіи дня отплытія корабля. Но корабль не отходилъ еще пять дней послѣ объявленнаго срока. Эдвардъ поднялся на корабль вмѣстѣ съ прочими прибывшими туда эмигрантами и трое сутокъ пролежалъ въ своемъ убѣжищѣ, между свернутымъ канатомъ и какими-то ящиками, питаясь своими сухарями, запиваемыми водой. Поутру на пятый день онъ былъ въ той-же импровизированной каюте, а корабль уже готовился сняться, когда его знакомый матросъ прибѣжалъ, запыхавшись, и спросилъ (такъ какъ въ трюмѣ было совершенно темно), тутъ-ли онъ.—Конечно,—отвѣтилъ Эдвардъ.—«Ну, такъ, ради Бога, уходи, не медля ни минуты, и ступай на берегъ. Симонъ Граантъ (муниципальный чиновникъ) со своими ищейками явился, и они перероютъ весь корабль и весь трюмъ перевернутъ изъ за бѣглецовъ. Торопись, пока еще есть время, и уходи; видно, не судьба тебѣ».

Но Эдвардъ еще медлилъ; ему не хотѣлось покидать свою дыру. Услыхавъ, однако, необычайное движеніе, начавшееся наверху, вперемежку съ какимъ-то сердитымъ говоромъ и опасаясь еще худшаго, онъ, наконецъ, крайне неохотно, выползъ изъ своей норы, вышелъ на палубу и сошелъ на берегъ какъ разъ въ ту минуту, какъ корабль отчаливалъ отъ набережной. Позднѣе онъ узналъ, что чиновники искали другого сорта секретныхъ грузовъ, скрывавшихся въ ящикахъ и боченкахъ. Пришлось помириться съ мыслью, что этимъ способомъ не доведется ему пови-

датъ чужіе края, и онъ пошелъ, огорченный и обезкураженный, домой.

Въ 1831 г. вызваны были ополченцы Абердинского округа, и Эдвардъ записался въ полкъ, хотя ему было лишь около 18-ти лѣтъ въ то время. Когда полкъ собрался, то оказалось, что это, по большей части, все какие-то оборванцы, подонки со всего округа, не имѣвшіе ни малѣйшаго представленія о порядкѣ и не желавшіе подчиняться никакимъ законамъ. Рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы патруль не захватилъ нѣсколькихъ изъ милиционеровъ этихъ за пьянство и безобразное поведеніе. Даже во время смотровъ многихъ приходилось отсылать подъ арестъ, за неповиновеніе и за дерзости по отношенію къ офицерамъ.

Созвана была милиція всего на мѣсяцъ. Всю первую недѣлю полкъ учился вовсе безъ оружія; лишь на послѣднюю недѣлю имъ раздали ружья и штыки. Отрядъ, къ которому принадлежалъ Эдвардъ, однажды былъ выведенъ на ученье на берегъ рѣки; былъ яркій, солнечный день. Отрядъ маршировалъ вдоль низкаго побережья, когда вдругъ совсѣмъ близко пролетѣла огромная коричневая бабочка. Эдвардъ тотчасъ ее увидѣлъ и, моментально забывъ, где онъ и что дѣлаетъ, бросился за ней вдогонку, такъ какъ никогда еще не видаль подобныхъ бабочекъ. По песку и между кочекъ несся онъ, вытягивая руку, за насѣкомымъ, которое все не давалось; онъ потерялъ уже фуражку и все бѣжалъ. Наконецъ, онъ уже близокъ къ цѣли: бабочка сѣла, и онъ вотъ-вотъ схватить ее,—какъ вдругъ кто-то поймалъ его самого за воротникъ. Эдвардъ обернулся и увидаль капрала и четырехъ солдатъ позади его.

Строго глядя ему въ лицо, капраль сказалъ: «Что случилось, Эдвардъ?»—Ничего. — «Чортъ это или лѣшай?»—Нѣтъ, вовсе не то, это чудная бабочка.—«Что за дьявольщина! Да что, вы сумасшедший?» — Нѣтъ, не думаю, чтобы я былъ помѣшаннымъ.—«Однако, видъ у васъ со-

вершенно сумасшедшаго человѣка; и я вамъ скажу вотъ что: вы поплатитесь за это». — За что? — спросилъ Эдвардъ. — «А вотъ за нарушеніе цѣпи и бѣгство съ ученья. Я приказанъ арестовать васъ и отвести на гауптвахту. Ну, маршъ!» И они двинулись — два солдата впереди, два назади, а Эдвардъ съ капраломъ посрединѣ. Тѣмъ временемъ собрался и народъ, потому что мальчишки кричали и сывали посмотрѣть, какъ поведутъ сумасшедшаго солдата.

По дорогѣ арестантъ со своей стражей встрѣтили одного изъ офицеровъ своего полка, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ. «Куда это вы идете съ этимъ мальчишкой?» — спросилъ офицеръ, обращаясь къ капралу. — На гауптвахту! — «Что, опять неповиновеніе?» — Такъ точно! — «Это ужасно, что-же онъ сдѣлалъ?» — Онъ разорваль ряды во время ученья, и несмотря на то, что сержантъ Форбсъ призывалъ его къ порядку, онъ все-таки выскочиль и побѣжалъ за чѣмъ-то, что онъ называетъ бабочкой. — Наступило краткое молчаніе, во время котораго дамы переглядывались и улыбались. «Что вы сказали, капраль? Что онъ вырвался изъ рядовъ за бабочкой? Очень странно! Что, онъ сумасшедшій?» — Такъ думаетъ сержантъ, и поэтому-то я и взялъ четверыхъ, чтобы помочь мнѣ взять его; но я этого не думаю. — «Такъ что-же, онъ выпивши?» — Нѣтъ, и этого я не допускаю также. — «Но вѣдь долженъ-же онъ быть или помѣшаннымъ, или пьянымъ; когда-нибудь раньше уже замѣченъ онъ въ подобномъ поведеніи?» — Нѣтъ, не былъ, насколько мнѣ известно.

Офицеръ съ дамами отошелъ въ сторону и разговаривалъ; минутъ черезъ пять офицеръ опять подошелъ и сказалъ капралу: «Вы увѣрены, что раньше этого случая арестантъ вѣль себя прилично, капраль?» — Я не знаю ничего, въ чемъ-бы онъ былъ замѣченъ, сударь. — «Вызовите его впередъ». Эдвардъ приблизился къ офицеру. «Ну, что можете вы сказать о вашемъ поступкѣ, почему вы вышли изъ рядовъ во время ученья и побѣжали за ба-

бочкой? Вы подвержены припадкамъ умопомѣшательства?» Эдвардъ молчалъ. «Что-же, вы не умѣете развѣ говорить?»—сердито закричалъ офицеръ.—Нѣть, сударь, могу, но вы задали вопросы, на которые я не могу отвѣтить. — «Что заставило васъ выйти изъ рядовъ и бѣжать за какимъ-то безвреднымъ насѣкомымъ?»—Я, право, не знаю, ничего, кромѣ сильнаго желанія имѣть такую чудесную бабочку.

Офицеръ и капраль обмѣнялись взглядами, и офицеръ, отзовавъ Эдварда въ сторону, сказалъ ему: «Я смѣю думать, сударь, что вамъ совершенно неизвѣстно, что проступокъ, который вы совершили, по военной дисциплинѣ, принадлежитъ къ весьма серьезнымъ. Этому постоянному неповиновенію долженъ же быть положенъ конецъ. Но такъ какъ это первый проступокъ вашъ и такъ какъ эти дамы просили за васъ, то я постараюсь выхлопотать для васъ прощеніе, въ надеждѣ, что вы съ этого времени будете строже относиться къ вашимъ обязанностямъ,—и обращаясь къ капраду, онъ прибавилъ: — отведите его обратно на его мѣсто въ ряды и передайте сержанту Форбсу, что я самъ поговорю съ нимъ объ этомъ дѣлѣ». Это была первая и послѣдняя провинность Эдварда; осталъное время прослужилъ онъ съ полнымъ вниманіемъ и точной исполнительностью.

Не хотѣлось Эдварду возвращаться къ своему ремеслу, отвращеніе; къ которому теперь у него было еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Не нравилось ему и слишкомъ маленькое жалованье: и еще болѣе не нравилась ему манера обращенія хозяевъ со своими подмастерьями и учениками: то они оставляли ихъ въ праздности цѣлые дни, а то вдругъ, къ концу недѣли, заставляли иногда работать день и ночь, чтобы кончить къ сроку работу. Эдварду гораздо болѣе по душѣ пришлась его военная жизнь и, чтобы покончить съ башмаками и продолжить свою военную службу, онъ записался въ 60-й карабинерскій полкъ.

Когда мать узнала о принятомъ имъ рѣшеніи, она рѣ-

шительна возстала противъ этого и, дѣйствуя на чувства молодого человѣка, который вовсе не былъ безсердечнымъ, она достигла того, что онъ обѣщалъ похлопотать о своемъ выходѣ изъ полка. Этимъ и закончилась военная карьера Эдварда.

Раньше чѣмъ онъ совершенно оставилъ Абердинъ, онъ помогалъ отцу въ теченіе почти двухъ лѣтъ, въ качествѣ сторожа, отворявшаго загороженный мѣста въ Сѣверной церкви на Кингъ-Стритѣ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ занятіемъ въ церкви и съ грустью оставилъ это мѣсто, когда ему пришлось совершенно оставить Абердинъ, чтобы поселиться въ Банфѣ.

ГЛАВА VI.

ВОДВОРЕНИЕ ВЪ БАНФѢ.

Эдварду было уже лѣтъ двадцать, когда онъ оставилъ Абердинъ и переселился въ Банфъ, чтобы жить своимъ ремесломъ. Онъ нашелъ тамъ вскорѣ мастера, охотно принявшаго его работниковъ. Башмачное дѣло вообще не процвѣтало, и люди работали цѣлые дни за очень небольшое жалованье. Самые лучшіе и трудолюбивыя работники могли зарабатывать лишь на насущный хлѣбъ. Получая пощучную плату, поденные работники все же занимались въ хозяйственныхъ лавкахъ и мастерскихъ. Рабочіе часы были отъ 6 утра до 9 вечера; мало оставалось времени, которое рабочіе могли-бы наѣзжать своимъ.

Для Эдварда недостатокъ свободнаго времени былъ едва-ли не тяжелье, чѣмъ недостатокъ жалованья, и онъ устроился такъ, чтобы все-таки удѣлять немного времени своему любимому занятію, и ходилъ за штицами, собирая бабочекъ и др. насѣкомыхъ. Онъ надоѣдалъ своимъ товарищамъ по мастерской такъ-же, какъ ранѣе надоѣдалъ своимъ одноклассникамъ. Іѣтомъ онъ собирая массу гусеницъ и, положивъ ихъ въ коробочку возлѣ себя въ мастерской, смотрѣль на нихъ и слѣдилъ за ихъ развитіемъ.

Несмотря на его присмотръ, нѣкоторыя гусеницы вылезали, расположились по полу, а иной разъ ползали и по

нотамъ присутствующихъ. Нѣкоторые рабочіе не обращали на это никакого вниманія, но былъ одинъ, съ которымъ дѣлались чуть не припадки, какъ только онъ узнавалъ, что какой-нибудь изъ этихъ «червей» опять выползъ. Прочіе смѣялись и устранивали ему разныя штуки. Когда, бывало, соскучатся и хотятъ посмѣяться, то стоило только кому-нибудь сказать: «Жоржъ, а вѣдь одинъ опять уже выползъ!» Тотчасъ тотъ вскачивалъ со своего мѣста и ни за что не садился, пока не убѣжался, что все черви крѣпко сидятъ по своимъ коробкамъ.

Эдвардъ вынужденъ былъ держать своихъ гусеницъ въ мастерской, потому что хозяйка, у которой онъ жилъ, не хотѣла, чтобы какие-бы то ни было изъ этихъ «пресмыкающихся», какъ она говорила, проникали въ ея квартиру. Одинъ разъ онъ какъ-то собралъ около дюжины гусеницъ маленькихъ ночныхъ бабочекъ и попросилъ у хозяйки коробочку, чтобы ихъ сложить. Хозяйка сказала ему на это, чтобы онъ убирался совсѣмъ отъ нея со всѣми своими «зверями». Она никакъ не могла понять, что за странный человѣкъ ея жилецъ. «Каждый старается подальше быть отъ всѣхъ этихъ гадовъ и звѣрей, а этотъ самъ за ними лѣзетъ! кажется, вѣдь уже и не ребенокъ!» — говорила она.

Эдвардъ снова вернулся къ мысли скопить достаточное количество денегъ, чтобы отправиться въ Америку. Но—человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! планы эти рухнули—Эдвардъ влюбился. Онъ встрѣтился на фермѣ Бойнди съ молодой поселянкой, которая ему понравилась; онъ полюбилъ ее, ухаживалъ и, наконецъ, женился и привезъ ее въ приготовленный для нея домикъ въ Банфѣ.

Эдварду было 23 года, когда онъ ввелъ въ свой домъ молодую хозяйку. Многимъ, быть-можетъ, покажется, что онъ поступилъ очень неосторожно, женившись такъ рано; но онъ ничего не зналъ ни о Мальтусѣ, ни о приростѣ или убыли народонаселенія, а просто слѣдовалъ своему

природному побуждению такъ-же, какъ и другіе. Но вышло, однако, что онъ очень хорошо женился. Женитьба эта опредѣлила его жизнь; уже не было больше мыслей о переселеніи въ Америку, потому что домашняя жизнь его была счастливая. Жена его была сердечная и веселая, всегда съ готовыимъ привѣтомъ на устахъ встрѣчавшая его возвращеніе. Они были очень бѣдны, это правда, но взаимная привязанность замѣняла имъ многое. Конечно, приходилось имъ подчасъ испытывать горькую нужду, потому что заработка Эдварда не поднималась выше 9 шиллинговъ въ недѣлю.

Другимъ хорошимъ результатомъ жизни Эдварда было то, что это дало ему возможность позаботиться о своемъ самообразованіи по вопросамъ естественной исторіи. Пока онъ жилъ по квартирамъ, онъ не имѣлъ почти возможности собирать коллекціи. Правда, что онъ исходилъ всѣ окрестности Банфа, бродилъ по пескамъ въ сторону Вайтгилля, изслѣдовалъ всѣ скалистыя ущелья и изучилъ вполнѣ географію какъ морского берега, такъ и внутренней части страны. Онъ зналъ разнообразныя свойства птицъ и животныхъ; нѣсколько птицъ даже онъ досталъ и набилъ изъ нихъ чучель, потому что за это время онъ научился сохранять не только насѣкомыхъ, но и птицъ. На прежнихъ его квартирахъ совершенно не было места для его набитыхъ птичекъ и собранныхъ мотыльковъ и бабочекъ. Лишь когда онъ зажилъ своимъ домомъ, могъ онъ спокойно начать собирать свои коллекціи. Для Эдварда было большими лишениемъ, въ его послѣдующей жизни, что на его ученье въ дѣтскіе годы такъ мало обращено было вниманія, потому что, хотя онъ успѣлъ побывать въ трехъ школахъ, когда ему еще не было шести лѣтъ, но, во-первыхъ, онъ былъ исключенъ изъ всѣхъ трехъ, какъ мы это уже видѣли, за свою любовь ко всѣмъ этимъ «занѣрамъ», а во-вторыхъ, онъ, сравнительно, очень малому выучился у своихъ учителей, которые и сами мало

знали и еще меньшему могли научить. Эдвардъ могъ читать, хотя съ трудомъ, арифметики онъ не зналъ, писать не научился вовсе. Да и не могъ онъ въ дѣтствѣ многому научиться, когда съ шести лѣтъ уже отданъ былъ въ работу. Была сдѣлана попытка научить его писать въ то время, какъ онъ былъ ученикомъ у пьяничужки Бэгга. Онъ попросилъ отпускъ, чтобы посѣщать уроки письма, дававшіеся по вечерамъ. Хозяинъ его не могъ или не хотѣлъ понять, чего онъ просить. «Чего тамъ писать?! Да вы этакъ, пожалуй, скоро попросите отпускать васъ на уроки танцевъ! На что вамъ понадобилось умѣть писать? Я долженъ буду самъ терять время, чтобы вамъ дать возможность научиться писать?» Однако, родители Эдварда поддержали его просьбу, и согласіе было получено. Но вѣчно находилась или спѣшная работа, или надо было отнести заказъ на домъ, такъ что Эдварду рѣдко удавалось посѣщать уроки письма, и къ концу первой четверти онъ немного больше зналъ, чѣмъ вначалѣ, изъ труднаго искусства—пользоваться перомъ и бумагой.

Собственно говоря, Эдварду приходилось во всемъ, за что бы онъ ни брался, начинать съ начала. Какъ мы уже говорили, ему почти совсѣмъ неизвѣстны были книги и у него не было ни единаго сочиненія по естественной исторіи. Онъ не зналъ названій животныхъ и птицъ, которыхъ доставалъ. За много лѣтъ его наблюденій и розысканій въ сферѣ естествовѣдія, познанія имъ пріобрѣтались чисто случайно. Въ началѣ своихъ занятій, онъ зналъ очень мало о свойствахъ, натурѣ и привычкахъ тѣхъ созданій, за которыми онъ ходилъ по лѣсамъ и лугамъ; даже не зналъ хорошенъко, где и какъ находить ихъ. Но этотъ самый недостатокъ свѣдѣній былъ въ то-же время для него источникомъ истиннаго удовольствія, потому что онъ собственнымъ опытомъ и наблюденіями достигалъ постепенно полнаго знакомства съ формой, видомъ, отличительными особенностями различныхъ животныхъ. Всѣ его

познанія были достигнуты и собраны имъ самимъ и были его собственнымъ приобрѣтеніемъ.

Къ сожалѣнію, достигнувъ уже зрѣлаго возраста, Эдвардъ все оставался робкимъ и одинокимъ среди товарищевъ. У него не было друга, который бы далъ направлѣніе его занятіямъ, какъ не было и такого, который бы давалъ ему хоть книги, чтобы онъ самъ могъ почерпнуть тамъ болѣе прочное основаніе для своихъ изслѣдованій. Со своими товарищами по мастерству онъ мало сходился; по большей части все это былъ народъ пьющій, а Эдвардъ всегда былъ воздержанъ и серьезенъ. Всѣ эти мастера и подмастерья никакъ не могли понять его; смотрѣли на него, какъ на какое-то странное, не установившееся, вѣчно бродящее созданіе, не понимающее жизни. Странно имъ было, что вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ вими провести вечерокъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ,—онъ тащился всегда домой, какъ-только кончалъ работу.

Преимущество, которымъ обладалъ Эдвардъ и которое вознаграждало его за всѣ труды и скрашивало невзгоды,—это была его непосредственная любовь къ природѣ. Все, что жило и дышало, имѣло для него свою прелесть. Онъ любилъ поля, лѣса, болота; онъ постоянно чувствовалъ присутствіе жизни земли и всего, на ней существующаго. Журчаніе ручья, шелестъ деревьевъ, порывы вѣтра, видъ облаковъ—все приводило его въ восторгъ и служило источникомъ наслажденія. Среди свободно живущей природы онъ самъ чувствовалъ себя вольнымъ.

Океанъ, въ своемъ непрерывномъ разнообразіи, — временами спокойно дремавшій и съ тихимъ шопотомъ, словно цѣлую песчаное побережье, едва колыхавшійся у ногъ, то полный кипучей жизни, проносившій взадъ и впередъ рыбачьи лодки около шкерь, а иногда съ глухимъ рокотомъ метавшійся и бившійся о прибрежныя скалы, какъ-бы ища выхода въ смертельной тоескѣ,—служилъ всегда предметомъ его удивленія и восторга. Такъ какъ прогулки

Эдварда чаще всего бывали ночью, то онъ имѣлъ возможность видѣть не только океанъ, но и разнообразныя красоты неба. Что представляли изъ себя всѣ эти многочисленныя далекія звѣзды? Были-ли это особые самостоятельные міры, или лишь форпосты нашей планеты, съ которыхъ можно было видѣть прочіе міры, находящіеся въ кругозорѣ самыхъ сильныхъ телескоповъ?

Самъ Эдвардъ такъ описываетъ свои впечатлѣнія: «Мы никогда не удается выразить мое безграничное восхищеніе передъ всѣмъ, созданнымъ волею Всемогущаго; и не только передъ чудесными твореніями, которыя мы всѣ видимъ на земной поверхности, но и передъ тѣми безчисленными и чудесными свѣтилами, которыя непрерывно движутся въ бесконечномъ громадномъ пространствѣ, где обитаетъ Предѣчный.

Каждое живое существо, которое движется и живеть, все, что растетъ на землѣ, все, созданное десницею или волею Всесильного Творца, имѣетъ необычайную прелестъ въ моихъ глазахъ и такъ наполняетъ восторгомъ все мое существо, что описать мои чувства совершенно невозможно».

Другое хорошее свойство, которымъ обладалъ Эдвардъ, помимо его сильной любви къ природѣ, была его непобѣдимая рѣшимость. Если онъ хотѣлъ пріобрѣсти какое-нибудь животное или что бы то ни было изъ предметовъ природы, то онъ не успокаивался, пока не успѣвалъ въ своихъ поискахъ. Иногда онъ на время оставлялъ въ покой предметъ своихъ исканій, потому что хотѣлъ сначала узнать хорошенъко свойства, черты и привычки животнаго, прежде чѣмъ достать его въ свою собственность. Такимъ способомъ онъ пріобрѣталъ множество такихъ свѣдѣній, какихъ нельзя почерпнуть ни въ какихъ книгахъ, кроме великой книги природы!

Въ началѣ весны 1838 г. Эдвардъ приступилъ къ составленію коллекціи различныхъ произведений природы.

Ему было тогда 24 года и около года уже онъ былъ женатъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ очень дешево пріобрѣлъ старое ружье, но оно было такое развинченное, что приходилось связывать веревкой стволъ и ложе ружья. Порохъ держалъ онъ въ рогѣ и отмѣривалъ старой глиняной трубкой количество, потребное для заряда; дробь была у него въ коричневомъ бумажномъ мѣшечкѣ. Нѣсколько коробочекъ для собиранія мотыльковъ и бабочекъ, нѣсколько средней величины бутылочекъ для насѣкомыхъ и гербарій для вкладыванія растеній—вотъ все, что было у Эдварда для собиранія его коллекцій.

Такъ какъ онъ продолжалъ заниматься башмачнымъ мастерствомъ отъ 6 ч. утра до 9 вечера, то почти всѣ его наблюденія и изслѣдованія начинались уже послѣ 9 часовъ. Такъ какъ жалованье его было и безъ того очень маленькое, то сократить свои рабочіе часы онъ никакъ не могъ. Ему необходимо было очень бережно обращаться какъ со своими деньгами, такъ и со временемъ, чтобы какъ можно больше сдѣлать на эти деньги и какъ можно лучше употребить время. Чтобы выполнить это, Эдвардъ твердо рѣшилъ никогда не терять ни минуты времени и не тратить ни одного пенни понараску.

Вечеромъ, вернувшись домой, онъ немедленно собираль всѣ принадлежности своихъ єкспурсій и, взявъ что-либо въ руки или въ карманъ на ужинъ, тотчасъ же уходилъ. Встрѣчный по дорогѣ ручеекъ доставлялъ ему воду для питья, и, пока еще былъ свѣтъ, онъ бродилъ по окрестностямъ и слѣдилъ за жуками, мотыльками, птичками и всякими живыми существами, попадавшимися ему на глаза.

Когда становилось уже совершенно темно, такъ что нельзя было ничего разглядѣть, онъ опускался гдѣ либо подъ деревомъ или кустомъ, или у ручья, гдѣ - было ближе, и, слегка вздремнувъ, поднимался опять съ разсвѣтомъ. Тогда онъ снова начиналъ свои наблюденія—которые и продолжалъ до того времени, когда уже пора было

возвращаться къ ежедневной работе. Случалось зачастую, что Эдвардъ заходилъ слишкомъ далеко или находилъ что-либо очень интересное, тогда ему приходилось снимать все свои принадлежности, прятать все, кроме приобрѣтенныхъ вещей, въ какой-нибудь ямкѣ и бѣжать, что было духу, обратно, чтобы во время поспѣть на работу.

По субботамъ вечеромъ Эдвардъ не могъ долго заниматься наблюденіями, такъ какъ въ полночь онъ долженъ былъ быть дома; въ Шотландіи нарушение святости субботы считается страшнымъ грѣхомъ, и Эдвардъ никогда не дѣлалъ этого. Для его душевнаго и физического здоровья очень было хорошо, что можно и должно было одинъ день въ недѣль не работать—за этотъ одинъ день отдыха шесть дней онъ усиленно работалъ и днемъ, и ночью. По воскресеньямъ онъ ходилъ съ женой въ церковь; послѣ вечерняго богослуженія онъ снималъ праздничное платье и одѣвался по-будничному; потомъ онъ на нѣсколько часовъ садился въ свое кресло или ложился на кровать и спалъ, чтобы быть бодрымъ и съ разсвѣтомъ, до начала работы, быть въ состояніи еще посвятить нѣсколько часовъ своимъ обычнымъ наблюденіямъ.

Всѣ сосѣди знали, что только бурная, нечастная ночь можетъ удержать этого Эдварда дома; они въ сущности недоумѣвали совершенно, не зная, какое объясненіе дать его ночнымъ прогулкамъ. Въ околотѣ ходили самые нелѣпые, преувеличенные толки о немъ. Онъ ходилъ съ ружьемъ, значитъ онъ не могъ быть ни ночнымъ воромъ, ни браконьеромъ, къ тому-же всѣ прекрасно знали, что онъ былъ трезвый и честный работникъ, отказывавшій себѣ во многомъ, никогда не жаловавшійся на свою долю, хотя жилъ очень бѣдно. Но чего ради онъ бродилъ цѣлые ночи по пустыннымъ, дикимъ и посѣщаемымъ призраками мѣстамъ? Никто-бы не согласился провести ночь на кладбищѣ Бойнди, а это было однимъ изъ его любимыхъ мѣстъ.

Эдвардъ выходилъ и въ лунные, и въ звѣздныя теплые ночи, и въ холодныя ночи съ моросившимъ дождемъ; погода была ему нипочемъ. Если шелъ дождь, то Эдвардъ забирался въ одну изъ песчаныхъ, известныхъ ему норъ, выставивъ голову и ружье, ожидая какого-нибудь интереснаго случая. Обыкновенно онъ пользовался норами лисицъ и барсуковъ; если кто-либо изъ хозяевъ и случался въ логовищѣ на ту пору, то они его не рѣшались беспокоить, развѣ иногда вылезаль барсукъ, оскаливъ зубы,— тогда приходилось стрѣлять по немъ. Онъ бы могъ часто стрѣлять по зайцамъ и оленямъ, но это была запрещенная дичь, и онъ не поддавался соблазну. Онъ стрѣлялъ совъ и жорыковъ изъ своей засады; выбиралъ изъ кружившихся около него мотыльковъ что ему было нужно и складывалъ ихъ въ коробочку, усыпляя навсегда, съ помощью нѣсколькихъ капель хлороформу. Когда дождь былъ уже очень сильный, то Эдвардъ прятался совершенно и пряталъ ружье, засыпая до первой возможности приняться спать за свой изслѣдованія. Случалось ему иногда находить себѣ пристанище въ какихъ-нибудь заброшенныхъ строеніяхъ—разрушенныхъ замкахъ, кладбищахъ или гумнахъ. Въ такихъ мѣстахъ, конечно, онъ лучше былъ защищенъ, чѣмъ сидя просто прислонясь къ стѣнѣ, за камнемъ или подъ деревомъ. Главнымъ неудобствомъ подобныхъ мѣсть было множество посѣтителей; болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было являлось всякихъ гостей, между которыми были: хорыки, летучія мыши, ласочки, крысы, мыши, не говоря уже о всевозможныхъочныхъ насекомыхъ, какъ жуки и многоножки. Только подумать — спать, когда въ лицо вами дышитъ и фыркаетъ хорекъ или ласка, а громадный крысы изо всѣхъ силъ стараются очистить ваши карманы отъ взятыхъ вами часовъ съѣстного! Но и эти гости не всегда приносили съ собой однѣ непріятности, иной разъ, по счастливой случайности, кто-нибудь изъ такихъ посѣтителей, не за-

мѣчая опасности, подходилъ слишкомъ близко, и тогда его неожиданно схватывали, и Эдвардъ, внимательно разглядѣвъ его, убивалъ, если ему было нужно, наби-
валь чучело и присоединялъ къ своей коллекції.

Самыя холодныя мѣста, гдѣ только Эдварду приходи-
лось проводить ночи, это, безъ сомнѣнія, было въ ска-
лахъ и между камнями, вдоль морского берега. Открытые
восточнымъ вѣтрамъ, покрытые лишь валунами, эти бе-
рега морскихъ откосовъ отчаянно холодны. Внутри страны,
далѣше отъ береговъ, конечно, можно было найти лучше
зашщищенные пристанища. Лѣтомъ онъ прекрасно спалъ
на травѣ, съ ружьемъ вмѣсто изголовья, просто подъ от-
крытымъ небомъ. Слухъ его былъ очень тонокъ и чутокъ,
особенно ко всѣмъ голосамъ природы, такъ что, задолго
еще до восхода солнца, когда жаворонокъ начиналъ свой
хвалебный гимнъ Творцу, Эдвардъ просыпался тоже и вы-
жидалъ разсвѣта.

Въ своихъ странствіяхъ по окрестностямъ зачастую случалось Эдварду быть застигнутымъ бурей и ненастiemъ, а такъ какъ онъ не носиль ни плаща, ни плѣда, ни зон-
тика, то и промокалъ до нитки ранѣе, чѣмъ успѣвалъ
найти какое-нибудь убѣжище. Одна изъ самыхъ замѣча-
тельно проведенныхъ имъ ночей была въ церковной
оградѣ, подъ старой могильной плитой, въ Бойнди. Цер-
ковь этого прихода во время оно находилась въ центрѣ
ограды, но такъ какъ это нашли неудобнымъ, то пере-
несли церковь ближе къ селенію, а отъ старой на преж-
немъ мѣстѣ осталась лишь часть остроконечной крыши,
въ оградѣ-же по-прежнему продолжали хоронить прихо-
жанъ. Расположенъ былъ этотъ приходъ на высокомъ
мѣстѣ, господствовавшемъ надъ моремъ, около двухъ миль
разстоянія отъ Банфа, къ западу; въ ясные дни съ клад-
бища виденъ, на большое разстояніе, обрывистый, суровый
и непривѣтливый берегъ моря. Въ ту ночь, о которой мы
говоримъ, было особенно темно; по небу неслись тяжелыя,

черные тучи; море глухо стонало, ударяясь о берегъ. Эдвардъ уже предвидѣлъ, что ночь будетъ грозная, такъ какъ видѣлъ тучи, обсыпавшія грозу съ проливнымъ дождемъ, но тѣмъ не менѣе пошелъ изъ дома.

Эдвардъ всегда любилъ величественное зрѣлище грозы; и днемъ это проявленіе стихійныхъ силъ доставляло ему наслажденіе, и ночью, когда всѣ погружались въ глубокій сонъ, онъ любилъ смотрѣть на это мрачное небо, перерѣзываемое молніей, и прислушиваться къ грознымъ раскатамъ. Въ этотъ вечеръ онъ какъ разъ подходилъ къ Бойнди, когда разразилась гроза. Тучи словно прорвались, и не-прерывные зигзаги молніи бросали яркій свѣтъ на землю и море. Дождь хлынула какъ изъ ведра, и Эдвардъ успѣлъ вымокнуть, пока добѣжалъ до церковной ограды, и скрылся подъ какой-то плитой старинного памятника, державшейся на четырехъ низенькихъ столбикахъ. Тамъ было мѣста ровно настолько, чтобы ему лечь, вытянувшись во весь ростъ. Между тѣмъ буря усиливалась; громовые раскаты грохотали на небѣ, словно вселенная готова была разлетѣться на части и, перемѣшившись, все должно было низринуться въ бездну. Гремѣло все сильнѣе и ближе; красный и желтоватый молніи, слѣдя одна за другой, непрерывно образовали какой-то отненный потокъ, каждая вспышка которого оставляла въ воздухѣ удушливый сырой запахъ. За дождемъ послѣдовалъ крупный градъ.

Потомъ начался вѣтеръ, сначала слабый, но, постепенно усиливаясь, онъ обратился въ настоящій ураганъ. Море вздыпалось, и съ ревомъ кидались волны на прибрежные камни. Хотя Эдвардъ вовсе не боялся грозы, но тутъ началъ трусить, чтобы этотъ яростно налетавшій вѣтеръ не заставилъ-бы окончательно обрушиться ветхую островерхую крышу старой церкви, которая, падая, несомнѣнно придавила бы и его подъ свою могильную плитой.

Ураганъ бушевалъ около часу, послѣ чего вѣтеръ спалъ.

Ночь давно прошла, и день былъ близокъ. Прежде чѣмъ покинуть свое убѣжище, Эдварду хотѣлось хоть немного уснуть. Только что началъ онъ дремать, какъ вдругъ былъ разбуженъ какими-то дикими звуками, совершенно неестественными, словно исходившими изъ-подъ земли. Звуки становились все громче и громче, обращаясь въ какіе-то не то стоны, не то завыванія. Что-бы это могло быть? Вѣдь онъ былъ въ царствѣ мертвцевъ! Можетъ быть духи? Нѣтъ! Его разсудокъ всегда былъ противъ подобныхъ предрассудковъ. Онъ выглянула, чтобы узнать, что это такое; въ это время что-то свѣтлое быстро промелькнуло мимо него и вслѣдъ за этимъ свѣтлымъ подвигался такой же, но темный предметъ. Когда прекратился этотъ вой, Эдвардъ собрался снова уснуть, но былъ опять разбуженъ чѣмъ-то, бѣгавшимъ по его ногамъ. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ разгадку всего! Две кошки, бѣлая и черная, по-просту, ухаживая другъ за другомъ на кладбищѣ, и задавали свой обычный концертъ.

Между тѣмъ уже занимался день, и Эдвардъ готовился покинуть мѣсто своего ночлега. Проведя всю ночь въ такомъ напряженно-неловкомъ положеніи подъ могильной плитой, онъ чувствовалъ одышкѣніе во всѣхъ членахъ. Къ тому же онъ и прозябъ, и промокъ; но это одышкѣніе вскорѣ прошло, послѣ того какъ онъ быстро прошелся на чистомъ воздухѣ, и онъ благополучно вернулся домой.

Съ Эдвардомъ частенько случались неудачи во время его ночныхъ экспедицій. Однимъ лѣтнимъ вечеромъ онъ вышелъ на охоту за мотыльками. Погода была мягкая и тихая и обѣщала ему удачную ловлю. Онъ взялъ съ собой свой ящикъ для насѣкомыхъ и пузырекъ съ хлороформомъ въ карманъ. Цѣлью его была лѣсная долинка у самаго берега рѣки. И онъ ходилъ по узенькой тропинкѣ взадъ и впередъ, высматривая свою добычу.

Солнце сѣло. Дрозды, передъ тѣмъ заливавшіеся громкою трелью, какъ-бы прощальнымъ гимномъ разставаясь

съ уходившимъ днемъ, теперь умолкли; ласточки разлетѣлись по своимъ гнѣздамъ; жаворонки попрятались въ свои моховые постельки. Лѣсныя горлинки проворковали уже и затихли, простившись на всю ночь. Жужжаніе пчель или какихъ-либо другихъ насѣкомыхъ не было слышно; все, казалось, погрузилось въ сонь; но въ природѣ не бываетъ полнаго покоя: сова начала свой болѣзnenный меланхолический крикъ; козули и серны, краса лѣсовъ и долинъ, оглашали ночной воздухъ своими криками.

Мотыльки начинаютъ показываться немного спустя послѣ того, какъ уже скроются бабочки. Они толпились и массами попадались въ ловушку Эдварда, который, при помоши своей сноторвной жидкости, сохранялъ ихъ въ своеи ящики, какъ бы живыми. Этимъ способомъ онъ собралъ большое количество различныхъ видовъ ночныхъ бабочекъ, между которыми были прекрасные, очень рѣдкіе экземпляры. Онъ надѣялся собрать еще больше, но посреди своихъ занятій былъ отвлеченъ приближенiemъ какого-то существа весьма странного вида.

Онъ тихо и осторожно ступалъ по намѣченной имъ дорожкѣ, собирая свою добычу и потихонько напѣвая, когда, оглянувшись, онъ увидѣлъ нечто большое и необычайно длинное, подвигавшееся къ нему. Онъ умолкъ и остановился. Что это могло быть за чудовище? Онъ не могъ разглядѣть хорошенько, потому что уже было темно, а луна еще не взошла; между тѣмъ, оно медленно подвигалось къ нему. Эдвардъ былъ совершенно обезоруженъ: на этотъ разъ ни ружья, ни даже ножа не было съ нимъ. Страхъ подсказывалъ: «Бѣги! спасай свою жизнь!» А храбрость возражала: «Нѣтъ, нѣтъ! стой, какъ подобаетъ мужчинѣ и настоящему натуралисту!» И онъ остался стоять.

Наконецъ, животное постепенно приблизилось къ нему. Тогда онъ увидѣлъ, что это были три большихъ барсука, шедшихъ одинъ за другимъ; ближайшій былъ уже въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ него. Уже нѣсколько времени какъ

Эдвардъ высматривалъ и поджидалъ случая пополнить свою коллекцію барсукомъ и теперь онъ надѣялся поймать хоть одного. Онъ бросился впередь, но барсуки внезапно повернули къ рѣкѣ, вдоль которой была его тропинка. Онъ завернулъ руку платкомъ изъ опасенія быть укушеннымъ, снялъ шляпу и стрѣлой пустился за барсуками. Онъ уже настигалъ ихъ, когда они готовы были уже броситься въ рѣку, и сильно ударили одного, но въ ту же минуту самъ упалъ на спину среди дороги. Придя въ себя, онъ началъ ощупывать, не сломаны ли у него ноги и на мѣстѣ ли голова. Все было въ порядкѣ, но, ощупывая, онъ нашелъ на затылкѣ большую шишку съ индошечье яйцо.

Таковъ былъ конецъ его ночной охоты за мотыльками. Но голова его была такъ полна барсуками и такъ онъ былъ сконфуженъ паденiemъ, что, придя домой почевать, онъ вскорѣ ушелъ опять, зарядивъ ружье съ намѣреніемъ застрѣлить барсука, но въ ту минуту, какъ готовился спустить курокъ, — проснулся!

ГЛАВА VII.

НОЧНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ.

Сравнительно гораздо легче наблюдать жизнь и обычай всевозможныхъ животныхъ днемъ, чѣмъ дѣлать это по но-чамъ. Эдвардъ, какъ мы уже не разъ упоминали, вынужденъ быть обстоятельствами посвящать свои дни всецѣло своему ремеслу, ради заработка, а для естественно-историческихъ изслѣдований оставались ночи.

«Мнѣ было-бы несравненно легче работать, — сказалъ какъ-то Эдвардъ на вопросъ, предложенный ему по поводу его ночныхъ наблюденій, — если-бы судьба снабдила меня хоть одной достойной довѣрія книгой по моему любимому предмету или послала мнѣ хотя-бы одного друга, который могъ-бы мнѣ сообщить необходимыя свѣдѣнія по интересующимъ меня вопросамъ. Но у меня не было ни книги, ни друга. Я былъ еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ моложе-жь, готовившаяся къ первому причастію въ приходской церкви въ Бойнди, когда добрый и благочестивый патеръ задавалъ имъ вопросы и, не получая отвѣта, говорилъ, что они возмутительно невѣжественны всѣ вообще. Но у нихъ свѣтъ былъ близокъ, потому что наставникъ былъ тутъ-же, среди нихъ, а у меня—ни наставника, ни луча свѣта ни откуда не было. Мнѣ было вдвойнѣ темно, вокругъ былъ мракъ черной ночи; единственный свѣтъ

исходилъ извнутри и источникомъ его было страстное желаніе и жажда знаній и болѣе близкаго знакомства съ произведеніями природы. Это-то и было той единственной искоркой, которая блестѣла на моемъ пути и свѣтила даже въ самыя темныя ночи, и, въ соединеніи съ моей, ни передъ чѣмъ не падающей, настойчивостью, какъ хороший и добрый рулевой, вела меня твердо и неуклонно впередъ.

Хотя Эдвардъ часто выходилъ и зимой, особенно въ лунные ночи, но главная ночная работа его происходила весной и осенью. Самая тихая и спокойная, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно, и самая темная часть ночи; разумѣется, если не было луны,—начиналась часъ спустя послѣ заката и оканчивалась за часъ до восхода солнца. Вотъ въ это темное время Эдвардъ, если не спалъ, рѣдко пропускалъ незамѣченными различные голоса и звуки, близкіе и дальніе, всевозможныхъ ночныхъ животныхъ, скитавшихся вокругъ. Въ теченіе нѣкотораго врѣмени онъ узнавалъ всѣхъ животныхъ и птицъ въ окрестностяхъ. Онъ узнавалъ животныхъ по разнымъ звукамъ, ими издаваемымъ, а птицъ даже по шуму ихъ крыльевъ, во время полета. Когда пролеталъ кто-либо изъ пернатыхъ, онъ сразу могъ сказать название, а часто даже и видъ и родъ, къ какому птица принадлежала. Но хотя онъ достигъ знакомства со многими изъ этихъ существъ, кричавшихъ и шумѣвшихъ по ночамъ, но были и такія, которыхъ стоили ему большого труда и требовали много времени и нѣкоторыхъ искусственныхъ маневровъ, прежде чѣмъ удавалось съ ними освоиться.

Появленіе птицъ и животныхъ, такъ-же какъ и полночные звуки этихъ бродягъ, конечно, было многочисленнѣе въ раннюю пору года. Весной и въ началѣ лѣта они всегда оживленнѣе. Къ концу же лѣта всѣ эти звуки слышатся рѣже, и сами животныя почти не показываются. Главнымъ мѣстопребываніемъ всякихъ животныхъ и птицъ были, конечно, лѣса; на поляхъ ихъ меныше, такъ-же

какъ ихъ немнога бываетъ и на скалахъ у морскаго берега, за исключениемъ зимы, а на холмахъ рѣже всего.

Когда онъ въ первый разъ отправился въ свое ночное путешествие внутрь страны, то, похожее на лошадиное, ржаніе олена и робкое «блекъ-блекъ» зайца сильно его смущали. Онъ приписывалъ эти звуки долгое время другимъ животнымъ, прежде чѣмъ бытъ въ состояніи, послѣ тщательныхъ наблюденій, узнать ихъ настоящій источникъ. Хотя олени бродятъ почти-что всю ночь, испуская случайно ворчаніе или ржанье, но по ночамъ они никогда не пасутся; между тѣмъ какъ зайцы добываютъ себѣ кормъ въ теченіе всей ночи, а весною и раннимъ лѣтомъ тихо при этомъ покрикиваютъ «блекъ-блекъ». Этотъ крикъ совершенно отличенъ отъ того, который заяцъ испускаетъ, будучи подстрѣленъ или попадая въ ловушку. Его крикъ о помощи тогда необычайно жалобный: онъ напоминаетъ трепещущій голосокъ ребенка, срывающійся съ дрожащихъ невинныхъ губокъ.

Замѣтивъ, такимъ образомъ, что олени и зайцы принадлежать къ животнымъ, которыхъ бродятъ часто и по ночамъ, онъ въ то же время убѣдился, что кролики не принадлежать къ ночныхъ скитальцамъ, хотя онъ видаль ихъ случайно выходившими при лунномъ свѣтѣ. Онъ часто наблюдалъ, какъ кролики уходили съ закатомъ солнца въ свои норы и лишь незадолго передъ разсвѣтомъ покидали ихъ. Но было одно явленіе, смущавшее его: онъ не замѣтилъ никакого крика, какъ у зайцевъ, но онъ часто слыхалъ какое-то странное постукиваніе. Какъ происходилъ этотъ шумъ? Онъ попытался узнать причину его старательными наблюденіями.

Однимъ раннимъ утромъ, когда Эдвардъ лежалъ подъ небольшимъ кустомъ, ядрахъ въ двадцати отъ песчанаго холмика, въ которомъ было множество кроличьихъ норъ, онъ бытъ пораженъ, услыхавъ громкое постукиваніе совершенно вблизи себя. Раздвинувъ потхоньку кустъ и

смотря сквозь него, онъ замѣтилъ кролика, который стучалъ задней лапкой по землѣ около отверстія одной изъ норъ.

Эдвардъ продолжалъ наблюдать за кроликомъ, который, покончивъ стукъ у первой норы, пошелъ стучать ко второй и такъ далѣе. Онъ обнюхивалъ землю сначала около норы и проходилъ мимо нѣкоторыхъ, не останавливаясь. Наконецъ, онъ дошелъ до норы, где движенье его было остановлено. Едва онъ ударилъ два или три раза, какъ изъ норы выскочилъ большой кроликъ и бросился на нарушителя покоя. Онъ кинулся на него съ такою яростью, что оба покатились съ пригорка.

Тутъ у нихъ началась настоящая схватка—правильный кроличій бой. Каждый хотѣлъ вскочить на другого и ударить его при этомъ по головѣ; каждый старался по выше подскочить и посильнѣе ударить. У кроликовъ огромная сила въ заднихъ ногахъ и они нерѣдко убиваютъ другъ друга этимъ способомъ драки. Иногда они дерутся, какъ бараны, ударяясь лбами; тогда они бьются до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не погибнетъ при этомъ.

По мнѣнію Эдварда, самцы кролика стукомъ около сѣднихъ норъ желаютъ привлечь вниманіе дамъ, и если вместо дамы выходитъ самецъ, то и происходитъ драка, подобная только-что описанной.

Иногда случалось, что къ кролику, который стучалъ, присоединялось еще нѣсколько выходившихъ изъ норъ, и между ними происходили какъ-бы дружескія совѣщанія. Кроме этого стука задними лапками, кролики имѣютъ еще способъ объясненій между собою: они производятъ звукъ въ родѣ «танъ-тата», который у нихъ служитъ признакомъ близкой опасности. Эдвардъ часто наблюдалъ, какъ они весело прыгали и рѣзвились вблизи своихъ жилищъ, но какъ только раздавался звукъ «танъ-тата», все они—старые и малые—немедленно скрывались въ свои норы.

Къ настоящимъ ночныхъ животнымъ принадлежать:

лисицы, выдры, барсуки, хорьки, куницы, ежи, крысы и почти все семейство мышиныхъ. Они всѣ, большою частью, по своимъ привычкамъ—ночные; какъ бы ни была темна или ненастна ночь, они все-же постоянно гуляютъ. Даже на морскомъ берегу, выдры, ласки и мыши частенько на-вѣщали Эдварда. На болотахъ, по кочкамъ иногда тоже случалось ему видѣть ласку и даже лисицу, хотя главнымъ образомъ онъ встрѣчались на поляхъ и на лѣсной опушкѣ. Всѣ эти животныя, подобно оленямъ и зайцамъ, имѣютъ свой особенный, однимъ имъ только свойственный, крикъ, который они испускаютъ по ночамъ.

Такъ лисицу можно узнать по ея бреханью, которое похоже на лай пуделя съ нѣкоторымъ визгомъ и повторяется черезъ промежутки отъ 6—18 минутъ. Внезапно застигнутая, лисица издаетъ рѣзкое ворчаніе и оскаливаетъ зубы. «Однажды, — говоритъ Эдвардъ, — я вложилъ мою трость въ пасть лисицы, только-что вылѣзшей изъ своего логовища, — потому что лисицы не всегда живутъ въ норахъ — чтобы видѣть, что она будетъ дѣлать. Она сломала палку и взяла ее съ собою. Я трижды въ различныхъ случаяхъ встрѣчалъ двухъ лисицъ, занимавшихъ одно и то-же логовище одновременно,—дважды въ скалахъ на морскомъ берегу, а одинъ разъ въ кустахъ, росшихъ на мѣстѣ старой, заброшенной каменоломни. Разъ это было посреди зимы, а два другие случая—лѣтомъ».

Барсукъ издаетъ звукъ, похожій на злобное хрюканье, повторяемое очень быстро одно за другимъ, а затѣмъ наступаетъ, на нѣкоторое время, тишина, и начинаетъ снова опять то-же самое. Выдры и большинство другихъ ночныхъ животныхъ имѣютъ свой особый крикъ, который они издаютъ при случаѣ, но, хотя между ними и есть различіе, такъ что Эдвардъ могъ ихъ распознавать, но словами передать это очень трудно. Всѣ эти ночные крики, однако, очень отличаются отъ обыкновенного зова этихъ животныхъ. Крикъ или визгъ есть результатъ испуга

или боли, иногда внезапной раны; зовь же—ихъ обыкновенное привѣтствіе, когда они собираются дружески бесѣдоватъ между собою; но разницу эту можетъ схватить только привычное ухо, описанію же это не поддается. Полевыя мыши, кромѣ своего писка, издаются тихіе и не лишенные музыкальности звуки въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Эдвардъ зачастую слышалъ эти концерты то подлѣ себя, то надъ головой; схватить животное рукой ему не удавалось. Результатомъ его наблюдений было заключеніе, что большая часть, если не вся мышиная порода, обладаетъ въ большей или меньшей степени даромъ пѣнія. Выдры, хорыки, куницы и ласки обладаютъ особыеннымъ умѣньемъ дуть и свистать, застигнутые врасплохъ или загнанные въ ловушку; кромѣ выдры, всѣ они становятся при этомъ въ угрожающую позу на заднія лапы. Иногда же, не видя никакого выхода, они внезапно бросаются впередъ и отбиваются; главнымъ образомъ, такъ поступаютъ самки, когда у нихъ имѣются дѣтиныши. Однажды Эдвардъ наблюдалъ ласочку, которая, спрятавъ свою семью между камнями, поднялась на вершину и, ворча все время, своей угрожающей позой и осколенными зубами показывала каждому, что нападеніе на нее угрожаетъ вся кому дерзнувшему—опасностью.

Укушеніе этихъ животныхъ, во всякомъ случаѣ, не приятное; но хуже всего укушеніе хорыка и ласки. Кажется, что у нихъ есть какой-то ядъ въ клыкахъ, потому что укушенное мѣсто воспалается и заживаетъ очень медленно. Вся эта группа животныхъ обладаетъ быстротой, дерзостью и безстрашіемъ; они также замѣчательно смѣлы при нападеніяхъ: не задумываются начать даже на человѣка, особенно если замѣ чаютъ въ немъ трусость. Слѣдующее повѣствованіе Эдварда можетъ служить къ этому иллюстраціей.

«Возвращаясь однажды утромъ съ экскурсіи въ отдаленный округъ между Фразербургомъ и Кеннаномъ, я

почувствовалъ себя такимъ утомленнымъ и нуждающимся въ ъѣ и снѣ (мой запасъ давно уже истощился!), что свернулъ съ дороги въ поле, прилегъ и тутъ же крѣпко заснулъ. Вскорѣ, однако, я былъ разбуженъ чѣмъ-то холднымъ, жавшимся между моимъ лбомъ и полями шляпы. У меня было нѣсколько крошечныхъ птичекъ въ шляпѣ, которыхъ я подстрѣлилъ и завернулъ въ вату. Поднявъ руку, чтобы узнать въ чемъ дѣло, я схватилъ ласку, хотѣвшую пробраться подъ шляпу къ птичкамъ. Я отбросилъ ее далеко въ сторону въ траву и снова уснулъ. Черезъ нѣсколько минутъ врагъ возобновилъ свои дѣйствія. На этотъ разъ я схватилъ ее крѣпче и перебросилъ черезъ валъ, въсосѣднее поле, но она успѣла покусать мнѣ руки. Едва я успѣлъ закрыть глаза, какъ животное снова приблизилось. Разочаровавшись въ возможности отдохнуть, я оставилъ это мѣсто и перешелъ на маленькую лужайку, ярдовъ за сто, надѣясь, что тутъ вздрѣмну безъ помѣхи. Но не такъ-то легко было отдѣлаться отъ назойливаго звѣрька: ласка слѣдовала за мной по пятамъ и опять попробовала залѣзть въ мою шляпу. Я отбросилъ ее снова, но она снова возобновила свое нападеніе. Сонъ у меня окончательно прошаль и, сначала досадуя на дерзость животнаго, я тѣмъ не менѣе не могъ не удивляться его настойчивости. Думая, однако, что пора было положить конецъ нашей игрѣ, я караулилъ. Ничуть не смущаясь прежними неудачами, она вернулась; на этотъ разъ я позволилъ ей продѣлать всѣ ея операциі, пока шляпа не свалилась съ моей головы. Тогда я вскочилъ и случайно задушилъ смѣлое маленькое созданіе, хотя рука моя была снова укушена. Послѣ этого я все же немнго вздрѣмнулъ и тогда только былъ уже въ состояніи продолжать свой путь».

Однажды Эдвардъ былъ аттакованъ двумя крысами. Онъ бродилъ между Банфомъ и Абердиномъ и очутился вблизи Слэйнкастля. Цѣлый день шелъ дождь. Станови-

лось совершенно темно. Эдвардъ искалъ какого-нибудь пристанища на ночь. Онъ замѣтилъ какое-то полуразрушенное строеніе, похожее на развалины мукомольной мельницы. Онъ вошелъ и обрадовался, найдя тамъ сохранившуюся часть крыши, совершенно достаточную, чтобы укрыться отъ дождя, который все еще продолжался. Какъ разъ подъ крышей была груда камней и обломковъ кирпича, такъ что Эдвардъ собралъ сколько могъ сухой травы, которой покрылъ камни, вытянулся и вскорѣ уснулъ.

Сколько времени онъ спалъ, онъ не зналъ; но его разбудило какое-то движение вокругъ его головы. Онъ подумалъ, что это движение причиняли камни, понемногу расположавшіеся, вслѣдствіе чего опускалась и его голова. Онъ быстро сѣлъ, схватилъ свое ружье и старался ощущью убѣдиться, опускаются ли камни или нѣтъ. Оказалось, что все было на своемъ мѣстѣ. Онъ снова улегся, предположивъ, что это былъ сонъ. Но, раньше чѣмъ онъ успѣлъ уснуть, движеніе подъ головой возобновилось. Думая, что это—ласка и, не желая ея общества, онъ подвинулся въ сторону, поправилъ свое ложе, расправилъ траву и приготовился опять лечь.

Сонъ его былъ очень коротокъ, такъ какъ воня возобновилась. Онъ поднялъ руку и, открывъ въ то же время глаза, схватилъ не ласочку, а крысу. Онъ бросилъ ее прочь, думая, что этого достаточно, и успокоившись, что ласокъ тутъ нѣтъ, такъ какъ онѣ никогда не водятся вмѣстѣ съ крысами, онъ былъ увѣренъ, что теперь навѣрное заснетъ. Ему не приходило въ голову, что крыса можетъ вернуться.

Но тутъ его постигло разочарованіе. Только лишь началь онъ вспыхнуть, какъ снова услыхалъ приближеніе крысы. Онъ взглянуль и увидѣль, что теперь уже приближалось двѣ. Онъ позволилъ имъ влѣзть на камни и обнюхать все вокругъ него. Одна изъ нихъ вскарабкалась ему

на лицо и усъяс. Затѣмъ онъ пробрались къ его мѣшку, пытаясь вытащить его у него изъ-подъ головы. Имъ это почти уже удалось, но Эдвардъ задержалъ мѣшокъ и прогналъ ихъ.

Чувствуя себя нѣсколько разбитымъ отъ холода и сырости, Эдвардъ не пытался уже болѣе заснуть, но поднялся со своего каменного ложа, собралъ свои вещи и пошелъ, чтобы отыскать, гдѣ скрывались эти назойливые животныя.

Говоря о выдрѣ, какъ о ночномъ животномъ, Эдвардъ замѣчаетъ:—«Я не знаю, кто первый выдумалъ, что выдра принадлежитъ къ амфибіямъ; онъ, вѣроятно, очень мало зналъ о настоящихъ привычкахъ животнаго и ровно ничего обѣ его анатомическомъ строеніи. Ошибка, вызвавшая это, повидимому, имѣеть глубокіе корни. Что выдра—водяное животное, это хорошо известно: она погружается въ воду за рыбой, но вынуждена выходить, чтобы дышать. Въ сущности, лишь небольшую часть жизни выдра проводить въ водѣ. Есть много птицъ, ведущихъ болѣе водяной образъ жизни, чѣмъ выдра; есть, наконецъ, такія, которыхъ день и ночь проводятъ въ водѣ, но никто не называетъ ихъ амфибіями. Мнеъ случалось наблюдать выдру при условіяхъ полной свободы и вѣрь всякой опасности, какъ на берегу моря, такъ и у рѣки. Видя, какъ она погружалась въ воду и исчезала тамъ на время, я выжидалъ ея появленія. Болѣе трехъ или четырехъ минутъ она не оставалась подъ водой; обыкновенно это бываетъ 2—3 минуты. Я также слѣдилъ за множествомъ водяныхъ птицъ, нырявшихъ за пищей, и долженъ сказать, что большинство изъ нихъ дольше остается подъ водой, чѣмъ выдра. Однажды, я видѣлъ большого сѣвернаго нырка, который оставался подъ водой 9 минутъ, и морскую свинку, которая пробыла подъ водой 10 минутъ».

Многія изъ этихъ ночныхъ животныхъ, какъ крысы, ласки, выдры и хорыки, показываются и въ теченіе дня, но это—чисто случайные появленія, такъ какъ, главнымъ

образомъ, выходятъ они за добычей только по ночамъ. Крысы иногда запасаются ѿдой днемъ; ласки тоже по временамъ охотятся, пока солнце еще высоко. Но было одно обстоятельство, которое не мало удивляло Эдварда, а именно, что хотя, правда, очень рѣдко, ему и случалось видѣть вечеромъ изъ некоторыхъ изъ этихъ животныхъ, прежде чѣмъ еще совершенно стемнѣеть, но онъ никогда не видѣлъ ихъ по утрамъ, а тѣмъ болѣе послѣ того, какъ наступалъ день. То-же самое замѣчаніе отчасти относится и ко многимъ ночныхъ настѣкомъ: жукамъ, многимъ крупнымъ мотылькамъ, москитамъ, слизнякамъ и моллюскамъ.

Одна изъ самыхъ серьезныхъ встрѣчъ, когда-либо испытанныхъ Эдвардомъ съ ночныхъ животными, была встрѣча съ хорькомъ въ развалинахъ замка Бойнъ. Хорекъ принадлежитъ къ тому же семейству, что и ласка, но онъ длиннѣе, толще и сильнѣе и извѣстенъ своимъ острымъ запахомъ, который выдѣляетъ въ раздраженіи при нападеніи. Это необычайно вредный звѣрекъ, въ особенности для птичьихъ дворовъ, гдѣ онъ больше убиваетъ, чѣмъ съѣдаетъ. Наибольшее наслажденіе для него составляетъ пить кровь и высасывать мозги убитыхъ имъ птицъ. Онъ разоряетъ все, что такъ охраняютъ птицеводы, вслѣдствіе чего и ведется противъ него постоянная, ожесточенная война.

Разрушенный замокъ Бойнъ, миль пять къ западу отъ Банфа, былъ однимъ изъ любимыхъ месть Эдварда во время его экскурсій. Развалины занимаютъ плоскую вершину обрывистаго берега, составляющаго восточную сторону долины, по которой протекаетъ маленькая рѣчка Бойнъ. Одинъ изъ сводовъ, въ уровень съ землею, служилъ убѣжищемъ въ непогоду и на ночь для рогатаго скота; здѣсь Эдвардъ часто прятался отъ дождя или спалъ, когда ночи бывали слишкомъ темны для наблюденій. Скотина скоро привыкла къ нему; когда же погода была сухая и скотъ спалъ во дворѣ, то Эдвардъ одинъ оставался хозя-

иномъ свода и тутъ навѣщали его крысы, совы, хорьки и разныя другія животныя.

Въ одну ночь, когда онъ лежалъ на камнѣ и задремалъ, что-то забѣгало по его ногамъ. Думая, что это крыса, которыхъ тамъ было много, какъ онъ зналъ, онъ пошевелилъ немногими ногами, чтобы столкнуть ее, но животное не уходило; тогда Эдвардъ всталъ на ноги и отряхнулся, но ночь была такъ темна, что онъ не видѣлъ, куда дѣлось животное. Онъ снова легъ, пытаясь заснуть, но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ почувствовалъ бѣготню уже выше, на своемъ туловищѣ. Проведя рукой по груди, онъ смахнулъ рукой нахала, который вскрикнулъ, падая на землю. По этому крику Эдвардъ тотчасъ узналъ, что это былъ хорѣкъ.

Онъ перемѣнилъ немного положеніе такъ, чтобы приходиться какъ разъ противъ двери, потому что тогда онъ могъ видѣть своего врага透过窗子的洞口. Въ одномъ изъ его кармановъ была водяная курочка, подстрѣленная имъ въ этотъ вечеръ, и Эдвардъ не сомнѣвался, что это и была добыча, привлекавшая хорька. Онъ застегнулъ до-верху наглухо сюртукъ, чтобы не было возможности вытащить птицу и быть готовъ на все. Дальнѣйший разсказъ предоставимъ самому Эдварду.

— «И такъ, какъ я и ожидалъ, не болѣе какъ минутъ черезъ 20, я замѣтилъ, что звѣрёкъ вошелъ, глядя прямо по направленію ко мнѣ. Сначала онъ былъ очень остороженъ, останавливался и оглядывался, поворачивался и высматривалъ; я легко могъ-бы подстрѣлить его теперь, но это испортило-бы мнѣ всю игру; кроме того, я никогда не тратилъ пороха тамъ, где могъ взять руками. Постоявъ нѣсколько секундъ, хорѣкъ стала потихоньку подвигаться, уткнувшись носомъ въ землю. Подойдя, онъ поставилъ свои переднія лапки мнѣ на ноги и съ минуту посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо; въ удивленіи ждалъ я, что онъ сдѣлаетъ дальше. Какъ-бы насмотрѣвшись на меня, онъ спустилъ

свои лапки и побежалъ прочь. Я быль порядочно таки разочарованъ, думая, что мой взглядъ напугалъ его, но не тутъ-то было. Скоро я долженъ быль разувѣриться, услыхавъ знакомое зловѣщее «сквикъ—сквикъ» многочисленныхъ голосовъ. Оказалось, что цѣлый легіонъ хорьковъ собирался напасть на меня и самое лучшее, что слѣдовало мнѣ сдѣлать, это отступить.

Я собирался уже встать, какъ противникъ мой снова показался у входа. Онъ быль, повидимому, одинъ. Я спокойно опустился и принялъ свое прежнее положеніе, выжидая нападенія. Очень осторожно и медленно подвигаясь, при чемъ онъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ,— маневръ, который мнѣ вовсе не нравился,— хорѣкъ приблизился ко мнѣ; сразу вскарабкавшись на меня, онъ опять оглянулся назадъ. Я приподнялъ голову и глаза наши встрѣтились; онъ тотчасъ же соскочилъ и побежалъ къ выходу. Тамъ онъ снова прокричалъ свое «сквикъ», но, не получивъ отвѣта, вернулся и снова забрался на меня. Теперь онъ быль въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ въ первый разъ. Принюхиваясь, онъ лѣзъ по мнѣ, стараясь добраться до кармана, въ которомъ находилась птичка. Голова его была опущена такъ, что я могъ его схватить.

Я продолжалъ лежать, какъ мертвый, но быль вынужденъ дышать, при чемъ движенія грудной клѣтки заставили животное поднять голову и въ ту же секунду я схватилъ его за горло. Тотчасъ-же я всталъ на ноги, продолжая его держать. Я рѣшительно думалъ, что онъ изгрызетъ мнѣ совсѣмъ руки. Я постарался повернуть его такъ, чтобы схватить за шиворотъ, но даже и въ такомъ положеніи стоило не мало труда удерживать его. Какъ онъ пищалъ и визжалъ! Среди ночной тишины впечатлѣніе визга было ужасно. Казалось, что своды словно стонутъ отъ этого воя. А какое онъ испускалъ зловоніе во время своей борьбы?! Всѣ галки, ютившіяся въ развалинахъ замка, проснулись и начали кричать. Несмотря на то, что

я употреблялъ всю силу моихъ рука, я все же не могъ задушить хорька.

Тогда я рѣшилъ примѣнить другое средство: у меня въ карманѣ былъ фланчикъ, въ которомъ находилось около унція хлороформа, употребляемаго мною при ловлѣ насѣкомыхъ. Я вынулъ пузырекъ, открылъ пробку и вылилъ все содержимое въ глотку хорька. Это подействовало, какъ сноторный напитокъ, и онъ постепенно разжималъ свои когти. Тогда я положилъ его на камень и, наступивъ желѣзнымъ каблукомъ ему на затылокъ, я свернула ему шею: хорѣкъ больше не боролся, но я былъ совершенно измученъ. Битва наша продолжалась около двухъ часовъ. Это была самая ужасная изъ всѣхъ моихъ встрѣчъ съ животными этого класса; руки мои были сильно покусаны и подараны такъ, что долго были воспалены и болѣли, но добыча, которую я пренесъ домой, стоило этой жертвы. Это былъ самецъ,—очень сильный и крупный экземпляр,—составившій прекрасную пару для самки, которую я досталь и набилъ нѣсколько времени тому назадъ. Экземпляръ былъ тѣмъ болѣе цѣнныи, что шкурка не пострадала ничуть.

Крылатыхъ животныхъ наблюдать гораздо легче. Хотя

Въ «New Statistical Account of Stoland» такъ описывается встрѣча орла съ хорькомъ въ лѣсу, въ Банфширѣ: «Орлы гнѣздаются въ какомъ-либо неприступномъ мѣстѣ на скалѣ и изъ-года-въ-годъ выводятъ своихъ птенцовъ на томъ-же мѣстѣ. Одна изъ этихъ благородныхъ птицъ была убита нѣсколько лѣтъ тому назадъ и имѣла шесть футовъ длины между крыльями. Однажды, одинъ изъ лѣсныхъ сторожей замѣтилъ орла, высматривавшаго добычу; внезапно спустившись, онъ схватилъ хорька, съ которымъ и поднялся, направляя свой полетъ къ громадной расщелинѣ въ скалѣ на противоположномъ холмѣ. Сторожъ увидѣлъ, что, пролетѣвъ недалеко, орель измѣнилъ направление и, спирально кружась, сталъ опускаться, пока не очутился на землѣ. Заинтересованный видѣніемъ, сторожъ пошелъ къ тому мѣсту, где опустился орель, и нашелъ его уже умершимъ, а въ когтяхъ у него былъ тоже уже мертвый хорѣкъ, вѣшившійся въ горло орла».

летучія мыши вылетаютъ довольно рано по вечерамъ, онъ питаются не исключительно ночными насѣкомыми, а скорѣе тѣми изъ дневныхъ, которыхъ еще не улетѣли на покой. Летучія мыши летаютъ большую частью въ сумерки и живутъ въ развалинахъ и различныхъ строеніяхъ, а также и въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ.

Совы принадлежать къ числу ночныхъ хищниковъ. Онъ вылетаютъ, когда сумерки переходятъ уже въ ночь, кричать и воютъ какимъ-то глухимъ и зловѣщимъ голосомъ. Хотя Эдвардъ никогда не поддавался никакимъ страхамъ, но, однажды, въ полночь и ему какъ-то стало жутко отъ крика длинноухой совы (*Strix otus*). Это случилось третьей или четвертой ночью послѣ того, какъ онъ началъ свои ночные экскурсіи. Первое время ему было немножко не по себѣ, но, привыкнувъ понемногу, онъ такъ же крѣпко спалъ въ лѣсу или въ полѣ, какъ и на своей постели. Безстрашіе не покидало его ночью и никогда мысль о различныхъ привидѣніяхъ, лѣшихъ, домовыхъ, русалкахъ, водяныхъ и тому подобныхъ, населяющихъ ночную тьму, дуихахъ не посѣщала его; но въ эту исключительную ночь пробужденіе его было однимъ изъ самыхъ ужасныхъ и страшныхъ, когда-либо испытанныхъ Эдвардомъ.

Была страшно бурная ночь съ грозою, во время которой онъ скрылся въ лѣсу въ какой-то ямѣ и заснуль, положивъ въ изголовье ружье. Передъ этимъ онъ только-что поймалъ полевую мышь, которую хотѣлъ принести домой живьемъ. Поэтому онъ привязалъ ее за хвостъ веревкой (футовъ шесть длины), другой конецъ которой прикрепилъ къ своей одеждѣ. Такимъ образомъ, маленький звѣрёкъ имѣлъ некоторую свободу.

Эдвардъ погрузился въ крѣпкій сонъ, изъ котораго его разбудило какое-то поддергиваніе его одежды и вслѣдъ за тѣмъ онъ услыхалъ какую-то ужасную смѣсь криковъ и завываній надъ самой своей головой. Со сна онъ не могъ сразу даже понять, гдѣ онъ и что могъ означать это.

ужасный шумъ. Сообразивъ немного и открывъ глаза, онъ посмотрѣлъ вокругъ и тутъ-же, вспомнивъ о мышкѣ, онъ потянуль за веревку, къ которой она была привязана: мыши не было и ничего, кромъ кожи съ хвоста, не осталось. Онъ взглянуль наверхъ и увидаль сидящую невдалекѣ на деревѣ сову; она, вѣроятно, и начала кричать, замѣтивъ, что пойманная ею мышь была привязана за хвостъ. Эдвардъ немного высунулъ изъ своей ямы и взялъ ружье съ намѣреніемъ подстрѣлить сову; но, прежде чѣмъ онъ могъ это выполнить, птица поднялась и улетѣла со своей добычей.

Кромѣ длинноухой совы, Эдвардъ встрѣчалъ еще бурую—единственные два сорта, которые онъ встрѣчаль въ свою окружѣ и о которыхъ могъ говорить по личнымъ своимъ наблюденіямъ. Обѣ эти птицы издають звукъ «*туу-хуу*», опускаясь на свою добычу и, схвативъ ее, уже улетаютъ совсѣмъ безъ шума; но если при этомъ имъ что-либо помышаетъ, то издаются громкій, присущій имъ, визгъ. Эдвардъ имѣлъ много разъ случай наблюдать это свойство ихъ нрава. Вотъ что онъ самъ разсказываетъ обѣ этомъ.

«Почти въ центрѣ лѣса и невдалекѣ отъ фермы того же названія Беклау находится небольшой прудикъ стоячей воды. Однажды ночью, прислушиваясь къ концерту, задаваемому лягушками, я прислонился къ дереву на берегу, съ наслажденіемъ слѣдя за музыкальными усилиями этихъ земноводныхъ, изъ которыхъ каждая старалась перещеголять другую силой голоса. Ночь была превосходная, — на сѣверѣ бываютъ прекрасныя ночи такъ-же, какъ и дни, — и я увѣренъ, что эти созданія такъ-же наслаждались красотами ночи, какъ и я. Внезапно, когда всѣ исполнители, казалось, щеголяли самыми высокими нотами, все смолкло. Я былъ пораженъ и съ удивленіемъ смотрѣль, стараясь понять, что могло быть причиной такого окончанія концерта, и тутъ замѣтиль на краю низко свѣшившейся вѣтви, какъ разъ надъ участниками концерта, сову.

Она просидѣла около получаса, въ теченіе которого была полнѣйшая тишина. Сова оставалась неподвижной; я слѣдилъ за нею все время. Вдругъ она передвинулась немножко въ сторону и наклонила голову; затѣмъ быстро что-то клюнула въ травѣ, послѣ чего поднялась съ чѣмъ-то болтавшимся у нея въ когтяхъ. Я слегка повернулся, чтобы посмотреть, что сова будетъ дѣлать со своей добычей: будетъ-ли клевать ее по частямъ или проглотить цѣликомъ. Но мнѣ это не удалось, хотя я подвинулъся очень тихо: чуткій глазъ или ухо совы открыло меня и, наградивъ меня громкимъ и рѣзкимъ визгомъ, сова улетѣла со своей добычей, такъ что я не успѣлъ и выстрѣлить въ нее; къ тому-же у меня уже оставался очень малый запасъ пуль и пороха».

Были еще двѣ птицы, за которыми Эдвардъ наблюдалъ, когда онѣ въ сумерки вылетали на поиски за пищей, а именно пустельга и кобчикъ. Однажды, онѣ выстрѣлились въ этого послѣдняго, но ночь была такая темная, что онѣ съ трудомъ различали предметы и, самъ того не подозрѣвая, убили ястреба, хотя по полету онѣ думали, что это была козодой. Многія хищныя птицы летаютъ по ночамъ такъ-же, какъ и днемъ. Пронзительный крикъ цапли, кряканье дикой утки, пискъ морского кулика, различные крики зуйка, каравайки и кулика раздаются по ночамъ въ мѣстностяхъ, посещаемыхъ этими птицами. На морскомъ берегу, по ночамъ, часто приходилось ему слышать пронзительный пискъ красноногаго лозника, пленъканье устричниковъ, когда они выходятъ на берегъ и собираются толпами.

Лысухи и водяные курочки, зачастую, становятся очень шумными послѣ заката. Дергачъ кричитъ цѣлую ночь на-пролеть, умолкая лишь незадолго передъ разсвѣтомъ. Куropатки также постоянно въ движеніи и не спятъ по ночамъ въ теченіе весны и лѣта, когда всю ночь раздается ихъ «тииrrръ-тииrrръ». «Единственная птица, которая у

нась здесь водится,—говорить Эдвардъ,—и которая занимается музыкой среди мертвящей ночной тишины,—это малиновка. Она, кажется, одарена способностью петь ночью также, какъ и днемъ и во всякомъ случаѣ не скучится въ своихъ вокальныхъ упражненіяхъ. Я хорошо помню,—продолжаетъ онъ,—какъ маленький, десятилѣтній работникъ съ фабрики восторгался и восхищался первымъ, слышаннымъ имъ, пѣвцомъ изъ этой породы, который, какъ мнѣ казалось, старался подражать другимъ сильнымъ пѣвцамъ; но теперь я знаю, что это ни болѣе, ни менѣе какъ собственные мелодіи этой птички. Если есть какая-либо разница въ томъ восхищеніи, съ какимъ я слушаю малиновку теперь, повернувъ уже на седьмой десятокъ, когда я сдѣлался уже старымъ чеботаремъ, вмѣсто прежняго юнаго фабричнаго работника, то это только то, что, слушая маленькаго пѣвца, я испытываю большій приливъ наслажденія, чѣмъ въ тѣ давнопрошедшіе годы».

Грачъ тоже по своимъ привычкамъ отчасти можетъ считаться ночною птицей, главнымъ образомъ, въ то время года, когда онъ занятъ сооруженіемъ гнѣзда и выводомъ птенцовъ. Какъ-только онъ заложитъ гнѣздо и до той минуты, какъ послѣдній птенецъ уже вылетаетъ изъ него, грачъ непрерывно кричитъ съ утра до ночи. Когда молодой выводокъ грачей подрастаетъ, растетъ и его аппетитъ, и потому родители усиленно заняты собирашеніемъ червячковъ и мошекъ, чтобы доставить вечерній ужинъ и утренній завтракъ своимъ птенцамъ. «Однажды,—говорить Эдвардъ,—во время одной изъ моихъ экскурсій, я расположился на ночь близъ мѣста, занятаго дѣлой стаей грачей въ лѣсу. Но спать и думать нельзя было! Никогда не приходилось мнѣ быть въ такомъ аду, какъ среди этого сумасшедшаго царства; я увѣренъ, что никто изъ всего этого чернаго братства не спалъ въ ту ночь; я, по крайней мѣре, не могъ. Если крикъ затихалъ на минуту, то возобновлялся съ удвоенной энергией. Придя вечеромъ, я засталъ уже

подобное возбужденіе и, уходя по-утру, оставилъ ихъ въ томъ же состояніи. Я далъ себѣ слово никогда болѣе не располагаться на ночь такъ близко къ грачамъ. По справедливости, я долженъ, однако, отдать грачамъ пальму первенства въ ихъ уходѣ за дѣтьми. По утрамъ эта птица первая, вылетающая за кормомъ, и послѣдняя, вечеромъ суетливо заботящаяся все о томъ-же. Скворцы тоже очень заботливы въ этомъ отношеніи, но грачамъ надо отдать преимущество.

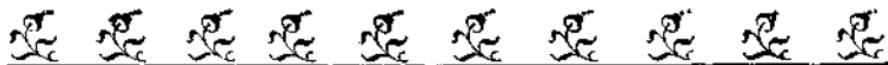
Насколько я могъ замѣтить, — говорить Эдвардъ, — можно признать за правило, что жаворонокъ — первый утренний пѣвецъ, а подорожникъ — самый поздній изъ вечернихъ. Нерѣдко приходилось мнѣ слышать трели жаворонка, поднимавшагося къ небесамъ со своимъ хвалебнымъ гимномъ, ранѣе чѣмъ показывался какой-либо свѣтъ и я былъ въ состояніи возобновить мой трудъ. Нерѣдко также приходилось слышать скромныя и немногочисленныя нотки подорожника гораздо позднѣе заката солнца и послѣ того, какъ я вынужденъ былъ, за недостаткомъ свѣта, прекращать свои наблюденія. Насколько я могу припомнить, мнѣ кажется, я не слыхалъ жаворонка, поющаго послѣ заката солнца».

Между пѣвцами, населяющими лѣсъ, черный дроздъ первый будитъ лѣсную чащу своей мелодической пѣсней и онъ же одинъ изъ послѣднихъ затихаетъ на ночь. Какъ-только первыя полосы сѣрѣющаго разсвѣта показываются на небѣ и слабый свѣтъ занимающейся зари проникаетъ сквозь вѣви, въ которыхъ они гнѣздятся, дрозды просыпаются и привѣтствуютъ нарождающейся день. А когда все остальные птицы, покончивъ свои дневныя заботы, удаляются на покой, все еще раздаются въ лѣсу тающіе звуки, исходящіе изъ нѣжнаго горлышка дрозда, пока тьма окончательно не сойдетъ на землю.

Послѣ жаворонка и скворца поднимаются и дрозды и присоединяютъ свое мелодичное пѣніе, а затѣмъ зяблики,

корольки и всѣ остальные, — болѣе или менѣе искусныя пѣвчія птички,—присоединяютъ свои голоса, звуки растутъ и все сливается въ одинъ общій хвалебный хоръ.

ГЛАВА VIII.

ЭДВАРДЪ СОСТАВЛЯЕТЬ КОЛЛЕКЦІЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА.

Банфъ былъ центромъ дѣятельности Эдварда; это былъ хорошеній провинціальный городокъ, расположившійся на южномъ берегу Муррэйскаго залива, по мягкому склону, постепенно спускающемся къ морю. Передъ городомъ находится гавань, которая, несмотря на всѣ усовершенствованія Тэльфорда, все-же принадлежитъ къ самымъ недоступнымъ и рѣдко посѣщается, за исключеніемъ времени рыбной ловли. На востокъ отъ Банфа вдоль берега тянется цѣлый рядъ низкихъ холмовъ, пересѣкаемыхъ ручьями и рѣчками, впадающими въ море.

Рыбацкій городокъ Макдуфъ, который можно считать портомъ Банфа, лежитъ около мили къ востоку отъ него. Черезъ рѣчку Деверонъ перекинуто нѣсколько красивыхъ мостовъ, которые ведутъ туда. Гавань Макдуфа доступнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ Банфѣ, и много иностранныхъ судовъ бываетъ тамъ во время рыбнаго сезона, перевозя большиѳ транспорты сельдей, доставляемыхъ ежедневно макдуфскими рыбаками.

Далѣе, къ востоку отъ Макдуфа, берегъ становится необыкновенно скалистъ; горный кряжъ, идущій вдоль берега, местами какъ бы перерѣзанъ разсѣлинами, образовавшимися отъ размывающихъ его постоянно волнъ, а местами

поднимается выше 600 футовъ надъ моремъ, образуя по-
чти отвѣсно обрывающіяся скалы. Разсыпанныы скаль слу-
жатъ пристанищемъ безчисленному множеству морскихъ
 чаекъ. «Въ хороший день,— говорить Эдвардъ,— при без-
облачномъ небѣ, картина необыкновенно хороша. Спокой-
ный океанъ разстилается передъ зрителемъ подобно гро-
мадному зеркалу, отливающему мягкой лазурью, и надъ
нимъ носятся стаи водяныхъ птицъ,— тутъ и чайки, и
 кайры, чистики, бакланы, туники и др., сверкающія на
 солнцѣ оранжевыми и ярко-красными ногами и клювами.
 Все это кружится, вѣтется, то собираясь въ кучу, то раз-
 летаясь во всѣ стороны и снова слетаясь, чтобы, покру-
 жившись, опять улетѣть, исчезая въ безконечномъ воздуш-
номъ пространствѣ. Если дать выстрѣль изъ ружья по та-
кой собравшейся въ кучу массѣ птицъ, то получается по-
разительное зрѣлище. Начинается невообразимый шумъ,
 цѣлья тучи птицъ, взъявленная выстрѣломъ, поднима-
ются; вокругъ вѣстъ дѣлается совершенно темно, и уши ваши
 наполняются самыми разнохарактерными звуками. Тутъ
 и жалобные крики морскихъ чаекъ, и пронзительный го-
 лосъ баклана, и глухой и грубый крикъ кайры, похожій
 на демоническій хохотъ, насыщающійся надъ вмѣшатель-
ствомъ человѣка, нарушающаго величие природы. Все это;
 смѣшиваясь въ общій гулъ, заглушаетъ даже ревъ океана,
 бьющагося у подножія высокихъ, грозныхъ скаль».

Лѣтними вечерами видъ съ высокаго берега замѣча-
тельно хорошъ. Насколько хватаетъ глазъ, море лежитъ
 спокойно, какъ зеркало и лишь внизу, у самаго берега,
 струится и рябитъ. Во время ловли сельдей, рыбаккія ло-
 дочки постоянно появляются изъ-за скаль, между которыми
 находится гавань. Тутъ бываетъ до тысячи судовъ, соби-
рающихся изъ разныхъ мѣстъ и уходящихъ опять въ от-
крытое море. Смѣняясь одинъ другими, рыбаккія лодки по
 временамъ, какъ громадная флотилія, покрываютъ весь
 видимый горизонтъ. Вдали, на фонѣ вечерняго неба ясно

вырисовываются горы, опоясывающие Муррейский заливъ. Солнце, опускаясь къ горизонту, заливаетъ море волнами расплавленнаго золота и затѣмъ скоро скрывается и оставляетъ всѣхъ тружениковъ моря продолжать свою работу въ полночномъ мракѣ.

Заливъ Гамри—небольшая живописная бухта, образованная подъ вліяніемъ долговременного дѣйствія воды на берега неравномѣрной плотности. Холмы, спускающіеся къ самому морю, состоять изъ твердаго сѣраго камня, испещренного полосами мягкаго краснаго песчаника. Волны Нѣмецкаго моря, постоянно ударяясь о берега, постепенно смывали песчаникъ и такимъ образомъ сформировалась маленькая бухта Гамри между двумя высокими мысами, съ одной стороны — Moog Head и Crovie Head — съ другой.

Въ глубинѣ этой бухты лежитъ небольшое рыбакое селеніе — Гарденстоунъ. Къ нему ведетъ узкая вьющаяся дорожка, спускающаяся уступами, идя по которой дома селенія представляются какъ-бы птичьими гнѣздами, лѣпящимися въ разсѣлинахъ скаль. Спускаясь ниже, вы видите лишь крыши и трубы. Самая старая часть селенія расположена по самому берегу моря, и самая гавань какъ-бы устроена въ разсѣлинѣ скалы. Рыбаки, живущіе въ этомъ селеніи, — очень видный и красивый народъ. Они все сѣверяне, и если-бы ихъ предки не поселились въ Гамри, то они поселились бы въ Нормандіи и пришли бы съ Великимъ Завоевателемъ на другую сторону острова.

Немного къ востоку отъ Гарденстоуна лежитъ другое рыбакое селеніе — Crovie — тоже нормандская колонія. Далѣе къ морю спускается величественный мысъ — Troup, служащий мѣстомъ сбора для разнородныхъ морскихъ птицъ. Скалы этого мыса полны углубленій, расщелинъ и пропастей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны — Адская труба (Hell's Lum) и Игольное ушко (Needle's Eye). Первое изъ этихъ ущелій — Hell's Lum — образуетъ мрачное

отверстіе, обращенное къ покатости сосѣдняго холма — Troup Head, и отъ этого отверстія къ морю идетъ подземный ходъ, около ста ярдовъ длиною. Во время бури волны, гонимыя вѣтромъ, заливаютъ этотъ подземный проходъ и, не находя другого выхода, съ силою вырываются на свободу черезъ отверстіе ущелья въ видѣ столба мельчайшей водяной пыли. Другое отверстіе — Needle's Lum — проходитъ почти черезъ весь скалистый полуостровъ на протяженіи около полутораста ярдовъ и такъ низко, что одинъ человѣкъ съ трудомъ можетъ пройти черезъ него.

Далѣе къ востоку отъ этого мыса берегъ носить тотъ-же характеръ. Рыбацкое селеніе Пеннанъ, такъ-же какъ и Гарденстоунъ, расположено у подножія отвесныхъ скаль на берегу маленькой бухточки. Съ высоты находящихся надъ селеніемъ горъ вся извилины берега видны на большомъ протяженіи къ западу и къ востоку отъ Пеннана.

Несмотря на иѣкоторую суровость и дикость пейзажа, мѣстность эта не лишена красоты, особенно благодаря рѣкѣ, которая, прорывая горный кряжъ, образуетъ глубокія лощины, и въ глубинѣ каждой такой лощинки или оврага бѣжитъ, отдѣлившійся отъ главнаго русла, ручей, стремясь къ морю. Надъ водой повсюду свѣщаются деревья и кустарники, мѣстами лѣпясь по обрывамъ скалы и по сѣрымъ камнямъ ущелій образуютъ какъ-бы устои и стѣны. Всѣ эти извилающіеся овраги и долины полны разнообразнѣйшими растеніями и цветами, — настоящій рай для ботаника. Тутъ можно встрѣтить различные сорта вереска, шильникъ, буковицу, кусты дикой малины, землянику, чернику и другія, даже рѣдкія, растенія. Дрозды, коноплянки и разныя пѣвчія пташки наполняютъ эту чащу.

Наиболѣе живописныя и интересныя изъ этихъ лощинъ находятся на мысѣ Troup и близъ Абердура. Развѣтвленія рѣки, направляющейся внутрь страны, удаляясь отъ моря, становятся мельче и постепенно окончательно теряются въ болотахъ и моховикахъ. Чрезвычайно живописно углубле-

ніе, образуемое заливомъ Абердуръ; въ съверной его части, открытой къ морю, надъ лощиной господствуютъ, какъ-бы свѣшиваясь надъ заливомъ, развалины старинной церкви Абердура *), основанной, по преданію, св. Колумбаномъ, приставшимъ, во время оно, къ этимъ берегамъ для обращенія язычниковъ въ христіанство своею проповѣдью. Заливъ Абердура съ пологими берегами составляетъ какъ-бы преддверіе всей этой въ высшей степени живописной долины.

Береговая линія Банфшира, не бея въ расчетъ излучины и заливы, имѣеть около сорока миль вдоль южныхъ береговъ Муррэйскаго залива. Эта мѣстность и была главнымъ полемъ дѣйствій и изысканій Эдварда. Его путешествія обыкновенно совершались по берегу миль семь въ одну сторону и около шести — въ другую; внутрь страны онъ удалялся тоже миль на шесть. Конечно, онъ расширялъ, зачастую, эти предѣлы своихъ экскурсій, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Описавъ немнога береговую линію, упомянемъ также о физіономіи страны, какою она представляется по мѣрѣ удаленія отъ моря. Банфширъ имѣеть неправильную форму и простирается отъ южныхъ береговъ Муррэйскаго залива въ юго-западномъ направлениі къ самому высшему горному узлу Грампіанскаго хребта.

Средняя часть мѣстности слегка холмистая. Линія хол-

*) Новая церковь въ Нью-Абердурѣ ближе къ центру; но церковная ограда прежнаго храма старого города служитъ до сихъ поръ мѣстомъ погребенія. Ничто не можетъ сравниться по невзрачности съ некоторыми изъ кладбищъ въ Шотландіи. Могилы въ Абердурѣ заросли крапивой и др. сорными травами. А между тѣмъ затрачены были деньги на «украшеніе»; развалины древней церкви были недавно обмазаны какой-то смѣстью известки и песку. Подумать только — штукатурить или бѣлить древнее аббатство! Деньги, затраченные на побѣлку развалинъ, лучше было бы употребить на очистку могилъ и приведеніе кладбища въ порядокъ. Королева показала хорошій примѣръ, приказавъ исправить кладбище Crathie, во Бремерское еще въ очень плохомъ состояніи — заросшее все крапивой и лопухомъ.

мовъ въ сѣверо-западномъ направлениі отъ Грампіанской цѣли спускается постепенно къ морю.

Что касается обработки, то округъ Банфширскій стоитъ вообще на высокой степени культуры. Долины испещрены богатѣйшими лугами и пастбищами, на которыхъ пасутся стада рогатаго скота самыхъ лучшихъ породъ. Множество лѣсовъ, плантаций и разныхъ насажденій ласкаютъ взоръ своей богатой и сочной зеленью. Земледѣлю отводится мѣсто, постепенно распространяющееся наверхъ по направлению къ горамъ. Болота и топи почти исчезли и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лишь слышались различные крики болотныхъ птицъ,—теперь раздается мелодичный голосокъ жаворонка, пѣніе орѣховки, черныхъ дроздовъ и другихъ пѣвцовъ, наполняющихъ луга и лѣса этого округа.

Въ самомъ юго-западномъ углу находится уже уломанный выше горный узель. Вся мѣстность по красотѣ врядъ-ли можетъ съ чѣмъ-либо сравниться, даже въ Швейцаріи, хотя мѣстность эта почти неизвѣстна.

Гора Макдуй (Macdhui) образуетъ со стороны Банфшира великолѣпный обрывъ въ 1500 ф. вышины, прямо спускающійся въ озеро. Это уединенное и печальное озеро питается потоками, образующимися отъ таянія снѣговъ, круглый годъ лежащихъ на окрестныхъ вершинахъ. Эти горные потоки сбѣгаютъ съ высотъ въ видѣ водопадовъ, иногда очень высокихъ; одинъ изъ нихъ достигаетъ высоты 900 ф.

Приходъ церкви Михаила (Kirkmichael), въ которомъ имѣеть мѣсто нами изображаемое, совершенно не заселенъ; въ немъ всего одно селеніе — Томинтоуль — самое высокое изъ селеній Шотландіи. Населеніе этого прихода, большую частью другой вѣры, принадлежитъ къ другой расѣ и говоритъ другимъ языкомъ, чѣмъ жители средней и нижней частей округа *).

*) Они принадлежатъ къ кельтской расѣ, тогда какъ жители побережья скавдинавскаго происхожденія; варѣчіе ихъ гальское и вѣроисповѣданіе большою частию римско-католическое. Населеніе же

Вернемся къ занятіямъ нашего натуралиста.

Въ теченіе почти 15 лѣтъ Эдвардъ всѣ свои наблюденія производилъ большею частью по ночамъ. Работая и поздними вечерами, и раннимъ утромъ, онъ пользовался сномъ лишь передъ разсвѣтомъ. Его прогулки, какъ мы уже видѣли, простирались вдоль берега Муррэйского залива, миль семь въ одну сторону и около шести въ другую; внутрь страны отъ берега онъ удалялся миль на пять или на шесть, такъ что у него было три опредѣленныхъ района, которые онъ и посѣщалъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю каждый.

Если ему случалось зайти слишкомъ далеко, а это бывало нерѣдко, то онъ освобождался отъ своей добычи и отъ охотничьихъ принадлежностей, свертывалъ все вмѣстѣ и пряталъ все въ какомъ-нибудь потаенномъ или укромномъ мѣстечкѣ, а самъ поспѣшно стремился домой, чтобы быть въ состояніи своевременно приняться за работу. Однажды онъ пробѣжалъ такимъ образомъ три мили въ 20 минутъ. Время онъ зналъ по своимъ часамъ, потому что часы у него были, хотя теперь они, какъ и онъ самъ, уже потерты отъ времени. Случалось, что, задержанный работой долго, онъ уже не могъ выйти вечеромъ; тогда, заснувъ немного, онъ уходилъ ночью и отправлялся къ намѣченному мѣсту, откуда и возвращался утромъ обратно въ Банфъ.

Хотя онъ большею частью возвращался со своихъ ночныхъ экспедицій домой во-время, чтобы приняться утромъ за работу, но бывали случаи, когда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ этого правила. Если онъ былъ въ поискахъ за какой-нибудь рѣдкой птицей, то онъ не успокаивался, пока не доставалъ ее. Однажды два гуся, единственны

средней и нижней части говорить шотландско-англійскимъ языкомъ и принадлежать протестантской церкви. Въ Шотландіи есть вѣсколько округовъ, куда, вслѣдствіе недоступности дорогъ, реформація не проникла вовсе.

въ своемъ родѣ, какихъ онъ когда-нибудь видѣлъ, заставили его потерять почти цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ онъ ихъ досталъ.

Въ первый разъ онъ увидѣлъ ихъ, гуляя посль обѣда въ воскресеніе. Они плавали вблизи города, въ небольшомъ пространствѣ, заполненномъ водой. На слѣдующее утро, еще до разсвѣта, онъ пришелъ на то-же самое мѣсто, но птицъ не было. Онъ прождалъ цѣлый часъ, прежде чѣмъ онъ показались. Если-бы ему нужно было ихъ только достать, то онъ могъ бы легко ихъ подстрѣлить, такъ какъ онъ были очень близко отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ. Но ему хотѣлось наблюдать за ними и онъ выжидалъ иѣ-которое время. Удовлетворивъ свою любознательность, онъ попробовалъ добыть ихъ и выстрѣлилъ: одного застрѣлилъ, другой улетѣлъ.

Теперь ему захотѣлось имѣть и второго гуся, но тутъ представились большія трудности. Хотя гусь и вернулся на прежнее мѣсто, но сталъ необыкновенно пугливъ и не подпускалъ къ себѣ близко. Лишь съ множествомъ предосто-рожностей и прибѣгая къ различнымъ военнымъ хитро-стямъ Эдвардъ добился своего, но цѣлая недѣля прошла въ этихъ усилияхъ.

Въ другой разъ маленький морской куличокъ отнялъ у него два дня и цѣлую ночь. Это была первая и послѣдняя птица этой породы, которую онъ видѣлъ. Хотя онъ удалился мили на двѣ отъ Банфа, преслѣдуя эту птицу, и все время оставался безъ пищи, пролежавъ часть ночи между валунами на морскомъ берегу, но ему и въ голову не приходило бросить свои преслѣдованія, прежде чѣмъ они увѣнчиваются успѣхомъ. Предоставимъ ему самому разсказать это происшествіе.

«Однажды я отчаянно старался достать морского ку-лика (*Tringa minuta*). Проходя какъ-то вечеромъ вдоль песчанаго берега, я услыхалъ странный крикъ, доносив-шійся, какъ мнѣ казалось, съ моря. Нѣсколько времени я

прислушивался, зная, что въ это время года (сентябрь) многие изъ нашихъ перелетныхъ гостей навѣщаются морской берегъ. Никогда раньше не слыхавъ подобнаго крика, я быстро очутился на самомъ берегу, не уже темнѣло, а у меня глаза не кошачьи; къ тому-же и крикъ прекратился одновременно съ моимъ приближеніемъ къ берегу. Подвигаясь почти опушью нѣкоторое время, мнѣ показалось, что я замѣтилъ большую стаю птицъ на нѣкоторомъ разстояніи, вдоль берега. Подойдя осторожно ближе, я убѣдился, что это было дѣйствительно такъ. Тутъ были ржанки, лозники и нырки. Хотя я достаточно хорошо видѣлъ, что птицы находились на мокромъ пескѣ между мною и моремъ, но вполнѣ ясно различать ихъ я не могъ. Разъ или два мнѣ показалось, что я видѣлъ одну, которая была меньше всѣхъ прочихъ, но вскорѣ убѣдился, что это была ошибка. Такъ какъ крикъ, навѣрное, принадлежалъ морскому кулику, то я былъ вполнѣ увѣренъ, что между этими птицами одна была чуждой имъ породы. Я пришелъ въ состояніе большого возбужденія. Каждый членъ тѣла моего дрожалъ какъ осиновый листъ. Что мнѣ было дѣлать? Правда, я могъ-бы выстрѣлить по немъ, но врядъ-ли я имѣлъ бы успѣхъ.

Межу тѣмъ совершенно стемнѣло, и птицы разлетѣлись на покой и попрятались между рифами и камнями, попадающими на отмеляхъ. Вместо того чтобы вернуться домой, какъ каждый-бы это сдѣлалъ, я улегся въ какое-то углубленіе на пескѣ въ ожиданіи утра, надѣясь при пробужденіи достичь своей цѣли. Ночь была вѣтряная и сырая, но утро занялось прекрасное. Но тутъ появились два охотника изъ Банфа. Это меня ужасно взволновало. Хотя птицы еще не проснулись, но я зналъ, что приближеніе людей ихъ разбудитъ, и охотники, безъ сомнѣнія, будутъ стрѣлять въ нихъ. Какъ я и предполагалъ, птицы встрепенулись, послышались выстрѣлы, и нѣсколько жертвъ упало на землю. Поднявшись со своего жесткаго

ложа, я подбѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ онѣ свалились и увидѣлъ, что все это были нырки, лозники и одинъ полосатый зуекъ. Охотники мнѣ были незнакомы, но я попробовалъ попросить ихъ воздержаться отъ выстрѣловъ, пока я не найду искомую птицу, но они, кажется, были не въ состояніи понять, почему одна птица могла быть интереснѣе другой, и сказали мнѣ, что такъ какъ птицъ тутъ такое множество, то и я могу тоже стрѣлять самъ для себя. Я отказался состязаться съ ними въ стрѣльбѣ, но жадно слѣдилъ за каждымъ ихъ выстрѣломъ, подбѣгая всякий разъ, чтобы посмотреть—кто упалъ; но я не встрѣтилъ того, чего искалъ. Охотники, наконецъ, утомились и ушли.

Теперь наступилъ мой чередъ; но, къ несчастью, птицы, напуганныя ружейнымъ огнемъ, стали необыкновенно осторожны, такъ что подойти къ нимъ не было никакой возможности. Впрочемъ, настойчивостью добился я того, что высмотрѣлъ одну, которая была меньше всѣхъ остальныхъ; мнѣ удалось подойти немного ближе. Онѣ поднялись, я выстрѣлилъ: четверо упало. Затаивъ дыханіе, я подошелъ, въ надеждѣ поднять ту, которая мнѣ была нужна. Но, увы, нѣтъ! Оставшіяся птицы полетѣли къ морю, обогнули мысъ и исчезли съ глазъ. Изъ этого маневра и изъ того, что онѣ не возвращались, я заключилъ, что онѣ полетѣли къ Вайтиллю, около трехъ миль отъ того мѣста, гдѣ я былъ, и я туда отправился. Но едва я дошелъ, какъ онѣ уже летѣли обратно въ прежнемъ направлениі. Вернувшись, въ свою очередь, я засталъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ. И снова, какъ-только я приблизилъся, онѣ поднялись и улетѣли, а я опять пошелъ за ними; и такъ гонялся я за ними, все взадъ и впередъ, весь день. Лишь подъ-вечеръ, когда силы мои окончательно истощились и я чувствовалъ уже полное изнеможеніе,—я рѣшилъ опять лечь на прибрежныхъ камняхъ, въ надеждѣ, что и птицы на ночь вернутся туда же. Дѣйствительно, какъ я желалъ и ожидалъ, такъ и случилось: еще не совсѣмъ

стемъло, какъ птицы прилетѣли и расположились ярдахъ въ сорока отъ того мѣста, гдѣ я лежалъ. Усталости, голода и мыслей о возвращеніи домой — какъ не бывало! Одинъ видъ и близость предметовъ моихъ исканій меня совершенно преобразилъ. Тотчасъ началась охота; двѣ птицы упали подстрѣленныя, прочія же снялись и направились къ морю. Я послѣдовалъ было за ними, но тутъ замѣтилъ, что одна изъ улетавшихъ вздрогнула, оставила своихъ товарищѣй, повернулась по направлению ко мнѣ и свалилась почти у моихъ ногъ. Когда я поднялъ маленькое созданіе, то мнѣ оставалось только благодарить себя за настойчивость и терпѣніе, такъ какъ труды мои, наконецъ, увѣчались усѣхомъ. Это былъ первый подстрѣленный мною морской куличекъ и единственный, котораго я видѣлъ въ той мѣстности».

Въ такихъ усердныхъ поискахъ и эксперсіяхъ Эдвардъ терялъ, конечно, очень много времени и, соответственно, терялъ и доходы. Но хозяинъ его, обыкновенно, помогалъ ему, давая возможность наверстать потерянное; онъ въ такихъ случаяхъ говорилъ: «Дайте Тому сегодня материала на пару, и если только у него есть что-нибудь въ виду опять, то можно быть увѣреннымъ, что башмаки будутъ къ утру готовы для заказчика». Эдвардъ бралъ материалъ домой, и, вместо того, чтобы лечь спать — работалъ всю ночь, пока не оканчивалъ заказ вполнѣ. У него было еще то преимущество, въ случаяхъ необходимости наверстать потерянное время и заработокъ, что его чистъ изъ всегдѣ мастерства была самая легкая, такъ какъ онъ дѣлалъ лишь бальные и вообще легкіе башмаки. Эдварда прочіе рабочіе считали и называли искусственнымъ и ловкимъ. Онъ былъ въ состояніи исполнить гораздо большее количество работы, чѣмъ прочіе, приставленные къ болѣе тяжелому производству. Все это, въ соединеніи съ его привычкой — ни одной минуты не оставаться празднымъ — много способствовало его успѣху въ работѣ. Кроме того, Эдвардъ поспѣвалъ

заготовлять образцы обуви для магазина, во время своихъ обѣденныхъ часовъ, когда прочіе мастеровые отдыхали. Въ долгіе зимніе вечера онъ обыкновенно прибиралъ заготовленную обувь и раскладывалъ по назначеннымъ для того ящикамъ; зачастую, чтобы лучше исполнить это, онъ жертвовалъ своимъ сномъ, а такъ какъ пользоваться при этомъ и тепломъ и свѣтомъ было-бы слишкомъ дорого, то онъ гасилъ свѣчу, какъ-только можно было обойтись безъ этого, и продолжалъ свое дѣло при свѣтѣ очага.

Вынужденный, наконецъ, отдохнуть ночью, онъ ложился и моментально крѣпко засыпалъ на часъ или полтора. Проснувшись, принимался снова за работу, и говорилъ, что чувствовалъ себя настолько освѣженнымъ и крѣпкимъ послѣ своего глубокаго, хотя и короткаго сна какъ бы спалъ всю ночь. Во время сна, вѣроятно, онъ сосредоточивался мысленно на своемъ дѣлѣ, иначе не могъ бы онъ просыпаться именно въ то время, какое онъ себѣ впередъ назначалъ.

Кромѣ набивки чучель для своей собственной коллекціи, онъ набивалъ также и присылавшіеся ему для набивки экземпляры для постороннихъ — за плату. Одною изъ причинъ, побуждавшихъ его дѣлать свои «обходы» правильно, было желаніе навѣщать различные ловушки, которыя онъ разставлялъ, желая набрать побольше различныхъ насѣкомыхъ и червей для своей коллекціи. Для этой цѣли онъ пользовался всѣми возможными материалами: онъ клалъ мертвыхъ птицъ, крысъ, кроликовъ, раковъ и т. п., размѣщая ихъ вездѣ, только не на большихъ дорогахъ: въ поляхъ, лѣсахъ, на землѣ и подвѣшивая на деревьяхъ, клалъ и въ водѣ—какъ въ проточной, такъ и въ стоячей. Нѣкоторыя изъ этихъ приманокъ онъ осматривалъ ежедневно, другія—разъ въ недѣлю, а поставленные въ водѣ и на болотахъ—разъ въ мѣсяцъ. Онъ никогда не проходилъ мимо лѣтнаго животнаго безъ того, чтобы не осмотрѣть его внимательно и не отнести потомъ въ какое-либо укры-

тое мѣстечко и время-отъ-времени все заходилъ посмот-
рѣть на него. Рыбы внутренности и отбросы рыбакиихъ
сѣтей служили ему обильнымъ мѣстомъ наблюдений и до-
быванія различныхъ морскихъ рѣдкостей. Такими спосо-
бами онъ получалъ много рѣдкаго и интереснаго для своей,
постепенно все разраставшейся коллекціи.

Но случалось Эдварду переживать и очень крупныя не-
пріятности; обѣ одной изъ нихъ стоитъ упомянуть. Кол-
лекція Эдварда изобиловала разнообразнейшими насѣко-
мыми, которыхъ онъ обыкновенно насаживалъ на булавки
въ коробкахъ и ящикахъ. Они были подъ есовой нумера-
ціей, и Эдвардъ намѣревался составить имъ каталогъ, когда
соберетъ всѣ свѣдѣнія и точно установить названія. Онъ
зналъ, что для каталоговъ можно покупать отдѣльные
листы для зарегистрированія, но пріобрѣтать ничего по-
добнаго онъ не могъ, а потому ограничился тѣмъ, что, до-
ставъ случайно кипу старыхъ календарей и таблицъ умно-
женія, вырѣзаль цифры и перенумеровалъ свои сокровища.
Работа была скучная и мѣшкотная, но, наконецъ, онъ
все-же ее одолѣлъ.

Когда насѣкомыя, такимъ образомъ, были приве-
дены въ порядокъ и перенумерованы, Эдвардъ отнесъ все
на чердакъ до того времени, когда найдется возможность
застеклить ящики. Вышло 20 ящиковъ и въ нихъ было
916 насѣкомыхъ; Эдвардъ составилъ ящики одинъ на дру-
гой, опрокидывая вверхъ дномъ, чтобы предохранить пока
отъ пыли. Черезъ иѣсколько дней, пріобрѣтя подходящее
стекло, онъ пошелъ на чердакъ, снялъ верхній ящикъ и
испугался: въ ящикѣ ничего не было. Эдвардъ попробо-
валъ взять слѣдующій—тоже; все было пусто, кое-гдѣ
лишь оставалась головка, ножка, крыльшко!.. Болѣе пол-
ной картины разрушенія трудно себѣ было бы представить; вѣроятно, это было дѣломъ крысъ или мышей.

Жена, увида пустые ящики, спросила, что онъ ду-
маетъ теперь дѣлать.—«Да что-же? Это дѣйствительно

ужасный ударъ,—сказалъ Эдвардъ,—но, думаю, самое лучшее, что я могу предпринять, это снова взяться за дѣло и опять наполнить ящики». А собрать эти 916 штукъ стоило ему четырехъ лѣтъ работы. И видѣть все уничтоженнымъ въ нѣсколько дней, быть можетъ, даже въ одну ночь!

Подобное же горе случилось и съ Одюбономъ, который, оставляя на время Кэнтуки, гдѣ онъ тогда жилъ, отдалъ всѣ свои рисунки, изображавши приблизительно около тысячи различныхъ обитателей воздушнаго пространства, на храненіе одному изъ своихъ друзей. Вернувшись, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ открылъ свой ящикъ и увидалъ, что пара поселившихся тамъ крысъ завладѣла рисунками и изгрызла ихъ, превративъ оставшееся въ мельчайшія клочья. Одюбонъ сдѣлалъ то же, что рѣшилъ сдѣлать Эдвардъ: онъ снова отправился бродить по лѣсу съ ружьемъ, записной книжкой и карандашами и черезъ три года опять наполнилъ свой портфель.

Эдвардъ также исполнилъ свое намѣреніе и попрежнему отправлялся на свои поиски по лѣсамъ и болотамъ, посыпая развалины и заброшенныя зданія, кладбища и т. п., пока, почти черезъ 4 года, онъ не собралъ вторичной коллекціи насѣкомыхъ; но все-же въ прежней было нѣсколько такихъ рѣдкихъ экземплировъ, какихъ онъ впослѣдствіи никогда уже не встрѣчалъ.

Такимъ образомъ, Эдвардъ собираль и наблюдалъ около 8 лѣтъ, и собраніе различныхъ произведеній животнаго и растительнаго міра было у него весьма значительное. Около 1845 г. у него было уже заготовлено до 2,000 животныхъ, встрѣчаемыхъ въ окрестностяхъ Банфа. Около половины всего количества составляли четвероногія, птицы, пресмыкающіяся, рыбы, раковидные, животнорастенія—кораллы, губки и пр. Онъ собралъ также множество растеній, нѣкоторые образцы были въ банкахъ, большая же часть въ ящикахъ подъ стекломъ. Онъ не могъ, разумѣется, заказывать ящики специальному мастеру и по-

тому дѣлалъ все самъ, съ помощью своего сапожного ножа, пилы и молотка.

Онъ скупалъ старые ящики у торговцевъ и, разбивая ихъ, чтобы сдѣлать для своихъ цѣлей меныше, онъ доставалъ достаточное количество гвоздей для своей работы. Для большихъ же ящиковъ онъ покупалъ у плотниковъ доски. Внутренность ящиковъ онъ выклеивалъ бумагой, разрисовывалъ снаружи, а сверху вмѣсто крышки на克莱ивалъ стекло. Сорокъ ящиковъ были наполнены одними раковинами и были раздѣлены такъ, чтобы каждая разновидность помѣщалась въ свое мѣсто. Эти ящики было трудно изготавлять, но все-же Эдварду удалось; въ общемъ было уже до 300 ящиковъ.

Домъ его теперь былъ полонъ чучелами птицъ, четвероногихъ, насѣкомыхъ и т. п. предметами. Каждая комната, не исключая и его мастерской, была полна ящиками. Что съ ними дѣлать? У Эдварда давно уже былъ въ головѣ свой планъ. Прежде всего ему хотѣлось разстаться съ башмачнымъ ремесломъ, поэтому надо было собрать нѣсколько денегъ, чтобы начать что-нибудь другое. Также и для продолженія различныхъ изслѣдованій въ области естественной исторіи необходимы были деньги. Но какимъ путемъ достать эти средства? И Эдварду думалось, что хоть часть онъ можетъ выручить, выставивъ свою коллекцію, поэтому онъ и старался собрать побольше экземпляровъ и наполнилъ такое множество ящиковъ.

Въ Банфѣ дважды въ годъ бывала ярмарка для найма рабочихъ и прислуги; молодые деревенскіе парни и девушки собирались изъ окрестныхъ деревень, чтобы получить мѣсто, а фермеры съ женами прѣѣзжали нанимать ихъ. Въ Банфѣ эти дни были настоящими событиями; этотъ обыкновенно тихій городокъ кишѣлъ народомъ, частью прїѣзжавшимъ по дѣлу, а частью просто чтобы поглядѣть и развлечься. Все время продолженія ярмарки суматоха и движение на главныхъ улицахъ не прекраща-

лись. Всевозможные звѣринцы, выставки, великаны, карлики и разныя диковинки привозились на эти дни и при звукѣ бубновъ и барабановъ слѣдовали по улицамъ Банфа.

На этой-то ярмаркѣ, въ маѣ 1845 г., Эдвардъ рѣшилъ выставить свою коллекцію. Онъ нанялъ помѣщеніе въ рынкѣ и приглашалъ публику посѣтить его «коллекцію набитыхъ и сохраненныхъ въ ихъ настоящемъ видѣ животныхъ, состоящую изъ четвероногихъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, раковинъ, яицъ и прочихъ рѣдкостей».

Мѣстный листокъ призывалъ общественное вниманіе, описывая интересные предметы, находившіеся въ прекрасной коллекціи Эдварда—«плоды его личнаго, неустанныаго труда и изобрѣтательности; труда исключительного, потому что все сдѣлано безъ всякой посторонней помощи и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ... Особенно слѣдуетъ рекомендовать посѣщеніе предлагаемой выставки нашей молодежи, такъ какъ она и интересна, и полезна. Изъ ея осмотра за полчаса можно извлечь больше пользы, чѣмъ въ полгода, проведенные за чтеніемъ книгъ о тѣхъ-же предметахъ». Мѣстные обыватели были поражены; они всегда удивлялись поведенію Эдварда, никогда не понимая его ночныхъ прогулокъ и странныхъ занятій; выставка объяснила имъ все. Когда его объявленіе о выставкѣ стало известно всѣмъ, многие городскіе жители посѣтили Эдварда въ его домѣ, чтобы убѣдиться, насколько это было правда и невольно должны были поверить заявлению мѣстной газеты, найдя всеѣ его комнаты занятыми ящиками со множествомъ чучель разныхъ животныхъ и птицъ. Нѣкоторые задавали ему вопросъ—почему онъ сдѣлался натуралистомъ?

— Когда мнѣ впервые задали этотъ вопросъ, — говорить Эдвардъ,— я былъ крайне смущенъ; мнѣ никогда не приходило въ голову, что можно сдѣлаться натуралистомъ, какъ дѣлаются ремесленниками и купцами. Еще менѣе вѣрилось мнѣ, чтобы изъ-за материальныхъ выгодъ можно

было сдѣлаться натуралистомъ. Отвѣтъ мой на предложеній мнѣ вопросъ былъ и есть до сихъ поръ неизмѣнно тотъ-же: я не могу этого опредѣленно сказать. Я никогда не могъ-бы указать ни одного виццяяго обстоятельства, которое хоть сколько-нибудь повлияло-бы на зарожденіе въ моей душѣ этой неугасимой любви ко всему созданному Всемогущимъ Творцомъ. Истинную причину этого, вѣроятно, надо искать гдѣ-либо не въ окружающемъ меня мірѣ.

Приготавляя къ выставкѣ свою коллекцію, Эдвардъ чистилъ чучела и вытирали ящики передъ отправкой въ напытое имъ помѣщеніе и тутъ снова былъ огорченъ новой потерей. Нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ собралъ и уложилъ въ ящикъ около 2,000 засушенныхъ и приготовленныхъ растеній. Ящикъ этотъ онъ поставилъ на верхушкѣ лѣстницы такъ, чтобы онъ былъ совершенно въ сторонѣ и, не мѣшал никому, не подвергался-бы никакой опасности. На собираніе этой коллекціи Эдвардъ употребилъ 8 лѣтъ. Когда онъ теперь пришелъ, чтобы взять ящикъ, то нашелъ, что крышка сдвинута въ сторону и множество кошекъ расположились тамъ, какъ у себя дома; растенія все были, конечно, помяты и приведены въ полную негодность, а отъ ящика былъ такой ужасный запахъ, что его пришлось сжечь на ваднемъ дворѣ.

Все это, конечно, его крайне огорчало, но тѣмъ не менѣе Эдвардъ забралъ свою коллекцію и перенесъ въ мѣсто, избранное имъ для выставки. У него не было никакихъ приманокъ, ни музыки, ни барабановъ, ничего того, что обыкновенно бываетъ на ярмарочныхъ выставкахъ. Помѣщеніе было наверху, такъ что посетителямъ приходилось подниматься по высокой лѣстницѣ, чтобы добраться до его коллекцій. Но все-же многие приходили смотрѣть, и въ результатѣ было то, что Эдвардъ покрылъ не только расходы, но и отложилъ немногого на будущее время.

Послѣ этого Эдвардъ все-же продолжалъ собирать и увеличилъ количество породъ и экземпляровъ, готовясь къ слѣдующей выставкѣ. Ему удалось отчасти возстановить погибшее собраніе растеній; кромѣ того, онъ добылъ нѣсколькихъ морскихъ птицъ и рыбъ и очень увеличилъ свою коллекцію лицъ. Онъ готовилъ все это къ слѣдующей выставкѣ въ 1846 году, при чёмъ онъ намѣревался выставить нѣсколько древнихъ монетъ, находившихся у него, и разные старинныя вещи.

Выставка эта была болѣе привлекательна и болѣе удачна, чѣмъ первая. Она вызвала всеобщій восторгъ, и Эдварду много говорили пріятнаго по этому поводу. Въ материальномъ отношеніи онъ былъ вознагражденъ также лучшe; однимъ словомъ, этотъ второй опытъ Эдварду показался настолько удачнымъ, что онъ рѣшилъ устроить слѣдующую выставку уже въ большомъ городѣ— въ Абердинѣ.

ГЛАВА IX.

ЭДВАРДЪ ВЫСТАВЛЯЕТЪ СВОЮ КОЛЛЕКЦІЮ ВЪ АБЕРДИНѢ.

Банфъ былъ сравнительно маленький и уединенный городокъ, между тѣмъ какъ Абердинъ былъ центромъ интеллигенціи и трудящагося люда всего Сѣвера. Поэтому, въ Банфѣ сравнительно лишь немногіе имѣли понятіе объ естественной исторії и вообще о наукѣ, между тѣмъ какъ въ Абердинѣ было два университета, много студентовъ, профессоровъ и вообще учащихся. Вообще въ Абердинѣ было много жителей образованныхъ и серьезно занимавшихся, кромѣ рабочихъ и ремесленниковъ.

Для Эдварда Абердинъ былъ землей обѣтованной: онъ сильно надѣялся на свой успѣхъ тамъ. Ему все болѣе и болѣе хотѣлось бросить свое башмачное ремесло и посвятить себя занятіямъ естественной исторіей. Но для этого необходимы были средства и определенный доходъ. У него было нѣсколько плановъ—какъ употребить деньги, которыя получатся съ выставки. Сначала онъ думалъ открыть кофейню или какую-нибудь торговлю для поддержанія своей семьи. Затѣмъ ему хотѣлось купить нѣсколько сочиненій по естественной исторії, написанныхъ лучшими авторами. Кромѣ того, вѣроятно, надо будетъ купить еще микроскопъ и нѣкоторые другіе необходимые научные инструменты. Какъ въ сказкахъ, мечталъ Эдвардъ о томъ, что

онъ сдѣлаетъ на деньги, который получить послѣ удачной выставки въ Абердинѣ.

Но пока у Эдварда было работы по горло. Всѣ ящики надо было привести въ порядокъ; много новыхъ предметовъ надо было прибавить къ коллекціи, набить нѣсколько новыхъ чучель. Ихъ нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ онъ составлялъ цѣлые группы и сцены, придавая этимъ послѣднимъ болѣе или менѣе драматической характеръ.

Тутъ были и сцены изъ жизни птицъ, былъ и цѣлый ящикъ, гдѣ мыши, большія и маленькия, выпѣзали и влѣзали въ мѣшокъ съ мукою, который онъ грызли. Въ другомъ, большемъ ящикѣ, была цѣлая стая маленькихъ птичекъ, въ сильно возбужденномъ состояніи, нападавшихъ на хорька, а эта послѣдній собрался разорить гнѣзда съ шестью яичками, изъ которыхъ одно онъ уже выпилъ. Однимъ изъ лучшихъ ящиковъ былъ тотъ, въ которомъ находился большой фазанъ съ 6 маленькими,—всѣ прекрасно набиты; за нихъ, еще въ Банфѣ, Эдварду давали три гинеи.

Наконецъ, все было готово, и Эдвардъ съ легкимъ сердцемъ оставилъ Банфъ для Абердина. Коллекція помѣщалась въ 6 телѣжкахъ каменотесовъ—самая большія, какія онъ могъ найти. По желѣзной дорогѣ Эдвардъ не могъ везти свою коллекцію, такъ какъ въ Банфѣ въ то время ея еще не было. Вся семья, т.-е. Эдвардъ, его жена и пятеро дѣтей, сопровождая коллекцію, выѣхали рано поутру въ пятницу 31 июля 1846 года — день знаменательный для Эдварда. На слѣдующій день вечеромъ коллекція благополучно прибыла въ Абердинъ.

Эдвардъ снялъ сначала лавку № 132 на Уніонъ-Стритѣ для своей выставки. Улица эта самая лучшая въ Абердинѣ, да, пожалуй, лучшая и во всей Шотландіи; она просторная, широкая и около мили въ длину. Дома на ней изъ тесанаго камня, многіе весьма солидные и благородной архитектуры. Уніонъ-Стритъ можетъ считаться представительницей всего Грэй-Сити.

Афиши были напечатаны, а также и объявления въ мѣстныхъ газетахъ объ открытии выставки. Въ афишахъ стояло, что «предметы, составляющіе эту выставку, собраны въ окрестностяхъ Банфа и Абердина, отдельаны и приведены въ порядокъ однимъ лицомъ и то—простымъ подданнымъ рабочимъ башмачникомъ. Они были имъ выставлены въ Банфѣ, къ удивленію и удовольствію посѣтителей, которые поражены были красотой, порядкомъ и количествомъ разнообразныхъ частей коллекціи, такъ что многие усумнились даже, чтобы простой башмачникъ быть въ состояніи создать что-либо подобное.

«Томасъ Эдвардъ береть смильость засвидѣтельствовать, что коллекція признана знаменитыми натуралистами, какъ одна изъ весьма любопытныхъ, предлагаемыхъ вниманію публики; въ ней собрано болѣе 2000 предметовъ. Къ тому-же все это дѣло одного человѣка, вынужденного работать при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не имѣя никакого, кто-бы сказалъ ему, гдѣ можно найти то или другое, показать бы ему, какъ сохранять и беречь собранное. Никого не было, кто бы сопровождалъ его въ его ночныхъ экскурсіяхъ и дружески помогъ бы или поддержалъ его; ни откуда не имѣя никакой помощи, онъ полагался исключительно на свои скромныя средства и способности.

«Если-бы можно было найти соотвѣтствующее выраженіе, чтобы описать безприимѣрную усидчивость и неутомимую настойчивость, съ которыми Томасъ Эдвардъ работалъ надъ составленіемъ своей коллекціи, это удивило-бы каждого. Но такъ какъ это невозможно, то лишь личное посѣщеніе выставки можетъ дать понятіе о размѣрѣ его труда. Океанъ, береговыя скалы, песчаный и каменистый берегъ, воздѣланные поля, луга и лѣса, бѣгущіе ручьи, стоячія воды, гнилые болота и кочки, старыя стѣны, развалины башенъ,—всюду онъ побывалъ, все обыскалъ, вездѣ стараясь добыть что-либо для своей коллекціи».

Таково было воззваніе Эдварда къ жителямъ Абердина

при открытии его выставки. Цены, имъ назначенные, были очень скромны,—мужчины и дамы 6 д., рабочие классы — 3, дѣти—половину. Абердинская газета следующимъ образомъ отзывалась о выставкѣ: «Мы были въ особенности поражены необычайно естественными положеніями, въ которыхъ передъ нами являются животныя и хищныя птицы; иѣкоторые представлены раздирающими добычу, другія—кормящими дѣтей, а третьи, озирающіеся кругомъ съ выражениемъ страха приближающейся опасности въ глазахъ. Птицы, положительно, прекрасны; энтомологические образцы возбуждаютъ въ каждомъ интересъ».

Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Абердинъ, Эдвардъ открылъ свою выставку. Онъ надѣялся, что будетъ большое движение вслѣдствіе множества желающихъ посмотреть на все собранное имъ съ такимъ трудомъ въ теченіе 8 лѣтъ. Онъ вѣрилъ въ самого себя, хотя другое не вѣрили въ него. Но, однако, наплыва публики не было. Передъ дверьми № 132 не толпились, а лишь весьма немногіе заходили посмотреть на коллекцію. Быть можетъ, эти рассказутъ своимъ друзьямъ, возбудятъ ихъ интересъ и толпа все же придетъ?... Но онъ ждалъ напрасно, народу не было.

Первые десять дней, по открытии выставки, главными посѣтителями ея были продавцы чучель и люди, которые надѣдали Эдварду, уговаривая его купить у нихъ различные предметы животнаго царства, какъ живые, такъ и мертвые. Предлагаемые предметы были или уродливости, или обманъ, какъ, напримѣръ, близнецы-цыплята, кошка съ крысью головой, двухголовая собака, крыса съ двумъ хвостахъ, при чемъ оба были завернуты колечкомъ, какъ у свиньи и т. п. Разумѣется, всѣмъ подобнымъ господамъ Эдвардъ указывалъ на дверь.

Нѣсколько дамъ явилось за совѣтомъ по поводу своихъ любимцевъ: у одной была больна собачка, а у другой хромала птичка; у иныхъ оказывались больныя или искалѣ-

чесные кошки. Пригласили какъ-то Эдварда на выѣстить свинью, сломавшую ногу; въ другой разъ зашелъ какой-то господинъ посовѣтоваться на счетъ своего любимаго старого кролика, у котораго одинъ изъ переднихъ зубовъ выросъ неправильно, выдавшись настолько впередъ, что мѣшалъ ему есть — не можетъ ли онъ прийти подрѣзать его? — Нѣть, у Эдварда не было времени: онъ долженъ былъ присутствовать на своей выставкѣ.

А посѣтителей все-таки было мало. Тѣ, которые приходили, были такъ невѣжественны и такъ мало знакомы съ произведеніями природы, зная лишь самыхъ обыкновенныхъ животныхъ, что поражали Эдварда. Породы, привычки и образъ жизни различныхъ животныхъ были имъ совершенно незнакомы, равно какъ и превращенія насѣкомыхъ. Они не могли понять, какъ это изъ безобразной личинки вылетаетъ прелестная бабочка. Особенно печальнымъ казалось Эдварду невѣжество среди людей его класса — рабочихъ.

Докторъ Макгилливрэй, профессоръ естественной исто-
рии въ абердинскомъ колледжѣ, зашелъ къ Эдварду и
остался очень доволенъ коллекціей фауны Баффира. Онъ
сказалъ, что жители Абердина совершенно не подготов-
лены къ подобного рода выставкамъ. Въ городѣ не было
публичнаго музея, никакой коллекціи произведеній при-
роды, ни одной библиотеки; однимъ словомъ, ничего для
развитія и удовлетворенія высшихъ и благороднѣйшихъ
человѣческихъ стремленій. Этому и приписывалъ Эдвардъ,
главнымъ образомъ, неудачу своей выставки. Всѣ про-
фессора, заходившіе познакомиться съ выставкой, подтвер-
ждали то же, говоря, что въ Абердинѣ никто не подго-
товленъ къ подобнымъ выставкамъ, тѣмъ болѣе, что это—
дѣло неизвѣстнаго простого бѣднаго человѣка; онъ опере-
дилъ столѣтіе.

Большинство посѣтителей, осматривавшихъ выставку,

совершенно не вѣрили, чтобы это было дѣло одного Эдварда. Былъ одинъ господинъ, частенько заходившій мимоходомъ и тщательно все рассматривавшій. Онъ иногда давалъ Эдварду полкроны за входъ и не хотѣль брать сдачу. Господинъ этотъ очень настойчиво и много разспрашивалъ Эдварда, задавая ему вопросы чисто личнаго характера. Эдвардъ тѣмъ временемъ приготовилъ «мѣшокъ забывчивости», въ который онъ складывалъ всѣ непріятныя вещи, слышанныя имъ, и разъ онъ рѣшился забыть что-либо, то онъ уже ихъ не вспоминалъ. Онъ думалъ, что его посѣтитель занимался медицинской профессіей и, вѣроятно, служилъ въ сосѣдней больницѣ *).

Однажды этотъ посѣтитель пришелъ и, не глядя на выставленные предметы, прямо обратился къ Эдварду съ вопросомъ: Ну, какъ же замъ живется?—Очень бѣдно,—былъ отвѣтъ.—«И не мудрено!»—сказалъ посѣтитель. —Почему?—«Почему! потому, что здѣшній народъ не вѣритъ подобнымъ вещамъ. Я въ этомъ увѣренъ, потому что видѣль и слышаль многое, на основаніи чего могу заключить».—Ну, хоть-бы они приходили, по крайней мѣрѣ!

— Придуть! вотъ въ томъ то и дѣло, что, кажется, они и не думаютъ приходить. Да и во мнѣомъ случаѣ, если-бы они и пришли, то развѣ это было-бы неизбѣжнымъ слѣдствиемъ того, что они убѣдились, что все результатъ вашихъ непосредственныхъ личныхъ трудовъ? Вы здѣсь почти чужой. Вамъ слѣдовало-бы имѣть кого-либо изъ высокопоставленныхъ лицъ города, кто взялъ-бы васъ подъ свое покровительство: положимъ, хоть бы профессора нашихъ колледжей, или члены городского совѣта, или самъ городской голова. Напрасно вы недовѣрчиво по-

*) Впослѣдствіи стало извѣстно, что этимъ посѣтителемъ былъ д-ръ Каденгидъ, одинъ изъ главныхъ городскихъ медиковъ и окулистовъ въ Абердинѣ.

качиваете головой и смотрите въ землю; увѣряю васъ, что такъ было-бы гораздо лучше.

— Я никогда не считалъ себя въ правѣ просить о подобной милости.

— Въ такомъ случаѣ вы не будете имѣть успѣха здѣсь до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаете чего-либо подобнаго.

— Ну, значитъ,—сказалъ Эдвардъ,—я долженъ откровенно вамъ сказать, что я никогда не буду имѣть успѣха.

— Вы слишкомъ упрямы и слишкомъ непреклонны,—сказалъ докторъ.—Вѣдь вы же знаете прекрасно, что у васъ въ Абердинѣ нѣтъ никого, кто бы засвидѣтельствовалъ истину вашего необычайного заявленія. Вы говорите, что вся эта коллекція есть исключительно и всецѣло дѣло вашихъ рукъ и составляетъ вашу собственность?

— Да! я купилъ лишь нѣсколько птицъ у лѣсника. Что же касается всего остального, то я добылъ все самъ: набивалъ, сохранялъ, привелъ въ порядокъ и распредѣлилъ такъ, какъ вы видите.

— И въ то же время вы должны были работать, чтобы содержать себя?.

— Да! и не только себя, но и всю свою семью.

— Такъ у васъ еще жена и семья?

— Да, у меня пять человѣкъ дѣтей.

— Кой чортъ!..

— Нѣтъ, сударь, я сказалъ дѣтей.

— Ахъ, да я знаю! Извините, пожалуйста! Ну, развѣ вы хотите сказать, что вы содержали семью, занимаясь вашимъ ремесломъ въ теченіе всего времени, что вы работали надъ коллекціей?

— Да!

— Ну, пустяки! какъ это возможно, чтобы вы это могли сдѣлать?

— Я никогда не терялъ ни одной минуты, ни даже

части минуты, которую я могъ-бы какимъ-либо образомъ использовать.

— Да вы развѣ когда-либо слышали о комъ-нибудь кто сдѣлалъ-бы раньше что-либо подобное?

— Нѣтъ! но тысячи людей могли бы это сдѣлать и еще больше даже.

— Ладно, но я не вѣрю этому. Я никогда не слыхалъ и не читалъ ни о чёмъ подобномъ!

— Но я никогда не думалъ, — сказалъ Эдвардъ, — что я дѣлаю что-нибудь такое, чего не можетъ сдѣлать любой изъ насъ. Я былъ совершенно далекъ отъ мысли, что дѣлаю что-либо достойное вниманіе. Но если я, какъ простой поденщикъ-башмачникъ, сдѣлалъ что-либо достойное похвалы, то я долженъ сказать, что не найдется ни одного рабочаго въ цѣломъ свѣтѣ, который не смогъ бы сдѣлать еще больше меня, потому что изо всѣхъ занятій, [какія мнѣ только известны, башмачное ремесло наивѣрное самое худшее.

— Если бы ремесло ваше было таково, что вы должны были бы работать на открытомъ воздухѣ, то и тогда это было бы поразительно. Но, будучи вынужденнымъ съ утра до ночи сидѣть въ башмачной мастерской, гдѣ никакихъ произведеній природы ни видѣть, ни найти нельзя — дѣло это представляется совершенно непостижимымъ. Я даю голову на отсѣченіе, что ни въ Абердинѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не найдете вы ни одного мастерового, который бы самъ сдѣлалъ что-либо подобное. Я вѣсь уверяю, что вы не найдете человѣка, который бы зналъ рабочий людь и его жизнь лучше меня, и я вамъ повторяю, что въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся, это совершенно невозможно. У нихъ нѣтъ ни подготовки, никакихъ необходимыхъ свѣдѣній для научныхъ изслѣдованій, равно какъ нѣтъ ни денегъ, ни времени. Этимъ несчастнымъ едва хватаетъ времени и заработка, чтобы прикрывать свою наготу и поддерживать свое полуголодное существованіе.

— Я совершенно согласенъ съ вами, — возразилъ Эдвардъ.— Въ нѣкоторомъ отношеніи вы правы, но, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить, что бѣдственное положеніе, о которомъ вы упоминаете, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ отъ самихъ рабочихъ, а также и отъ ихъ неряшли-выхъ и непредусмотрительныхъ женъ. Вместо того, чтобы идти въ поле или въ лѣсъ, освѣжиться и отдохнуть на лонѣ природы, они идутъ чуть не въ самое пекло топить свои невзгоды въ винѣ и доводятъ, такимъ образомъ, себя чуть не до нищеты и разоряютъ семью.

— Безъ сомнѣнія, нѣчто подобное есть,—сказалъ докторъ, — говоря вообще, но есть и исключенія. Кажется, что вы принадлежите къ этимъ послѣднимъ и къ тому же еще и очень особеннымъ; и вотъ это то больше всего меня приводитъ въ смущеніе. Я не могу понять, какъ могли вы все это сдѣлать исключительно своими руками; при этомъ вы, конечно, должны были много читать. Вы, вѣроятно, имѣли возможность познакомиться съ лучшими учеными сочиненіями и имѣли средства, которыя позво-лили вамъ собрать и привести въ тотъ видъ, въ какомъ они теперь находятся, всѣ выставленные вами пред-меты?

— Позвольте мнѣ замѣтить, — сказалъ Эдвардъ, — что я человѣкъ не книжный и никогда не читаль ни одного ученаго сочиненія: это для меня было всегда недоступно. Средствами же я не располагаю никакими, кроме тѣхъ, которыя приобрѣтаю неустаннымъ тяжелымъ трудомъ.

— Какъ! развѣ вы не получили образованія? не имѣли возможности читать ученыя книги?

— Нѣть, сударь!

— Такъ какъ же, чортъ возьми, вы достигли этого?

— Я полагаю, что я уже говорилъ вамъ нѣсколько разъ объ этомъ. Но я повторю опять, на этотъ разъ въ немногихъ словахъ. Главной моей школой была земля и единственнымъ учителемъ—природа. То, что я былъ въ со-

стояніи сдѣлать, то было сдѣлано потому, что береглась каждая копѣйка заработка и каждая минута времени.

— Что-же, вы хотите сказать, что вы не получили образованія и не имѣли другихъ средствъ, кроме заработка?

— Да! и...

— Совершеннѣйшіе пустяки!

— Позвольте мнѣ докончить. Не всегда тѣ, у кого есть много денегъ и лучшее образованіе, бывають лучшими работниками, какъ по части естественной исторіи, такъ и въ другихъ областяхъ!

— О, конечно, это совершенно вѣрно. Но не въ томъ дѣло. Впрочемъ (смотря на часы), я долженъ идти. Я зайду снова, потому что я рѣшилъ добиться истины въ этомъ дѣлѣ.

На слѣдующій разъ, когда онъ зашелъ, Эдвардъ стоялъ у дверей.

— Сегодня не могу, — сказалъ онъ, — зайти сюда, потому что долженъ уѣхать на иѣкоторое время изъ города и не вернусь раньше, какъ черезъ недѣлю. Но вотъ ваша плата.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ Эдвардъ, — вы даже не входили.

— Ну, хорошо! тогда положу сюда. — И онъ всунулъ деньги между чучелами птицъ.

Когда Эдвардъ подошелъ посмотреть, что это за деньги, то онъ нашелъ вмѣсто пенин цѣлую крону. Господинъ не заходилъ болѣе. Когда онъ вернулся въ городъ, то выставка уже закрылась.

Такъ какъ Эдвардъ въ своей афишѣ написалъ, что еще мальчикомъ онъ принадлежалъ къ жителямъ Абердина и работалъ на Грандгольмской мануфактурѣ, то нѣкоторые изъ его прежнихъ товарищѣй зашли къ нему на выставку. Параграфъ афиши гласилъ слѣдующее:

«Мысль о собраниі различныхъ произведеній природы явилась у собирателя еще въ дѣствѣ, когда онъ бродилъ

по окрестностямъ Абердина, а въ особенности, когда ему пришлось 9-лѣтнимъ мальчуганомъ ходить на Грандгольмскую фабрику по этимъ живописнымъ мѣстамъ. Если это объявление попадется въ руки кому-либо изъ тогдашихъ сотоварищей Томаса Эдварда, то, вѣроятно, напомнить ему мальчика, которому всѣ удивлялись тогда, такъ какъ онъ не принималъ никогда участія въ дѣтскихъ забавахъ, предпочитая ходить въ одиночествѣ по берегамъ рѣки или по лѣсу, отыскивая тѣхъ птицъ и животныхъ, собираеніе которыхъ въ послѣдующіе годы стоило ему столькихъ трудовъ, времени и расходовъ.

Такъ какъ прошло около 20 лѣтъ съ тѣхъ порь, какъ Эдвардъ работалъ на фабрикѣ, то онъ не сразу узнавалъ своихъ товарищѣй, когда они заходили къ нему, и они сами напоминали ему какое-нибудь обстоятельство изъ давнoproшедшаго, заставлявшее его припомнить ихъ. Нѣкоторые сначала осматривали выставку, и потомъ уже подходили къ нему; другие-же начинали съ того, что обращались къ Эдварду. Но всѣ какъ одинъ согласны были въ томъ, что никакъ не могли допустить, чтобы Эдвардъ сдѣлалъ все необходимое для этой коллекціи одинъ и не переставая заниматься при этомъ своимъ ремесломъ. Они были сами мастеровыми и знали, что положеніе ихъ таково, что имъ постоянно не хватаетъ ни средствъ, ни времени и къ тому ихъ еще преслѣдуютъ всевозможный затрудненія. Всѣ эти соображенія увеличивали только ихъ удивленіе. Нѣкоторые изъ прежнихъ знакомыхъ, посѣтивъ выставку, точно также заявляли Эдварду, что рабочему человѣку совершенно невозможно составить одному подобную коллекцію, безъ всякой посторонней помощи. Одинъ изъ бывшихъ сотоварищѣй по башмачной мастерской честенько заходилъ къ Эдварду, и тому удалось убѣдить его, что это дѣло вполнѣ возможное, но только онъ все сомнѣвался, что можно было обойтись безъ посторонней материальной помощи.

— Ну, хорошо, — сказалъ ему какъ-то Эдвардъ, — вы помните, какъ я работалъ рядомъ съ вами въ нашей мастерской на Шо-лэнѣ; какъ я никогда не оставался правднымъ и, кромѣ башмаковъ, всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ? Прекрасно! тоже продолжалъ я и покинувъ мастерскую. А женившись, вмѣсто того, чтобы предаваться лѣни, я сталъ работать еще съ большимъ рвениемъ, чѣмъ прежде. Я никогда не терялъ времени, стараясь изъ минуты сдѣлать часть; также поступалъ я и съ каждымъ заработаннымъ фартингомъ, стараясь изо всего извлечь всю возможную пользу.

— А не получили-ли вы чего-нибудь за женой? — спросилъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Эдвардъ, — но прия въ домъ съ пустымъ кошелькомъ, она принесла мнѣ приданое, которое дороже всякихъ денегъ.

— Э, полноте, вздоръ! что можетъ быть лучше денегъ для бѣдняка?

— Я вамъ скажу, — продолжалъ Эдвардъ, — она принесла замѣчательно крѣпкое и выносливое здоровье, рабочія руки, голову, полную здраваго смысла и разумъ гораздо выше того, какимъ обладаютъ большинство особъ ея пола. Вотъ что я ставлю выше денегъ. И смѣло могу сказать вамъ, что если бы молодые люди выбирали такихъ женъ, не гонясь только за деньгами, они могли-бы вести жизнь болѣе осмысленную. Всѣ ваши увеселительныя мѣста, трактиры и бильярды имѣли-бы тогда гораздо менѣе посѣтителей, и я не слишкомъ ошибусь, сказавъ, что тогда было-бы гораздо болѣе счастливыхъ семей, въ особенности между бѣдняками, вмѣсто больныхъ, вырождающихся людей, которые составляютъ пятно на нашей, такъ называемой, цивилизациѣ.

— Да вы сами изъ воздержанныхъ, — трезвый?

— Да, я трезвый. Если-бы жены болѣе заботились о благосостояніи своихъ мужей, — что было-бы и въ интере-

сахъ ихъ семей,—то трезвыхъ, воздержанныхъ, какъ вы ихъ называете, было-бы гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Я не состою членомъ общества трезвости, но тѣмъ не менѣе покровительствую всему, что можетъ уде ржать людей отъ выпивки и научить благонравію, я сочувствую всему, что ведетъ насъ къ благосостоянію и служить ко благу какъ въ здѣшней, такъ и въ будущей жизни.

— Значить, въ томъ смыслѣ, какъ я предполагаю, помоши у васъ не было?

— Ровно никакой.

— Какъ и гдѣ вы научились писать, рисовать и вообще всему тому, что нужно было, для того чтобы смастить все это?

— У своего собственного домашняго очага, гдѣ можно научиться всему хорошему. Учителями моими были: во-первыхъ—*нужда*, а во-вторыхъ—*учитель*, о которомъ вы, быть можетъ, никогда не слыхали—*волл*.

— Вы какая-то загадка,—сказалъ ему товарищъ.

— Весьма возможно,—отвѣтилъ Эдвардъ,—но я вамъ скажу три вещи, которыя, быть-можетъ, помогутъ вамъ разгадать эту загадку. Мои сосѣди въ Банфѣ говорять про меня: «Этотъ человѣкъ вѣроятно думаетъ покорить весь свѣтъ быстротой своихъ ногъ». Мои товарищи-рабочіе говорятъ: «Томъ умѣеть какъ никто пользоваться временемъ и случаемъ». А прочіе обыватели Банфа вообще говорятъ: «Каждаго можно встрѣтить въ толпѣ зѣвакъ или слоняющимся по угламъ съ прочими лѣнтями, но только не Эдварда». Вотъ вамъ три маленькихъ орѣшка, которые, я надѣюсь, вы раскусите вмѣстѣ съ вашими товарищами, и они принесутъ имъ, я думаю, пользу.

Однажды двѣ дамы пришли посмотреть выставку. Онѣ внимательно обошли все и затѣмъ одна изъ нихъ, пристально всматриваясь въ Эдварда, спросила его, не принадлежитъ ли онъ къ жителямъ Абердина.

— Пожалуй, да,—отвѣтилъ онъ,—хотя я родился не

здесь, но мать моя уроженка Абердина, и я выросъ и прожилъ здѣсь до моего переселенія въ Банфъ.

— Ну, вотъ, я такъ и думала, — сказала лэди. — Ваша наружность почти не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я въсѣ видѣла послѣдній разъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, но гдѣ?

— Не состояли ли вы одно время милиционеромъ въ ополченіи Абердиншира?

— Да, былъ, но что-же изъ этого?

— Позвольте мнѣ объяснить. Помните-ли вы, какъ однажды во время ученія вы оставили ряды, пустившись въ погоню за бабочкой?

— Такъ, — отвѣтилъ Эдвардъ.

— За вами погнались, поймали, и капраль въ сопровожденіи четырехъ вашихъ солдатъ повель васъ, какъ арестанта; на пути вамъ встрѣтился офицеръ, который отпустилъ васъ на свободу.

— Да, — подтвердилъ Эдварда, — все это правда.

— Вероятно вы помните также, что съ этимъ офицеромъ тогда было нѣсколько дамъ?

— О да, помню и это.

— Такъ я была одною изъ нихъ и я первая предложила прочимъ вступиться за васъ и просить, чтобы капитанъ простилъ васъ.

Затѣмъ лэди объяснила, что она сама интересуется энтомологіей и потому особенно довольна его коллекціей. Эдвардъ, въ свою очередь, чистосердечно поблагодарилъ ее за услугу, оказанную ему въ то давно прошедшее время.

— А теперь, — прибавила лэди, — услуга за услугу: не придете-ли вы какъ-нибудь вечеркомъ откушать съ нами чаю и поужинать?

Эдвардъ былъ совершенно пораженъ этимъ приглашеніемъ, такъ какъ былъ необычайно робокъ и застѣнчивъ, несмотря на то, что въ дѣтствѣ выказывалъ столько без страшія.

— О, нѣтъ,—сказалъ онъ,—извините, но я не рѣшусь взять на себя подобную смѣлость.

— А я не желаю отказа,—сказала дама,—у насъ будеть лишь нѣсколько друзей, желающихъ съ вами познакомиться.

Мысль, быть выставленнымъ напоказъ, какъ рѣдкій звѣрь, окончательно смущила Эдварда, и онъ рѣшительнѣе запротестовалъ, что не можетъ принять приглашеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы должны прийти; вотъ моя карточка съ адресомъ, а когда будеть назначенъ день, я пришлю вамъ извѣщеніе. Пока прощайте и помните: какъ аукнется, такъ и откликнется. — И она ушла, оставивъ Эдварда крайне смущеннымъ, съ чувствомъ неловкости разглядывавшаго оставленную у него въ рукахъ раздушенную визитную карточку.

Когда, два дня спустя, лакей пришелъ съ приглашеніемъ, Эдвардъ отвѣтилъ запиской, что онъ не можетъ принять приглашеніе, такъ какъ не можетъ отлучаться отъ своихъ коллекцій. Лакей вернулся снова, съ приглашеніемъ прийти позднѣе, послѣ того, какъ выставка уже будеть закрыта; Эдвардъ снова вѣжливо отказался. Дама больше не пришла на выставку, и Эдвардъ сознавалъ, что онъ ее серьезно обидѣлъ, отклонивъ приглашеніе. О, еслибы она знала объ его положеніи въ это время! Сердце ея исполнилось-бы жалости, узнавъ о его страданіяхъ; но это былъ слишкомъ щекотливый и деликатный пунктъ, о которомъ онъ не могъ ни съ кѣмъ распространяться! Въ это время участъ Эдварда не была еще окончательно рѣшена, но тѣмъ не менѣе онъ зналъ, что, собственно говоря, судьба его уже неизмѣнна и что нѣтъ никакихъ средствъ въ его распоряженіи, которыя дали-бы ему возможность вырваться изъ этого печального положенія.

Мы уже сказали, что, когда Эдвардъ отправилъ свою выставку въ Абердинъ, онъ ожидалъ, что будеть большой

наплывъ посѣтителей, но наплыва не было. Посѣтителей было всегда мало и выставочное помѣщеніе большою частью оставалось пусто. Эдвардъ подумалъ, что онъ, вѣроятно, назначилъ слишкомъ высокій цѣны. Но этому можно было помочь: такъ какъ высшіе классы не приходили на выставку, то онъ задумалъ попробовать сдѣлать ее доступной для рабочаго класса и, сообразно съ этимъ, понизить входную плату до одного пенни. Теперь ужъ навѣрно стекутся массы! Но попрежнему никого не было. Казалось, что когда дѣло касалось посѣщенія выставки Эдварда, то сердца обывателей принимали свойства мѣстнаго гранита и разсудокъ ихъ становился неприступнымъ. Эдвардъ попробовалъ еще средство, а именно: постарался болѣе распространить свои объявленія, думая, что болѣе широкое распространеніе свѣдѣній о выставкѣ послужить ея успѣху. Онъ отпечаталъ афиши тысячами и просилъ разносчиковъ раздавать ихъ на рынкѣ, въ конторахъ, мастерскихъ и во всѣхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ рабочимъ людомъ. Приспособляясь къ этимъ ожидаемымъ посѣтителямъ, онъ сталъ открывать выставку вмѣсто 10 въ 8 ч. утра и не закрывалъ ее ранѣе 10 вечера. Но и тутъ ему не лучше везло: народу не было; въ некоторые дни сборъ достигалъ всего нѣсколькихъ пенсовъ, а въ иные—не получалось ничего. Утомительно скучные дни тянулись одинъ за другимъ въ безплодномъ ожиданіи. За то не было недостатка въ совѣтчикахъ. Нѣкоторые высказывали мнѣніе, что выставку слѣдовало помѣстить въ центрѣ, ближе къ кварталамъ, населеннымъ рабочими; Эдвардъ, думая, что въ этомъ есть, пожалуй, доля правды, отыскалъ помѣщеніе, которое ему показалось подходящимъ для этой цѣли. Но плату надо было внести впередъ, и кроме того требовали залогъ, а это было невозможно. Иные совѣтовали снаружи прикрепить громадныя вывески-рекламы, или же пригласить музыкантовъ для привлеченія публики; непремѣнно надо, чтобы былъ шумъ или что-либо бросаютъ

щееся въ глаза, для приманки,—говорили многіе; но на подобное заманиваніе Эдвардъ не соглашался.

Короче сказать, за наемъ лавки надо было платить, такъ какъ время, назначенное для помѣщенія въ ней выставки, уже близилось къ концу, а денегъ не было; жену и семью надо было содержать, а средствъ на это тоже не было. Все, получаемое въ качествѣ платы за входъ, приходилось отдать за печатаніе афишъ и объявлений. Къ концу третьей недѣли Эдвардъ былъ по уши въ долгахъ; онъ всегда зарабатывалъ мало, но долговъ, до тѣхъ поръ, не имѣлъ и самая мысль о нихъ приводила его въ ужасъ. Что ему было дѣлать? Онъ запутывался все больше и, теряя всякую надежду на освобожденіе, падалъ духомъ все болѣе и болѣе.

Въ пятницу четвертой недѣли выставка онъ совершенно потерялъ всякую надежду. Въ этотъ день выставка не дала ни гроша, продолжая пустовать, и Эдвардъ былъ въ самомъ удрученномъ состояніи духа. Около трехъ часовъ пополудни онъ получилъ еще письмо отъ своего хозяина изъ Банфа, сообщавшаго ему, что если онъ не вернется немедленно къ своему дѣлу, то хозяинъ вынужденъ будетъ передать его работу другому мастеру. Вернуться немедленно!—но это было невозможно. Что же дѣлать съ коллекціей? Какъ освободиться отъ долговъ?..

Неудивительно, что подъ давленіемъ подобныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ самое мрачное отчаяніе стало овладѣвать переутомленнымъ и чрезмѣрно возбужденнымъ мозгомъ Эдварда. Находился онъ въ данное время въ городѣ, когда-то знакомомъ ему, но гдѣ теперь никто не хотѣлъ его знать; на его рукахъ и его отвѣтственности были жена и пятеро дѣтей, жившихъ пока у его престарѣлыхъ родителей. Долги его возросли такъ, что коллекціи его должны были быть если не проданы съ молотка, то, во всякомъ случаѣ, задержаны,—а ему легче было разстаться съ жизнью, чѣмъ съ этими коллекціями. Ко всему этому

еще прибавилась грозившая вѣроятность потери работы у хозяина въ Банфѣ—значить, полное разореніе и голодъ шли ему навстрѣчу. Поэтому, повторяемъ, неудивительно, что на время разсудительность Эдварда и его энергія уступили мѣсто полному отчаянію.

Время шло; обѣдъ, принесенный ему уже съ часъ назадъ, стоялъ нетронутымъ. Эдвардъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, размыслия надъ своимъ положеніемъ, когда отецъ его вошелъ въ комнату. Возбужденіе Эдварда бросилось ему въ глаза, и старикъ спросилъ—не боленъ-ли онъ?

Эдвардъ отвѣтилъ, что онъ собирается уходить, и направился къ двери, боясь, чтобы не вошла жена или кто-либо изъ дѣтей. Но отецъ загородилъ собою дверь, замѣтивъ ему, что онъ не въ такомъ состояніи, чтобы можно было выходить. Но вошла какая-то женщина, отвлекла вниманіе отда, и Эдвардъ ускользнулъ незамѣченный.

Онъ торопливо шелъ по Уніонъ-Стриту, намѣреваясь сначала идти къ Ди, потомъ рѣшилъ, что лучше бы выбрать морской берегъ, потому что тогда скорѣе подумають, что смерть его была случайностью.

Съ той минуты, какъ онъ вышелъ изъ лавки на Уніонъ-Стритъ, и до того времени, когда онъ часа черезъ четыре пришелъ въ себя, въ памяти его получился пробѣль. Смутно помнилъ онъ, какъ, переходя къ берегу, видѣлъ нѣсколькихъ солдатъ у подножія Бродгилля, но больше не помнилъ онъ ничего. На сонъ все это не было похоже — отъ сна остаются хоть смутныя воспоминанія. Этотъ пробѣль въ его духовной жизни остался навсегда незаполненнымъ, и цѣль, съ которой онъ шелъ вдоль песчанаго берега, слабо запечатлѣлась въ его памяти. Эдвардъ помнилъ лишь слѣдующія обстоятельства.

Онъ сбросилъ съ себя шляпу, сюртукъ и жилетку, собираясь броситься въ море, но въ это время стая гагаръ опустилась невдалекъ отъ него на прибрежный песокъ.

Птицы завладѣли его вниманіемъ. Передвигаясь взадъ и впередъ, нѣкоторыя изъ нихъ издавали свой тихій, пронзительный свистъ, другія пробовали клювомъ морской песочь, послѣ того какъ волны, набѣгавшія на берегъ, сходили съ него. Но между гагарами была еще одна птица— крупнѣе, темнѣе и, повидимому, совершенно другого нрава. Желая узнать, что это была за птица, Эдвардъ приблизился къ гагарамъ—онъ снялись и улетѣли. Птицы присѣли въ другомъ мѣстѣ, и Эдвардъ снова наблюдалъ за ними; птицы улетали, и онъ шелъ за ними опять. Когда сознаніе стало возвращаться къ нему, онъ слѣдилъ за птицами, улетавшими на противоположный берегъ рѣки. Его преобладающая страсть спасла его, и натуралистъ позабылъ невзгоды, удручавшія башмачного мастера, въ этой непосредственной любви къ природѣ.

Какъ долго продолжалась на этотъ разъ его погоня за птицами, онъ никогда не могъ сказать: заняла она, вѣроятно, болѣе часу. Придя окончательно въ себя, Эдвардъ замѣтилъ, что былъ безъ шляпы и безъ верхняго платья, и пошелъ назадъ поискать ихъ. Желанія припомнить наображеніе и цѣль, съ которыми онъ вышелъ и спустился къ морю,—у него не было. Его занимала теперь только эта странная птица, замѣченная имъ въ стаѣ гагаръ, совершенно особенная, не виданная. Что бы это могло быть? И Эдвардъ начиналъ думать, что эта птица была его Провидѣніемъ.

Между тѣмъ ему стало холодно. Онъ нашелъ свое платье и шляпу далеко внизу; возвращаясь, онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдятъ: нѣсколько человѣкъ шло за нимъ, пока онъ не нашелъ свое платье и не одѣлся. Увидя, что Эдвардъ одѣлся попрежнему и собирается уходить, — они исчезли. Не желая возвращаться по той же дорогѣ, онъ повернуль къ рѣкѣ и, перейдя черезъ новый мостъ, направился въ городъ.

Было уже поздно, когда Эдвардъ вернулся домой. Бу-

дучи все еще въ состояніи сильнаго угнетенія и чувствуя себя очень нехорошо, онъ тотчасъ же легъ въ постель, думая, что будетъ въ состояніи нѣсколько долѣ скрывать свое горе отъ тѣхъ, кто былъ близокъ и дорогъ ему, — теперь дороже, чѣмъ когда-нибудь. Но, увы! Пытка, пережитая имъ въ теченіе дня, была слишкомъ ужасна; мучительныя и противорѣчивыя мысли терзали его всю ночь, проведенную имъ совершенно безъ сна.

Наконецъ утро — это со страхомъ ожидаемое утро — настало; хотя далеко еще не спокойный духомъ и лихорадочно-возбужденный, Эдвардъ все-же всталъ, одѣлся и спустился къ морскому берегу вскорѣ послѣ разсвѣта, напряженно высматривая странную птицу, видѣнную имъ наканунѣ вечеромъ. Пройдя нѣсколько разъ по берегу вѣдь и впередъ, отъ купальныхъ будочекъ до устьевъ рѣки, онъ не увидѣлъ ее нигдѣ. Онъ встрѣчалъ гагаръ, но этой птицы съ ними не было, и, насколько онъ помнилъ, раньше онъ никогда не видаль подобной и впослѣдствіи тоже не встрѣчалъ.

Несмотря на нѣкоторое огорченіе отъ этого разочарованія, Эдвардъ все-же чувствовалъ себя, въ общемъ, свѣжѣе и нѣсколько спокойнѣе, чѣмъ выходя изъ дома. Послѣ завтрака — это была первая пища, которую онъ принималъ послѣ цѣлыхъ сутокъ — онъ пошелъ открывать свою выставку. Такъ какъ посѣтители его не беспокоили, то онъ имѣлъ достаточно времени для размышлений. Ему нужно было обдумать, какъ съ честью выйти изъ того положенія, въ которомъ онъ такъ неожиданно и несчастливо очутился.

Единственный путь, представлявшійся ему, требовалъ ужасной жертвы, именно — продажи всѣхъ его коллекцій. Это рѣшеніе стоило ему долгихъ и горькихъ, до боли скимавшихъ сердце усилий. Но суровая необходимость заставляла быть выше всякихъ другихъ соображеній; онъ долженъ быть, во что бы то ни стало, честно покончить

ть долгами, хотя бы послѣ того у него не осталось ни одного фартина. Да, плоды восьмилѣтнихъ трудовъ его должны были быть проданы, чтобы можно было снова смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза. Въ газетахъ появилось объявление о продажѣ его коллекцій.

Послѣ этого объявленія заходило къ нему нѣсколько человѣкъ, говорившихъ Эдварду, что онъ нехорошо дѣлаетъ, продавая коллекціи. Получено было и нѣсколько лисемъ изъ Банфа относительно того-же. Многіе давали ему совѣты и высказывали различныя соображенія. Нѣкоторые говорили, что такъ какъ многія коллекціи собраны въ окрестностяхъ Банфа, то и принадлежать исключительно Банфширу; что это будетъ вѣчное, несмыываемое пятно на округѣ если выпустятъ эту коллекцію отъ себя. Одинъ влиятельный господинъ просилъ Эдварда отложить продажу на нѣсколько дней для того, чтобы онъ могъ собрать подписи, которыя бы ему гарантировали оставленіе коллекцій за г. Банфомъ. Такимъ путемъ, для этой цѣли онъ думалъ легко собрать фунтовъ двадцать въ самомъ Банфѣ. Если подписавшіе не купятъ сами, то въ Банфѣ есть ученое общество, которое, навѣрно, пріобрѣтетъ коллекцію и она послужитъ основаніемъ къ составленію полной коллекціи фауны Банфшира.

Эдвардъ отложилъ продажу на нѣсколько дней, позвѣвъ своему корреспонденту, который самъ былъ членомъ названного общества. Господинъ этотъ имѣлъ довольно большое влияніе въ округѣ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ все, думалъ Эдвардъ, чтобы собрать необходимыя деньги для покупки. Но, увы! Обѣщанія оказались пустыми, и слова остались одними словами! Дни проходили и никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій Эдвардъ не получалъ; а долги тѣснили, и дальнѣйшая продажа откладываться было нельзя. Искра надежды, которая затлѣлась было въ его груди, погасла. Всякая надежда на спасеніе — исчезла. Надо было взглянуть бѣдѣ прямо въ глаза. Шла уже шестая недѣля со

дня открытия выставки, и расходы увеличивались съ каждымъ днемъ.

Подъ давленiemъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Эдвардъ принялъ предложеніе — двадцать фунтовъ и десять шиллинговъ за всю его коллекцію.

Горько было ему разставаться со своими сокровищами, но дѣло должно было быть сдѣлано; стоны и слезы не помогли бы. Эдвардъ радъ былъ получить даже и эту ничтожную сумму, чтобы быть, по крайней мѣрѣ, на свободѣ. Господинъ, купившій коллекцію (мистеръ Грантъ), пріобрѣлъ ее для своего мальчика, имѣвшаго слабость къ естественнымъ наукамъ. Венци перевезли въ его домъ, на Ферригиллъ, потомъ они были перевезены въ другой домъ, гдѣ были разставлены въ какомъ-то сыромъ и неподходящемъ помѣщеніи, и такъ какъ находились въ пренебреженіи, то, надо полагать, вся коллекція понемногу пришла въ полное разрушеніе и затерялась. Вѣроятно, Эдвардъ могъ бы получить большую сумму, еслибы продавалъ свою коллекцію по частямъ. Профессоръ Dickie готовъ былъ купить часть собранныхъ имъ предметовъ и предлагалъ хорошую цѣну. Но это сопряжено было съ большой потерей времени и неизбѣжными предварительными издержками, и Эдвардъ вынужденъ былъ распорядиться такъ, чтобы освободиться ото всего сразу.

«Какова бы ни была настоящая причина моего разоренія и недостатка успѣха, я долженъ сказать, — говорить Эдвардъ, — что хотя мнѣ не помогали и не поддерживали, въ сущности, жаловаться на жителей Абердина я не могу. Многимъ изъ нихъ, въ высшемъ и въ среднемъ классѣ общества, я обязанъ и питаю глубокую благодарность за ихъ вниманіе и гостепріимство. Хотя обстоятельства не позволили мнѣ воспользоваться ихъ добротой, но я никогда не забывалъ неподдельную любезность, которую они мнѣ оказывали. Я знаю, что нѣкоторые изъ нихъ были глубоко обижены моимъ отказомъ на ихъ при-

глашения. Но еслибы они знали мое грустное положение въ то время, — я увѣренъ, что ихъ чувство обиды уступило бы мѣсто болѣе глубокому и мягкому чувству состраданія къ несчастному».

ГЛАВА X.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЪ ПРЕЖНЕМУ.

Эдвардъ уѣхалъ изъ Банфа 31 іюля 1846 года, полный самыхъ радужныхъ надеждъ; черезъ шесть недѣль онъ вернулся обратно въ совершенномъ отчаяніи. Онъ уѣзжалъ въ Абердинъ со своей коллекціей въ сопровожденіи всей семьи, вернулся же одинъ, пѣшкомъ, безъ единаго предмета изъ своей коллекціи и безъ гроша въ карманѣ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, обнищавшимъ и всѣ свои надежды и стремленія считалъ погибшими.

Онъ вынужденъ былъ оставить жену и дѣтей въ Абердинѣ, такъ какъ они не могли, конечно, идти 50 верстъ пѣшкомъ.

Войдя въ свой опустѣвшій домъ, Эдвардъ еще сильнѣе ощутилъ свое угнетенное состояніе. На душѣ у него было очень тяжело. Домъ показался пустымъ и мрачнымъ; все было не такъ, какъ прежде: не слышалъ онъ лепета дѣтей и не встрѣчалъ ласковыхъ взоровъ жены. Не было ни огня на очагѣ, ни пищи, ни денегъ. Стѣны, нѣсколько недѣль тому назадъ покрытыя его сокровищами—плодами тяжелыхъ многолѣтнихъ трудовъ, — непривѣтливо глядѣли на него, непріятно поражая своей наготой. Отъ всѣхъ угловъ дома вѣяло холоднымъ отчаяніемъ.

Вскорѣ по приходѣ Эдварда домой, къ нему зашелъ одинъ изъ сосѣдей и пригласилъ его къ себѣ, чтобы под-

крѣпиться и отдохнуть. Эдвардъ охотно принялъ это приглашеніе. Потомъ онъ пошелъ къ своему хозяину и уговорился съ нимъ насчетъ возобновленія работы. Это легко устроилось, такъ какъ Эдвардъ считался однимъ изъ лучшихъ мастеровъ *). Устроивъ это, онъ отправился къ одному изъ своихъ друзей въ Гарденстоунъ, чтобы пробыть тамъ до возвращенія семьи изъ Абердина, такъ какъ не могъ выдержать одиночества, оставаясь дома, пока семья не вернулась. Заплатить за ихъ проѣздъ Эдвардъ былъ не въ состояніи, но каменотесъ, отвозившій его коллекціи и ихъ всѣхъ въ Абердинъ, къ выставкѣ, теперь дружески предложилъ привезти семью его обратно въ Банфъ даромъ. Въ ожиданіи ихъ, Эдвардъ прожилъ нѣсколько дней у своего帮忙—мистера Гордона, въ Гарденстоунѣ, который былъ однимъ изъ любимѣйшихъ мѣсть, посѣщавшихся Эдвардомъ. Тамъ онъ могъ до нѣкоторой степени забыться, наслаждаясь видомъ морского берега, слѣдя, какъ по вечерамъ рыбаки собирались и отправлялись на работу въ море, и съ удовольствиемъ прислушиваясь къ шуму и говору волнъ.

Когда Эдвардъ узналъ, что семья его уже вернулась, онъ отправился домой и съ радостью встрѣтилъ своихъ. Домъ тотчасъ принялъ болѣе жилой видъ; снова загорѣлся огонь на очагѣ и около него, попрежнему, собиралась вся семья. Заботы, недостатокъ и мрачное отчаяніе на время отошли въ сторону; явилась надежда на миръ и

*) Въ тѣ времена хозяева - башмачники имѣли между своими рабочими отдѣльныхъ мастеровъ женской, мужской и бальной обуви. Того, кто былъ особенно искусенъ въ извѣстномъ производствѣ, называли «донъ». Эдвардъ былъ такимъ «дономъ» по части бальной и легкой обуви. Мало кто могъ сравниться съ нимъ въ этомъ производствѣ; по этой-то причинѣ хозяинъ Эдварда возставилъ противъ его частаго отсутствія изъ мастерской ради своихъ естественно-историческихъ экскурсій. Не такъ-то легко ему было найти кого-нибудь, кто бы могъ также хорошо работать по этой части башмачного производства, какъ Эдвардъ.

сравнительное довольство въ своемъ углу. Эдвардъ снова облекся въ свое рабочее платье и снова принялся за башмаки: шилъ, постукивалъ молоткомъ и выкраивалъ кожу.

Въ продолженіе всей послѣдующей осени и зимы Эдвардъ все время проводилъ за работой; онъ воздерживался отъ своихъ ночныхъ прогулокъ; простиившись со всѣми собранными имъ предметами, онъ ничего не предпринималъ, чтобы ихъ возмѣстить. Но мысли его работали все время, и съ наступленіемъ весны ему уже стало невозможно бороться съ господствующей страстью.

Закончивъ дневную работу, онъ снова уходилъ, закинувъ ружье за спину и забравъ свои ящики и коробочки для насѣкомыхъ. Съ карманами, набитыми разными башмачками и пузырьками, онъ отправлялся опять съ легкимъ сердцемъ бродить до зары, въ поискахъ за различными обитателями полей, лѣсовъ и морского побережья.

Ночью, на короткое время, по-прежнему присаживался онъ вѣдремнуть, гдѣ придется: то у скалы, на пескѣ, то въ какой-нибудь ямѣ, то подъ кустомъ, то въ развалинахъ древняго замка, то въ лѣсу подъ деревомъ,—для него это было безразлично. Просыпаясь лишь-только зайдется заря, онъ снова принимался за свое излюбленное дѣло, оставляя свои поиски только тогда, когда времени у него оставалось ровно столько, чтобы поспѣть къ назначенному часу въ мастерскую. Рвение его не только возобновилось, но еще удвоилось; онъ дѣйствовалъ теперь еще съ большей настойчивостью, чѣмъ прежде. Немногочисленные друзья его напрасно предостерегали Эдварда, говоря, что такую энергию онъ могъ бы употребить для лучшей цѣли.

Если эти совѣты смущали его, то лишь на минуту; «одинъ взглядъ,—говорить онъ—на принадлежности моего башмачнаго ремесла разсѣивалъ всякое сомнѣніе: моимъ пламеннымъ желаніемъ было, рано или поздно, но развязаться съ этимъ ненавистнымъ миѣ занятіемъ».

Жизнь Эдварда снова сложилась по прежнему плану:

какъ-только кончалась дневная работа, онъ уходилъ на свои экскурсіи. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ ежегодно онъ не спалъ по ночамъ, за исключеніемъ субботъ и воскресеній и особенно ужъ бурныхъ ночей. Къ своимъ прежнимъ охотничимъ принадлежностямъ онъ прибавилъ небольшую лопаточку для выкалыванія растеній и червяковъ и молотокъ, чтобы откалывать образцы каменныхъ породъ и добывать разныхъ ископаемыхъ.

Сначала онъ употреблялъ крошечныя коробочки для сохраненія насѣкомыхъ, собираемыхъ во время экскурсій; но потомъ онъ нашелъ, что это слишкомъ неудобно и обременительно, и потому вынужденъ былъ придумать что-нибудь другое. Онъ такъ много закупилъ какъ-то разъ этихъ маленькихъ коробочекъ, что дрогистъ отказался ему уже больше продавать ихъ, пока не возобновить опять свой запасъ. Эдвардъ держалъ въ нихъ слизняковъ, улитокъ, гусеницъ, червей, пауковъ; клаль раковины, различныхъ насѣкомыхъ, яички маленькихъ птичекъ и всякую мелочь, которую ему не хотѣлось потерять. Вотъ его собственное описание приспособленій его наряда для охоты.

«Въ моемъ верхнемъ платьѣ было 8 кармановъ: четыре наружныхъ и столько же внутреннихъ. Изъ этихъ послѣднихъ—два нижніе были приспособлены исключительно для сѣбѣстныхъ припасовъ. Въ жилеткѣ также было четыре огромныхъ кармана, которые даже врядъ-ли можно было и обозначать этимъ названіемъ. Кроме того, у меня было множество различныхъ мѣшковъ и сумокъ, перекинутыхъ черезъ плечо или подвязанныхъ подъ платьемъ вокругъ пояса. Было у меня много разныхъ странныхъ вещей, которыхъ я носилъ съ собою въ рукахъ, называя ихъ моими *аксессуарами*, такъ какъ никакого специального названія для нихъ не существовало. Впрочемъ, всѣ эти приспособленія постигала одна и та-же участь: въ нихъ попадало зачастую вовсе не то, для чего они предназначались. Исключение составляли только ящики для бабо-

чекъ и гербарій, которые ни для какихъ другихъ цѣлей не употреблялись».

Однажды Эдвардъ отправился въ трехдневное путешествіе миль за двадцать къ юго-западу отъ Банфа. Главной цѣлью его путешествія было собрать больше бабочекъ и мотыльковъ. Ружья съ нимъ на этотъ разъ не было, но коробочекъ онъ набралъ еще болѣе, чѣмъ обыкновенно. Одинъ изъ его пріятелей уже нѣсколько разъ просилъ его принести ему побольше муравьевъ для его птицы и Эдвардъ рѣшилъ удовлетворить его въ этотъ разъ. Экскурсія была довольно удачна и Эдвардъ уже наполнилъ нѣсколько коробокъ муравьями для своего пріятеля.

На третій день, посль полуодиа, когда онъ бродилъ по большому, дикому и пустынному болоту, его вдругъ поразилъ какой-то внезапный свѣтъ.

Если-бы Эдвардъ былъ занятъ погодой, а не своими розысками, то онъ давно бы замѣтилъ грозныя тучи, надвигавшіяся съ юга, и успѣлъ бы найти себѣ какое-нибудь подходящее убѣжище на время грозы. Но, увидавъ свѣтъ, оказавшійся молніей, Эдвардъ не успѣлъ и подумать еще о пристанищѣ, какъ гроза уже разразилась, и едва онъ привелъ немнога въ порядокъ свои вещи и попряталъ по карманамъ коробочки съ муравьями, какъ начался ливень. Только испытавшіе такой проливной дождь могутъ составить понятіе о его силѣ: словно на васъ обрушивается цѣлый водопадъ; никакая самая прочная непромокаемая одежда не выдерживаетъ этой массы воды.

Первой мыслью Эдварда было—гдѣ-бы найти скорѣе убѣжище? Не видно было вокругъ ни хаты, ни дерева, ни даже кустика; и нигдѣ не видно было даже и ямки, въ которую можно было бы залѣзть. Ничего, кроме унылаго, мрачнаго, безконечнаго, какъ казалось, болота, не видѣлъ глазъ. Эдвардъ пустился бѣжать въ надеждѣ достичь, на конецъ, какого-нибудь жилья или навѣса. При непрерывномъ блескѣ молніи и сильнѣйшихъ раскатахъ грома, онъ

пробѣжалъ довольно долго по болотнымъ кочкамъ и по водѣ; пріостановившись на минуту, чтобы осмотрѣться, онъ замѣтилъ, что мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, пересѣкалось множествомъ дорожекъ и тропинокъ, но все онъ были ему одинаково незнакомы. Не было не только никакого жилья, но рѣшительно никакого предмета, по которому можно бы было ориентироваться. Куда ни обращались взоры—всюду только болото, болото и болото... Эдвардъ начиналъ чувствовать себя одинокимъ и беспомощнымъ.

Къ тому-же и силы его падали. Пробывъ долгое время безъ пищи, онъ очень ослабѣлъ, но оставаться тамъ, гдѣ онъ стоялъ, нельзя было, и онъ снова бросился бѣжать. Небо было совершенно черное, какъ въ самую темную ночь, и дождь все продолжался съ прежней силой; только вспыхивавшія молвіи освѣщали ему путь. Эдвардъ поминутно погружался въ тину, съ трудомъ вытаскивалъ ноги и снова бѣжалъ. Временами ему казалось, что онъ на паль на слѣдъ, но потомъ опять все перепутывалось, и онъ терялъ направление. Тогда онъ рѣшилъ бѣжать все прямо, не обращая вниманія ни на какія тропинки. Черезъ вѣкоторое время набрель онъ на большую дорогу, чemu онъ обрадовался, такъ какъ она, разумѣется, вела куданибудь. Но въ какую сторону по ней идти? Разобрать нельзя было ничего, и Эдвардъ рѣшительно не зналъ, гдѣ онъ находится.

Подумавъ не сколько минутъ, онъ рѣшилъ отправиться въ ту сторону, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ быть находиться городокъ Гентли, составлявшій конечную дѣль его настоящаго путешествія, и онъ опять побѣжалъ какъ можно скорѣе. Пробѣжалъ около мили, онъ увидалъ какой-то домикъ, стоявшій на небольшомъ возвышеніи, отвернувшись отъ большой дороги, окруженнай каменной стѣной. Собравъ свои послѣднія силы, Эдвардъ свернулъ съ дороги, взбѣжалъ на возвышеніе, перескочилъ черезъ валъ и, безъ дальнѣйшихъ церемоній, прямо влетѣлъ въ домъ.

Тамъ сидѣли двѣ дѣвочки, очень испугавшіяся при его внезапномъ появленіи. И немудрено: онъ, вѣроятно, скорѣе походилъ на какого-нибудь лунатика или полулюмпшанаго, чѣмъ на натуралиста. Въ полномъ изнеможенія онъ бросился на первый попавшійся стулъ, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Очнувшись, онъ всталъ и попросилъ извиненія у молоденькихъ хозяекъ за такое безцеремонное появленіе, вызванное застигнувшей его въ открытомъ мѣстѣ грозой. Онъ спросилъ, будетъ-ли ему дозволено оставаться тутъ, пока пройдетъ гроза.

«Я не знаю, — сказала одна изъ дѣвочекъ, — матери нашей вѣтъ дома; но, — прибавила она, помолчавъ, — я думаю, что можно». На очагѣ былъ хороший огонь, и Эдвардъ подошелъ, чтобы немного обсушиться, такъ какъ онъ вымокъ до того, что съ платья его бѣжало вода. Затѣмъ онъ принялъ осматривать всѣ свои принадлежности. Прежде всего онъ снялъ шляпу, въ которую нерѣдко пряталъ различные сокровища, найденные дорогой; онъ нашелъ, что пучки рѣдкихъ мховъ, собранныхъ имъ въ болотѣ, а также рѣдкіе мухи, пришипленныя къ тульѣ шляпы,—все было въ цѣлости. Шляпа эта была собственно двухъэтажная, и замѣжалъ, что мы не можемъ показать ее въ разрѣзѣ; въ нижней части помѣщалась голова, а въ верхнемъ этажѣ, отдѣленномъ тоненькой дощечкой, былъ мохъ, птичьи яйца, бабочки, наколотыя на булавку, и т. п.

Послѣ шляпы Эдвардъ принялъ понемногу снимать свои сумки и котомки и тутъ услыхалъ, что сидѣвшія за нимъ дѣвочки перешептываются и смеются. Обернувшись, онъ увидѣлъ, что одна изъ нихъ едва сдерживаетъ смѣхъ, указывая на его спину. Онъ не могъ понять причины; посмотрѣлъ на другую—и ту душить смѣхъ. Когда Эдвардъ стала оглядываться и осматриваться, то онъ обѣ уѣжали и въ соседней комнатѣ засились неудержимымъ смѣхомъ. Причина ихъ веселья была слѣдующая: Эдвардъ промокъ

до костей, все карманы его были полны водой, коробочки размокли, и все содержимое перемышалось. Муравьи, черви, пауки, улитки и т. д., — все расположалось и образовало какую-то кашу; в комнате же все они по немногу начали выползать из карманов и сумочек и намокшие и отяжелевшие неловко разлезались по спине, ногам и плечам этого странного человека. Видя этот и произвездя за девочку такое впечатление, что, и убежав, он долго не могли еще успокоиться от смеха.

Эдвардъ, по ихъ уходу, былъ предоставленъ самому себѣ; девочки убежали, вѣроятно, за матерью, и онъ началъ подумывать объ уходѣ, считая себя, въ некоторомъ родѣ, причиной того, что девочки ушли изъ дома. Но въ эту минуту на порогѣ появилась высокая женщина очень внушительного вида. Она остановилась молча и грозно смотрѣла на чужого, возившагося у ея очага; онъ заговорилъ съ ней, но она не отвѣчала; онъ заговорилъ громче, но женщина продолжала молчать. Эдвардъ посмотрѣлъ на нее: въ одной руцѣ у нея былъ очень большой топоръ, а въ другой срубленное молодое деревцо. Она была высокая, крѣпкая и необыкновенно мускулистая; ея рыжіе, морковнаго цвѣта волосы были заплетены въ толстую косу; одѣта она была бѣдно, на босыхъ ногахъ были обыкновенные крестьянскіе, сильно поношенные башмаки. Видя ее такою — съ топоромъ въ одной и коломъ въ другой руцѣ, съ стиснутыми зубами и сердитымъ взглядомъ, Эдвардъ невольно подумалъ, что это помышленная и собирается разрубить топоромъ ему черепъ. Убежать онъ не могъ — она заслоняла собою всю дверь, осилить ее, если-бы пришлось вступить въ борьбу, онъ тоже не смогъ бы, такъ какъ женщина была выше и наѣрно гораздо сильнѣе его, — онъ находился въ полнѣшемъ недоумѣніи.

Наконецъ она сдѣлала шагъ впередъ, потомъ другой, такъ что Эдвардъ подумалъ, что еще одинъ шагъ — и ему

могно будетъ проскользнуть въ дверь и убѣжать, но женщина заговорила или, скорѣе, закричала грубымъ голосомъ: «Какой вѣтеръ тебя занесъ въ мой домъ и въ такомъ видѣ? Человѣкъ, уходи отсюда! Я говорю тебѣ — уходи сейчасъ-же изъ моего дома!» Это обращеніе заставило Эдварда окончательно прийти въ себя; онъ извинился за свой непрошенный приходъ и просилъ ее позволить ему остататься, пока пройдетъ гроза и дождь. «Ни одной минуты дольше,—рѣзко отвѣтила она,—вы тотчасъ-же оставите мой домъ! вы какая-то гадина, червякъ! я искалѣчу васъ, если вы не уйдете тотчасъ-же!» Эдвардъ попробовалъ было протестовать, что онъ ничего общаго съ червями и гадами не имѣетъ, но въ это время поднялъ руку, чтобы смахнуть что-то мокрое со щеки, и поймалъ какого-то комахатаго червя; осмотрѣвъ свое платье, Эдвардъ увидѣлъ, что онъ представлялъ изъ себя живую массу ползавшихъ насѣкомыхъ. Тогда онъ, уже не обращая вниманія на хозяйку и ея топоръ, моментально очистилъ комнату и, выйдя изъ-подъ негостепріимнаго крова, скрылся подъ какимъ-то старымъ наѣсомъ. Тамъ Эдвардъ сбросилъ верхнее платье и жилетку и увидѣлъ во что обратилось все имъ собранное во время этого путешествія!—всѣ коробочки размокли, и все погибло, потому что хотя онъ бы и могъ собрать ползавшихъ по платью насѣкомыхъ, но не во что было ихъ положить. Глядя на снятое платье, Эдвардъ подумалъ, что онъ самъ еще болѣе походилъ на помѣшаннаго, чѣмъ выгнавшая его хозяйка. Уходя окончательно, онъ еще разъ извинился передъ хозяйкой за причиненное ей беспокойство и отправился уже домой—если не умнѣе, то, во всякомъ случаѣ, грустнѣе, чѣмъ прежде.

Послѣ этой неудачи, Эдвардъ никогда уже болѣе не прибѣгалъ къ маленьkimъ коробочкамъ, а сталъ употреблять маленькие пузырьки и бутылочки для различныхъ насѣкомыхъ и жуковъ, а для болѣе хрупкихъ и нѣжныхъ—какъ бабочки—онъ имѣлъ плоский квадратный ящиочекъ

около 9 дюймовъ величиной. Передъ тѣмъ какъ ихъ на-
колоть, Эдвардъ усыплялъ бабочекъ хлороформомъ и этимъ
предохранялъ отъ порчи ихъ нѣжныя крыльшки. Если
ему случалось встрѣтить какую-нибудь бабочку, сидящую
на цветкѣ, онъ тотчасъ же усыплялъ ее хлороформомъ и,
избавивъ ее, такимъ образомъ, отъ мученій, накалывалъ
ее въ ящикѣ на булавку; такимъ образомъ, ему удалось
получить нѣсколько роскошныхъ экземпляровъ.

Шляпа служила Эдварду прекраснымъ помѣщеніемъ
для насѣкомыхъ и для разныхъ другихъ предметовъ; въ
ней была двойная туляя, верхнее отдѣленіе которой было
снабжено въ достаточномъ количествѣ булавками. Даже
когда Эдвардъ выходилъ гулять съ женой и дѣтьми, то все
время слѣдилъ за различными мотыльками и бабочками,
никогда не теряя, такимъ образомъ, даромъ времени и
случая.

Гусеницъ Эдвардъ держалъ въ жестяной коробкѣ съ
нѣсколькими отдѣленіями; въ подобномъ же ящицѣ, только
меньшихъ размѣровъ, помѣщались у него и улитки. Яйца,
послѣ того какъ онъ ихъ выливалъ, онъ укладывалъ въ
корзинку, хорошо перекладывая ватой, такъ что они очень
рѣдко бились, хотя ему иногда и случалось носить ихъ
съ собою по нѣскольку дней.

Когда Эдварду случалось застрѣлить птицу или какое-
нибудь животное, то первымъ дѣломъ онъ затыкалъ ей
ротъ и ноздри ватой, затѣмъ вычищалъ раны, такъ что
приносилъ домой свою добычу всегда чистой. Онъ счи-
талъ это необходимымъ, особенно съ морскими птицами,
когда хотѣлъ принести ихъ незапачканными.

Не будучи въ состояніи покупать какіе бы то ни было
прессы для растеній, онъ употреблялъ тяжелые, плоскіе
камни и ящики, наполненные гравиемъ и сухимъ пескомъ,
и этого было совершенно достаточно; никакихъ другихъ
приспособленій онъ не имѣлъ.

Послѣ своей первой выставки въ Банфѣ, Эдвардъ сдѣ-

лся какъ-бы посредникомъ для полученія и передачи всевозможныхъ естественныхъ и неестественныхъ предметовъ, находимыхъ въ округѣ. Самые различные люди приносили и присыпали ему то то, то другое, желая знать его мнѣніе. Иногда это бывали дѣйствительно рѣдкіе предметы, иногда же просто уродливости. Его опредѣленія не всегда удовлетворяли спрашивавшихъ, и тогда они отправляли вещи къ кому-нибудь другому, кого считали болѣе знающимъ. Но все, тѣмъ не менѣе, всегда находили, что Эдвардъ правъ; если предметъ ему былъ совершенно незнакомъ, то онъ прямо говорилъ, что не можетъ его опредѣлить, и это, конечно, былъ самый лучшій образъ дѣйствія.

Нѣкоторые изъ пріятелей Эдварда говорили ему, что слѣдовало бы ему расширить плошадь изслѣдованій до Абердина и даже до Эльгина. Они, конечно, не предлагали ему помочь со своей стороны, но только совѣтовали. Семья Эдварда, между тѣмъ, возросла уже до 8 человѣкъ, а жалованье, даже при экстренной работе, достигало всего 15—16 шиллинговъ въ недѣлю. Расширить плошадь своихъ изслѣдованій по части произведеній природы на округа Абердина, Банфа и Эльгина и въ то же время содержать семью, при такихъ скромныхъ средствахъ, было совершенно невозможнымъ предпріятіемъ.

Жена Эдварда была его лучшимъ помощникомъ. Помимо всѣхъ домашнихъ дѣлъ, она еще подготавляла работу, дѣлая головки къ башмакамъ не только для мужа, но помогая въ этомъ и другимъ мастерамъ. Плату за это она получала отдельно отъ заработка мужа и зачастую, вмѣсто того, чтобы истратить свои деньги на платье или принести ихъ домой, она покупала баночки для его насѣкомыхъ, доски для его ящиковъ для чучель птицъ, порохъ и дробь для его ружья. Никто изъ его пріятелей-совѣтниковъ не помогалъ ему такимъ образомъ.

Несмотря, однако, на свое стѣсненное положеніе, Эдвардъ все-же расширилъ кругъ своихъ дѣйствій и произ-

водилъ наблюденія и разысканія не только во всемъ Банфшире, но и въ Абердиншире. Съ этой цѣлью онъ досталъ себѣ свидѣтельство, написанное секретаремъ суда и подписанное 16-ю мировыми судьями, дозволявшее ему ходить по всему округу съ ружьемъ въ поискахъ за птицами и проч. Онъ всегда носилъ это свидѣтельство при себѣ, и предъявивъ его лѣнничимъ, свободно могъ проходить гдѣ ему было угодно. Свидѣтельство было слѣдующаго содержанія:

«Симъ удостовѣряемъ, что податель сего, Томасъ Эдвардъ, башмачникъ, ростомъ 5 ф. 6 дюймовъ, глаза и волосы темные, рябой, широкоплечій, около 35 лѣтъ отъ роду, кромѣ своего ремеола занимается собираниемъ и составленіемъ коллекцій различныхъ предметовъ, относящихся къ естественной исторіи, главнымъ образомъ къ орнитологіи (птицы), энтомологіи (насекомые), гельминтологіи (черви), конхиліологіи (раковины). Для того чтобы доставать орнитологические образцы, ему предоставляется право носить ружье, но имѣя таковое при себѣ и раньше, мы, ниже подписавшіеся, никогда не слышали ни одной жалобы прінесенной на него и, насколько намъ известно, онъ не имѣть обыкновенія истреблять какую-бы то ни было дичь, ни вообще покушаться на чью-либо собственность; иначе, если-бы онъ что-либо подобное дѣлалъ, выходя такъ часто съ ружьемъ, то это не могло, думаемъ мы, оставаться долго незамѣченнымъ, между тѣмъ въ этомъ городѣ живетъ онъ уже 16 лѣтъ, въ теченіе коихъ всегда былъ безупречнаго поведенія».

«Мировой судья Джемсъ Дуббъ».

Банфъ.

Мартъ 1850 г.»

Въ это время Эдвардъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ, но онъ уже слишкомъ много израсходовалъ своихъ силъ. Продолжая ночи часто безъ сна подъ открытымъ небомъ, онъ

много разъ простужался и былъ уже подверженъ ревматизмамъ; однако, какъ-только онъ оправлялся, онъ снова брался за свою обычную ночную работу. Онъ оставался такимъ-же отчаянно-смѣльымъ искателемъ птичьихъ гнѣздъ, какимъ былъ съ дѣтства, и готовъ былъ идти Богъ знаетъ куда и какъ далеко, чтобы увидать какую-нибудь новую птицу или невидимое имъ еще гнѣздо. Эдвардъ въ состояніи былъ лазить за ними, какъ бѣлка, по деревьямъ и карабкаться на скалы, шагать черезъ пропасти и подвергаться опасности изъ-за этихъ гнѣздъ. Не разъ случалось ему и падать, но что за бѣда, если только этой цѣнной приобрѣталось желаемое. Одно изъ опасныхъ паденій испыталъ онъ въ Тарларѣ, и обстоятельства, сопровождавшія это происшествіе, можно разсказать, чтобы дать понятіе объ опасностяхъ, какимъ подвергался Эдвардъ во время своихъ экскурсій. Авторъ самъ видѣлъ мѣстность, где съ Эдвардомъ случилось это опасное происшествіе, и съ ужасомъ осматривалъ пропасть между скалами, въ которую упалъ нашъ натуралистъ.

Небольшая долина Тарлара находится миляхъ въ трехъ къ востоку отъ Банфа, невдалекъ отъ Макдуфа. Дорога туда идеть вверхъ по голому, крутыму берегу, и когда вы достигнете верхушки, то внизу подъ вами открывается ярио зеленѣющая долина, извижающаяся свѣтлой полосой между темными скалами. Въ глубинѣ долины помѣщается маленький курсаль, куда мѣстные жители приходятъ въ лѣтнее время пить минеральные воды *). Къ востоку отъ Тарлара скалы поднимаются все выше и выше и об-

*) Мѣстность эта слѣдующимъ образомъ описана въ «Johnny Gibb of Gushetneuk»: «Тамъ былъ маленький домикъ у подножія сѣверного склона скалы, где можно получить каплю виски, въ случай необходимости, если пациентъ предварительно пользуется изобильнымъ возліяніемъ соленої воды или таковъ его личный вкусъ, но это не входитъ въ режимъ лѣченія».

разуютъ высочайшую вершину почти отвесной скалы — Гамриморъ.

Мѣсто, гдѣ съ Эдвардомъ случилось несчастье, было надъ вышеупомянутой долиной, на выступѣ скалы, спускающейся постепенно въ долину. Недалеко отъ устья долины, противъ моря, есть большое широкое отверстіе въ землѣ, въ родѣ пещеры, на задней стѣнѣ и по бокамъ которой множество странныхъ отверстій и выступовъ, одинъ изъ которыхъ носить название каѳедры. Эдвардъ нерѣдко сидѣлъ въ этой пещерѣ, иногда и спалъ, впрочемъ никогда съ этой каѳедры не проповѣдавалъ, хотя и приносилъ туда съ собой чаекъ и другихъ подстрѣленныхъ имъ по дорогѣ птицъ. Середина пещеры вся наполнена валунами, занесенными туда морскимъ прибоемъ; во время бурь волны вливаются въ пещеру, камни съ страшнымъ грохотомъ перекатываются съ мѣста на мѣсто, при чемъ нѣкоторые падаютъ въ различныя углубленія. Ежегодно каменные стрижи прилетаютъ гнѣздиться подъ сводами этой пещеры. Однажды, возвращаясь утромъ домой послѣ ночной экскурсіи, Эдвардъ шелъ подъ скалой, намѣреваясь пройти долиной Тарлара, какъ вдругъ замѣтилъ вылетѣвшаго изъ гнѣзда стрижка, котораго онъ тотчасъ-же подстрѣлилъ. Но птица упала не внизъ, къ ногамъ Эдварда, какъ ожидаль, а упала тамъ же, на верху скалы. Какъ быть, чтобы ее достать? Можно было ойти вокругъ и окольной дорожкой достичь верхушки скалы, но такой обходъ отнялъ бы очень много времени, а надо было торопиться, чтобы поспѣть къ началу занятій въ мастерскую.

Оставался другой способъ достать убитую птицу — вскарабкаться прямо на вершину — и Эдвардъ рѣшился на это. Въ подобныхъ случаяхъ онъ обыкновенно прикрѣплялъ ружье за спиной, чтобы обѣ руки оставались свободны и можно было бы цѣпляться за выступы скаль и придерживаться. Но на этотъ разъ, не желая терять время, онъ рѣшилъ подниматься съ ружьемъ въ рукѣ.

Хватаясь руками и ногтями за камни, торчавшие над головой, и ставя ноги в щели скалы или на небольшие поросшие мхомъ выступы, ему удалось взобраться до половины скалы благополучно, но тут оказалось какъ-то изгибъ въ горѣ и пришлось остановиться, такъ какъ продолжать подъемъ казалось немыслимо, а возвратиться обратно можно было только внизъ головой. Выпустить ружье, чтобы освободить руки,—но оно разлетѣлось бы въ щепки, а этого Эдварду не хотѣлось допустить. Онъ сталь всматриваться, затаивъ дыханіе, и замѣтилъ небольшой выступъ, какъ разъ надъ своей головой. Онъ ухватился за него рукой, вскарабкался, нашелъ надежную опору и, наконецъ, достигъ благополучно вершины.

Страхи его, однако, еще не кончились. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ свою жертву, лежавшую на самомъ краю обрыва, повидимому мертвую. Когда Эдвардъ подошелъ, чтобы ее поднять, птица встрепенулась, подняла одно крыло и направилась черезъ пропасть. Эдвардъ, торопясь и не желая упустить добычу, возбужденный только-что пережитыми опасностями, бросился за птицей, не разсчитавъ разстоянія, оступился и полетѣлъ въ пропасть. Ружье, выскочивъ изъ рукъ, упало раньше и легло поперекъ на выступахъ скаль; Эдвардъ, падая на ружье, поломалъ его, разумѣется, въ куски, но въ то же время это обстоятельство ослабило нѣсколько силу удара и, вѣроятно, спасло ему жизнь. Паденіе со скалы на камни, съ высоты около 40 футовъ, многимъ стоило бы жизни или, по меньшей мѣрѣ, поломанныхъ реберъ. Позднѣе, стараясь припомнить свои ощущенія въ то время, Эдвардъ говоритъ: «Я помню, что, потерявъ равновѣсіе и выпустивъ ружье изъ рукъ, я могъ только воскликнуть: о, Боже!—затѣмъ дыханіе мое какъ-будто захватило отъ сильного вѣтра, заставившаго меня стиснуть зубы. Я закрылъ глаза, уши мои наполнились какой-то странный шумъ, а затѣмъ я быстро полетѣлъ и упалъ, страшно ударившись, на камни».

Онъ лишился чувствъ и долго пролежаль такъ. Когда сознаніе постепенно стало къ нему возвращаться, то Эдварду сначала казалось, что онъ находится подъ влияніемъ какого-то кошмара. Онъ думалъ, что лежитъ въ кровати и видѣть передъ собою какія-то ужасныя рожи, съ кривляніями и гримасами къ нему пристающія и представлявшія ему маленькими демонами. Онъ все старался ихъ оттолкнуть, но чудовищныя рожи все лѣзли, не давая ему покоя своимъ безобразіемъ, и онъ продолжалъ лежать безъ помощи.

Наконецъ, два крестьянина, работавшіе въ соцѣднемъ полѣ, видѣвшіе, какъ Эдвардъ скрылся внезапно въ безднѣ, подошли къ краю пропасти и заглянули внизъ, гдѣ онъ лежалъ, тѣснѣмый отовсюду камнями. «Вы не умерли, однако, нѣтъ?»—спросилъ одинъ изъ нихъ. Эдвардъ не въ силахъ быть отвѣтить. — Да кто это?—спросилъ другой.— «Какой-то сумасшедшій, который постоянно расхаживаетъ тутъ со своимъ ружьемъ», — отвѣтилъ первый. Крестьяне снова посмотрѣли внизъ съ выраженіемъ испуга въ расширенныхъ глазахъ, которые готовы были выскочить изъ орбитъ. Эдвардъ между тѣмъ понемногу начиналъ понимать окружающее; онъ почувствовалъ себя словно въ тискахъ между двумя большими глыбами, составлявшими часть скалы, у подножія которой онъ лежалъ и не видѣль никакой возможности высвободиться. Крестьяне тѣмъ временемъ, обойдя долину, спустились по тропинкѣ къ нему и подошли, чтобы помочь какъ-нибудь Эдварду выбраться изъ тѣсницы; ему показалось, что прошла уже цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, что онъ тутъ.

Крестьяне попробовали сначала поднять его за плечи, но это причиняло такую ужасную боль, что пришлось отказаться отъ этого намѣренія. Тогда они попытались было сдвинуть одинъ изъ тѣсившихъ его камней—но это оказалось невозможнымъ. Эдвардъ замѣтилъ, что другой камень былъ хотя и большой, но болѣе мягкой породы,

оторвавшись отъ скалы или прибитый сюда моремъ и, быть-можеть, болѣе податливый. Но и тутъ соединенный усилия крестьянъ не привели къ желанной цѣли. Въ это время появился на берегу здоровый и рослый рыбакъ, который сильно налегъ плечомъ на камень и сдвинулъ его настолько, что можно было извлечь Эдварда изъ тисковъ.

Эдвардъ сѣлъ. Первую минуту ему показалось, что онъ совершенно разбитъ. Лѣвое плечо и вся лѣвая сторона страшно болѣли. Болѣзненное ощущеніе было и въ затылкѣ; но онъ былъ благодаренъ судьбѣ, что руки и ноги оказались не поломанными; въ цѣлости своихъ реберъ онъ былъ меньше увѣренъ.

Одна половина тѣла была сильно помята и изранена. Обломкомъ ружейнаго ствола было прорвано платье; старая мѣдная пороховница, находившаяся у него въ лѣвомъ карманѣ, была совершенно сплющена, и все содержимое выссыпалось.

Эдвардъ просилъ помочь ему какъ-нибудь добраться до пещеры, думая, что, пробывъ тамъ нѣкоторое время, онъ оправится. Съ трудомъ всталъ онъ на ноги, почувствовавъ при этомъ, что у него ушиблена и спина, и съ помощью крестьянъ, очень медленно подвигаясь, наконецъ дошелъ до пещеры. Спутники уговаривали его позволить имъ отнести его въ коттеджъ, находившійся вблизи заведенія минеральныхъ водъ, въ долинѣ,—но онъ предпочелъ остаться въ пещерѣ. Поэтому они приготовили Эдварду постель изъ морскихъ водорослей и мховъ и, уложивъ его, ушли, а онъ, несмотря на боли въ тѣлѣ, уснуль. Неизвѣстно, сколько времени онъ проспалъ, но разбуженъ онъ былъ рокотомъ моря, волны которого подходили почти къ самой пещерѣ.

Чувствуя, что общее состояніе болѣзненной слабости почти прошло и что ему гораздо лучше, хотя лѣвое плечо и бокъ сильно еще болѣли, Эдвардъ собрался съ силами и всталъ. Сначала онъ немного шатался, но потомъ рѣ-

шился пойти поискать ружье. Онъ нашелъ его въ весьма плачевномъ состояніи: стволъ поломанъ въ куски, дуло и курокъ словно вырваны. Онъ собралъ обломки этого товарища своихъ путешествій въ теченіе столькихъ лѣтъ, и освободившись отъ одной изъ самыхъ тяжелыхъ сумокъ своихъ, сложилъ все вмѣстѣ въ уголу пещеры. Затѣмъ осторожно и медленно, придерживаясь за скалы, онъ достигъ внутренней части долины и оттуда предпринялъ длинный и утомительный путь къ Банфу. По дорогѣ Эдвардъ вынужденъ былъ много разъ отдохать и, наконецъ, уже послѣ полудня добрался домой; грустный, больной и усталый онъ тотчасъ легъ въ постель. Ему осмотрѣли раны; ребра оказались цѣлы, но кромѣ пораненій онъ получилъ нѣсколько серьезныхъ контузій. Около недѣли онъ не могъ работать и не раньше какъ черезъ мѣсяцъ былъ въ состояніи сходить въ пещеру за оставленными тамъ вещами.

Чтобы содержать семью во время своей болѣзни, пришлось продать значительное количество собранныхъ за послѣдніе годы предметовъ. Конечно, ихъ было не такъ много, какъ на выставкѣ въ Абердинѣ, но было нѣсколько чучель рѣдкихъ птицъ, интересныхъ насѣкомыхъ, ракообразныхъ и растеній, и все это было очень хорошо отдано и сохранено. Эдвардъ продалъ около ста ящиковъ, содержавшихъ, главнымъ образомъ, птицъ, насѣкомыхъ и яйца, около трехсотъ экземпляровъ растеній и болѣе двухсотъ зоофитовъ. Между растеніями было много образцовъ безъ названій, потому что у Эдварда не было до тѣхъ поръ ботаническихъ книгъ, а знакомые, къ которымъ онъ обращался, не могли ему ихъ назвать, считая ихъ очень рѣдкими, если не вполнѣ непозѣстными.

Не легко было Эдварду продавать и это второе собраніе,—но иного выхода не было, — это единственное средство, къ которому онъ долженъ быть прибѣгнуть. Друзей, которые могли бы ему помочь, просто какъ доброму со-

сѣду,—у него не было. Проданныя имъ вещи разошлись по разнымъ направленіямъ и вблизи и вдали; большинство отправлено было въ Госларъ, вблизи Соутгемптона, гдѣ одинъ изъ врачей тамошней больницы собиралъ для себя коллекцію различныхъ предметовъ по естественной исторіи.

ГЛАВА XI.

ЭДВАРДЪ НАЧИНАЕТЪ ПЕЧАТАТЬ СВОИ НАБЛЮДЕНИЯ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Эдварда изъ Абердина, давнинній и очень уважаемый другъ его, пасторъ въ Монкхитерѣ, миляхъ въ десяти къ юго-востоку отъ Банфа, — его преподобіе м-ръ Джэмсъ Смитъ одолжилъ ему нѣсколько сочиненій по естественнымъ наукамъ. Это дало возможность Эдварду точно установить названія нѣкоторыхъ птицъ, найденныхыхъ имъ въ окрестностяхъ.

Гудая однажды по морскому берегу, Эдвардъ подстрѣлилъ особый видъ кайры (*Uria lachrymans*) — птицы, до тѣхъ поръ не встрѣчавшейся въ томъ округѣ. Когда онъ извѣстилъ объ этомъ обстоятельствѣ м-ра Смита, почтенный священникъ написалъ ему: «Найденная вами птица очень интересна, такъ какъ для округа Гамри это большая рѣдкость и служить лишнимъ подтвержденіемъ того, что есть очень много вещей вблизи насть, но совершенно нами неизвѣданныхъ и крайне интересныхъ для тѣхъ, кто относится съ любовью къ проявленіямъ природы и хочетъ сдѣлать хорошее употребленіе изъ данныхъ ему Всемогущимъ Создателемъ способностей. Что касается меня лично, то я рѣшительно не въ состояніи теперь и не имѣю никакой возможности продолжать изслѣдованія и занятія по естественной исторіи вънѣ дома. Да даже еслибы и

была возможность, то здесь подобные занятия не могут встретить симпатии, и все мои прихожане смотрели бы на меня, по меньшей мере, как на сумасшедшего или впавшего уже въ дѣтство и пренебрегающего своими болѣе серьезными обязанностями. Я все же попрежнему питают живѣйший интересъ къ этимъ предметамъ и стараюсь слѣдить за каждымъ открытиемъ въ этой области».

Такъ какъ Эдварду нечего было бояться нѣвѣжественныхъ прихожанъ и остерегаться ихъ сужденій, то онъ продолжалъ свои изслѣдованія. М-ръ Смитъ сильно поддерживалъ его въ этомъ; онъ же посовѣтовалъ ему отмѣтить наиболѣе интересные факты и публиковать результаты своихъ наблюдений. Это удивило Эдварда. «Какъ, — возразилъ онъ, — я не могу писать для печати!»— Но вы должны научиться писать, — настаивалъ м-ръ Смитъ,— а для того чтобы правильно писать, вамъ надо заняться грамматикой.

М-ръ Смитъ такъ долго приставалъ къ нему съ этимъ, что Эдвардъ, наконецъ, заявилъ, что въ грамматикѣ вовсе не нуждается.—«Но безъ этого вы не можете писать». — Да я и не собираюсь и не имѣю намѣренія писать,—отговаривался Эдвардъ. «А вы должны писать, — продолжалъ священникъ, — вы должны писать про все, что вы встрѣчаете интереснаго и что вы узнаете относительно наблюдаемыхъ вами животныхъ и собираемыхъ предметовъ. Вы обязаны сдѣлать это для общества и было-бы слишкомъ єгоистично съ вашей стороны не опубликовать результатовъ вашихъ изслѣдованій и наблюдений».

Послѣ долгихъ увѣщаній Эдвардъ спросилъ: «А какъ много времени, думаете вы, отниметъ у меня изученіе грамматики?» — Ну, — сказалъ м-ръ Смитъ,— я не думаю, что вы слишкомъ долго будете вынуждены заниматься ею. Но вамъ придется оставить на время ваши экскурсіи тогда, — добавилъ онъ.—«Если такъ, то я боюсь, м-ръ Смитъ, что не смогу быть порядочнымъ ученикомъ. Если у меня

останется хоть сколько-нибудь времени послѣ моихъ занятій природой, то тогда я могу начать учиться грамматикѣ, но не иначе».

Совѣты и убѣжденія м-ра Смита не остались, однако, безъ результата. Эдвардъ началъ записывать свои наблюденія и отъ-времени-до-времени печатать ихъ въ мѣстной газетѣ—«Baufschire Journal».—Когда я послѣдовала какъ-то спросить объ этихъ замѣткахъ, желая ихъ просмотрѣть, то Эдвардъ сказалъ мнѣ: «Думается, что могу васъ снабдить лишь клочками отъ нихъ, такъ какъ замѣчаю, глядя на капу, въ которой лежали собранныя мои статейки, что количество ихъ все уменьшается, вѣроятно многихъ уже нѣтъ. Семья и друзья мои очень свободно обращались съ ними, находя ихъ, действительно, очень удобными для разстопокъ. Большая часть того, что я печаталъ въ мѣстной газетѣ, потеряно и потеряно навсегда».

Между уцѣльвшими замѣтками мы находимъ описание рѣдкихъ птицъ, рыбъ, ночныхъ бабочекъ. Вѣроятно, одна изъ первыхъ замѣтокъ, напечатанныхъ имъ, было описание ночной бабочки, известной подъ названіемъ мертвая голова, найденной имъ въ приходѣ Рутвэнъ, — одного изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ необыкновенныхъ насѣкомыхъ.

«Въ состояніи личинки, — говорить Эдвардъ, — бабочка эта имѣеть способность издавать очень милый, оригинальный звукъ, въ родѣ нѣжнаго щелканья, которое можно сравнить съ цѣлымъ рядомъ электрическихъ искръ. Куколка обыкновенно пищитъ передъ превращеніемъ. Что же касается насѣкомаго, находящагося уже въ полномъ развитіи, то оно одарено голосомъ, способнымъ измѣняться по желанію и издавать звуки — то жалобные, то печальные, то похожіе на плачъ ребенка или же на пискъ мыши. Все это въ соединеніи съ изображеніемъ, которое насѣкомое носить на спинѣ — отпечатокъ человѣческаго черепа—(откуда и его название — мертвая голова), дѣлаетъ эту

бабочку предметомъ сувѣрнаго ужаса для невѣжественной массы и вообще для людей съ предразсудками. На нее смотрятъ не какъ на созданіе Творца нашего, а какъ на какое-то орудіе злыхъ духовъ. Самый блескъ ея большихъ, свѣтлыхъ глазъ, сверкающихъ какъ брилліанты, поддерживаетъ мнѣніе, что блескъ этотъ «нечистаго» происхожденія. Какъ-то насѣкомыя эти появились одновременно во множествѣ въ нѣсколькихъ округахъ Бретани и произвели страшный переполохъ между жителями, принявшиими ихъ за предвестниковъ и даже за причину эпидемій и различныхъ народныхъ бѣдствій. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи существуетъ повѣrie, что пыль съ крылышекъ этого насѣкомаго, попадая на глаза, причиняетъ внезапную слѣпоту. Все это, конечно, лишь результаты невѣжества и грубаго сувѣрія».

«Мертвая голова считается самой крупной изъ ночныхъ бабочекъ и, дѣйствительно, это самая большая изъ встрѣчающихся въ Европѣ, за исключеніемъ—Peacock-moth. Какъ бы то ни было, но это очень большое насѣкомое, имѣющее отъ 5 — 6 дюймовъ между крыльями и пропорциональной длины и толщины туловище. Личинка мягкая, зеленовато-желтая, съ мелкими черными точками по всей поверхности и 7-ю или 8-ю синеватыми полосками по бокамъ, съ однимъ осознательнымъ рожкомъ по срединѣ; она достигаетъ 6 дюймовъ въ длину. Питается картофелемъ, листьями черной псинки, жасмина, *Lucium barbatum* и др. листьями самыхъ разнородныхъ растеній».

Въ другой статейкѣ Эдвардъ упоминаетъ о бабочки *Scoliopteryx libatrix*, экземплярь которой былъ имъ полученъ отъ м-са Баннермана. Онъ описываетъ это красивое насѣкомое, какъ встрѣчающееся въ изобиліи въ нѣкоторыхъ южныхъ мѣстностяхъ Англіи, но весьма рѣдко на сѣверѣ. Называютъ ее «герольдомъ» потому, что она указываетъ на приближеніе зимы.

Бабочка *Papilio Jo* была поймана близъ самого Банфа

въ саду Дуфгауза. Весьма обыкновенная въ Англіи, бабочка эта очень рѣдко встречается въ Шотландіи. Моррисъ никогда не упоминаетъ, чтобы ее видѣли на сѣверѣ. Цѣлая туча этихъ бабочекъ пролетѣла надъ Швейцаріей въ 1827 г., когда ихъ приняли тамъ за саранчу и описывали какъ таковую. Это обстоятельство заставило Эдварда напечатать нѣсколько наблюденій, касающихся этого крайне вреднаго насѣкомаго (*Locusta migratoria*), пролетѣвшаго надъ его родиной въ 1846 г.—этомъ навсегда памятномъ году картофельного голода.

«Большое количество саранчи, — говоритъ Эдвардъ, — было найдено въ окрестностяхъ Абердина, Банфа и Мурэя. Нѣкоторые экземпляры очень крупные, около $2\frac{1}{2}$ дюймовъ длины и почти въ мизинецъ толщиною; крылья достигали 4-хъ дюймовъ въ ширину. Девять штукъ такого размѣра были найдены на брюквенномъ полѣ близъ Абердина, въ Стокетѣ; ихъ принесли мнѣ въ то время, когда я находился въ Абердинѣ съ моей первой золополучной выставкой. Но, хотя и крупная, все же онѣ ничто въ сравненіи съ другими, еще большими; въ Индіи, говорить, бывала саранча въ цѣлый ярдъ длиною. Этотъ фактъ не выдаю за достовѣрный: такъ говоритъ Плиній, у которого и заимствую это свѣдѣніе. Нѣкоторые экземпляры саранчи, найденные въ морѣ, около Абердина, были выдаваемы продавцами за летающихъ рыбъ, и за нихъ спрашивали не менѣе какъ по 10 щиллинговъ. Странная летающая рыба! Можно подумать, что всѣ учителя энтомологии и ихтиологіи на то время исчезли изъ страны. Впрочемъ, нѣчто подобное случилось и съ нами не такъ давно, такъ что смеяться надъ абердинцами намъ не приходится. Кто-то поднялъ вблизи нашей гавани галеритъ (родъ окаменѣлого морскаго ежа) и показывалъ его нѣсколькимъ лицамъ, при чёмъ одинъ изъ нихъ въ изумленіи воскликнулъ: «Это навѣрно кѣмъ-нибудь сдѣлано». Но вернемся къ саранчѣ. Та, о} которой мы говорили, появи-

лась въ августѣ и въ началѣ сентября; въ нынѣшнемъ году, кажется, опять нѣчто подобное имѣло мѣсто, такъ какъ многіе экземпляры были подобраны въ разныхъ мѣстностяхъ страны. Три штуки были подняты нами — двѣ близъ Банфа и одна въ Корнгиллѣ; еще одна въ Абердиншире. Есть у меня одинъ экземпляръ изъ Лервика, гдѣ, говорятъ, ихъ было множество на ржаныхъ поляхъ, такъ-же какъ въ Уистѣ, на Зетландскихъ и другихъ утесистыхъ, одиноколежащихъ островахъ. На нѣкоторыхъ западныхъ островахъ саранча произвела настоящее опустошеніе.

Какъ и всякихъ другихъ насѣкомыхъ, такъ и саранчи есть нѣсколько видовъ, но упоминаемая здѣсь — самая опасная изъ всѣхъ, какъ наиболѣе опустошающая; она известна своими переселеніями, всюду преслѣдуется и составляетъ одну изъ ужаснейшихъ казней египетскихъ до нашего времени, какъ и во дни Моисея. Безъ сомнѣнія, это тѣ же самыя насѣкомыя, которыя опустошили землю Ханаанскую и причинили тотъ ужасный голодъ, о которомъ повѣствуется въ Библіи. Вѣтеръ погналъ ихъ къ морю, а мертвые тѣла ихъ снова принесло къ берегу, такъ что евреи вынуждены были выкопать глубокія ямы, чтобы ихъ зарыть. Въ этой странѣ есть болѣе 25 различныхъ видовъ этого насѣкомаго, принадлежащихъ къ одному семейству; но всѣ они меньшаго размѣра и можно сказать, что они, относительно, безвредны».

Въ другой статьѣ Эдвардъ упоминаетъ о другомъ почти такомъ-же вредномъ насѣкомомъ. Одинъ изъ пріятелей Эдварда нашелъ въ Туриффѣ четырехъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ на пнѣ дерева, срубленного на дрова — Saw-flies — название, полученное ими оттого, «что самка имѣеть позади тѣльца особый призракъ, которымъ она просверливаетъ въ деревьяхъ ячейки и кладетъ въ нихъ свои яички. Изъ этого видно, что личинки ихъ питаются деревомъ. У насъ въ краѣ онѣ не многочисленны и это

хорошо потому, что иначе наши лѣса въ короткое время исчезли бы совершенно; въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ много, какъ, напр., въ Норвегіи, личинки эти уничтожаютъ сотни тысячъ деревьевъ въ одно лѣто. Нападаютъ онѣ исключительно на свѣжія, растущія деревья; червячки, какъ-только выходятъ изъ яйца, прокладываютъ дорогу прямо къ сердцевинѣ здороваго ствола и тамъ уже точатъ, сверлять и гложутъ по всевозможнымъ направленіямъ. Такимъ способомъ дерево настолько портится, что неизбѣжно чахнетъ и умираетъ. Муха эта не имѣть въ сущности англійскаго названія, но у энтомологовъ известна подъ названіемъ *Sirex juvencus*.

Въ одной изъ замѣтокъ Эдвардъ упоминаетъ о паукѣ (*Aranea domestica*), просуществовавшемъ въ одномъ изъ его запечатанныхъ ящиковъ цѣлый годъ безъ пищи. Эдвардъ сначала написалъ обѣ этомъ своему почтенному другу, но м-ръ Смитъ отвѣтилъ ему, что, не имѣя книгъ по энтомологіи, ничего не можетъ ему сообщить по этому поводу. Эдвардъ разсказываетъ о своемъ паукѣ, что послѣ того, какъ ящикъ былъ запечатанъ, онъ видѣлъ, какъ паукъ гулялъ по находившимся тамъ чучеламъ птицъ, по томъ остановился въ одномъ изъ угловъ. «Около полудня, на второй день своего заточенія, онъ началъ свою ткацкую работу и къ утру слѣдующаго дня паутина была готова. Послѣ этого маленькой работникъ началъ тихо и очень осторожно ходить взадъ и впередъ по своей только что изготовленной сѣти, повидимому желая убѣдиться, что все въ безопасности, особенно внимательно осмотрѣлъ онъ отверстіе своей постройки. Что за удивительное это сооруженіе—его поразительно устроенное жилье! оно служить ему для четырехъ цѣлей: это его столовая, складъ его запасовъ, сторожевая башня и убѣжище во время опасности. Найдя все въ исправности, паукъ занялъ мѣсто внутри сѣтки, ожидая, безъ сомнѣнія, успѣха отъ разставленныхъ имъ сѣтей, въ которыхъ, если судьба бу-

деть къ нему благосклонна,—онъ найдетъ живую добычу. Но въ ящикѣ не было мухъ, которыя могли бы попасться; наукѣ былъ единственнымъ живымъ существомъ тамъ и это терпѣливое созданіе оставалось около двѣнадцати мѣсяцевъ безъ пищи*). Замѣтки по естественной исторіи, появлявшіяся время отъ времени въ мѣстномъ журналѣ, сдѣлали то, что всеобщее вниманіе обратилось на произведенія природы и множество птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, личинокъ, раковинъ и растеній присыпалось Эдварду для разсмотрѣнія и опредѣленія.

Въ одной изъ своихъ статеекъ Эдвардъ упоминаетъ о *Cinereous Shearwater* (*Puffinus cinereus*), найденномъ на берегу, близъ Портсой. Это дало ему поводъ представить очень живое описание буревѣстника. Между прочимъ ему былъ присланъ экземпляръ *Dyphaleanthus longispinus*, изъ ископаемыхъ, найденныхъ въ копяхъ Гами. «Какъ странно, — говоритъ Эдвардъ, — мы имѣемъ животное, или, лучше сказать, камень, части которого были когда-то частями сущеста, пользовавшагося жизнью, а какъ измѣнилось все теперь! Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ животное жило, умерло и окаменѣло? Годы прошли, много лѣтъ, быть можетъ, оно жило задолго до сотворенія

*) «Предразсудокъ, что запертый и оставленный безъ пищи паукъ черезъ годъ превращается въ алмазъ, стоилъ, вѣроятно, жизни многимъ изъ этихъ насѣкомыхъ и еслибы въ мученичество, послужившее основаниемъ этому старинному предразсудку, сослужило бы наукѣ такую службу, какъ открытие новыхъ истинъ, то бѣдные пауки могли бы утѣшиться славой мучениковъ науки, такъ же какъ безчисленное множество лягушекъ, мучительные опыты надъ которыми раскрыли тайну гальванизма. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, люди получили неожиданные и болѣе важные результаты, чѣмъ думали. Кажется, что пауки, хотя и не обращаются въ алмазы, но могутъ жить долгое время безъ пищи. Одно насѣкомое этого вида, запертое въ коробочку съ этимъ намѣреніемъ, найдено было живымъ, послѣ того какъ бѣднаго прострадалъ тамъ пять лѣтъ». Ackermann's Repository. Лигаръ 1815 г.

человѣка. Какъ чудно, странно, а все-же это истинная правда!»

О другомъ, присланномъ ему образцѣ онъ говоритъ: «Вотъ снова передо мною черное, красное, желтое и коричневое созданіе, съ украшеніями, нарядное, какъ какая-нибудь герцогиня или вообще важная дама старого времени, разряженная какъ на балъ, съ головкой, украшенной перьями, пестрыми лентами и съ вѣромъ — другими словами — передо мною личинка *Vapourer Moth*, найденная въ саду въ Букки. И наконецъ упомяну о присланномъ, хотя и не послѣдней важности экземплярѣ горнаго папоротника (*Cystopteris montana*), найденномъ и присланномъ мнѣ, какъ рѣдкость, какимъ-то англичаниномъ. Только въ 1836 г. этотъ видъ папоротника былъ признанъ за британскій, такъ какъ онъ тогда впервые встрѣченъ былъ группой естествоиспытателей на Ben Lawers. Потомъ онъ попадался въ Пертшире, въ нѣкоторыхъ долинахъ и на горахъ сѣвернаго Валлиса, на Альпахъ и въ Скалистыхъ горахъ въ Сѣверной Америкѣ».

Также много рѣдкихъ птицъ присылали ему на разсмотрѣніе, замѣтки о которыхъ Эдвардъ помѣщалъ въ мѣстной газетѣ. Такимъ образомъ, онъ получилъ маленькаго дергача (*Crex pusilla*), птицу, до того времени не встрѣчавшуюся въ окрестностяхъ. Горный зябликъ (*Fringilla montifringilla*) былъ ему присланъ изъ Макдуфа, куда его принесло, вѣроятно, во время бури. Другая птица, никогда не виданная въ Шотландіи (*Lanius excubitor*) — балабанъ былъ найденъ мертвымъ и присланъ Эдварду для набивки. Изъ рѣдкихъ для той мѣстности птицъ были найдены въ Бойнди еще колпица (*Platalea leucorodia*) и щуръ (*Merops apiaster*). Объ этой послѣдней птичкѣ Эдвардъ говоритъ: «Эта великолѣпно оперенная птичка изъ очень рѣдкихъ; за исключеніемъ ярко-желтой груди, обведенной черной полосой, и нѣсколькихъ оранжевыхъ и коричневыхъ перышекъ тамъ и сямъ — вся птица

ярко-зеленаго металлическаго цвѣта. Два среднихъ пера въ хвостѣ длиниѣ прочихъ приблизительно на дюймъ. Клювъ продолговатый и острый. Кормится она не исключительно пчелами, за истребленіе которыхъ и называется («пчелойдомъ») — Bee-eater, но также жучками, кузнечиками, мухами, которыхъ ловить за крылья, въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ ласточки и козодои. Рѣдкая у насть, птица эта въ Малой Азіи и прилегающихъ къ ней съ сѣвера странахъ, а также въ сѣверной Африкѣ водится во множествѣ и летаютъ онѣ тамъ, говорять, тысячами».

Между другими рѣдкими птицами, найденными въ окружѣ, были болтуны (*Bombycilla garrula*), родина которой Богемія; черная горихвостка (*Phoenicurus Tithys*), никогда раньше не встрѣчавшаяся въ Шотландії. Описывая эту птицу, Эдвардъ, между прочимъ, говоритъ: «Весьма возможно, что она появлялась въ окрестностяхъ и раньше, но по небрежности или, скорѣе, въ силу пренебреженія къ естественнымъ наукамъ у насть она, быть можетъ, посѣщала и насть и даже жила между нами, но незнаемая и незамѣченная. Для натуралиста у насть масса работы. Теперь многое еще должно быть изучено по различнымъ отраслямъ естествознанія и самые пригодные и полезные въ этомъ отношеніи люди — это мѣстные внимательные и аккуратные наблюдатели».

Однажды охотясь въ прибрежныхъ пескахъ, къ западу отъ Банфа, Эдвардъ подстрѣлилъ очень рѣдкую птичку — коричневаго бекаса (*Muscogamphus griseus*). Птица эта очень хорошо известна въ Сѣверной Америкѣ, но не въ Британіи. Вотъ какъ описывается этотъ случай самъ Эдвардъ:

«Предпринявъ однажды экскурсію къ западу отъ города, съ ружьемъ въ рукахъ вышелъ я подышать воздухомъ и пошелъ по пескамъ вдоль извилинъ рѣки. Вдругъ увидѣлъ я довольно большую группу моихъ всегдашихъ любимицъ — птицъ. Желая, по обыкновенію, узнать какія

именно это были птицы, я осторожно пошел впередь, чтобы разглядеть ихъ. Подойдя ближе, я увидаль, что большинство составляли ржанки, лозники и нѣсколько куличковъ, увида которыхъ я нѣсколько удивился, такъ какъ кулики вовсе не прибрежная птица, тѣмъ болѣе у насъ и въ это время года, да и вообще на прибрежье ихъ загоняетъ только снѣжная выюга. Но я не ошибался, это, несомнѣнно, были кулички; кромѣ того, мнѣ показалось, что въ этой стаѣ есть одна птица, не принадлежавшая ни къ одному изъ названныхъ мною видовъ; я приблизился еще и нашелъ, что мои предположенія подтверждаются, но я не могъ опредѣлить, что это была за птица. Я только видѣлъ, что она была изъ рѣдкихъ, но, стрѣляя въ такую массу, попасть именно въ эту исключительную птицу было не легко, тѣмъ болѣе, что ржанки всегда на чеку и, чуть-только появится что-либо для нихъ подозрительное, моментально снимаются и улетаютъ. Однако, послѣ долгихъ колебаній выстрѣль раздался и одна нога у намѣченной мною жертвы оказалась сломанной. Результатомъ этого было то, что птицы раздѣлились: всѣ полетѣли къ морю, а раненая къ прибрежнымъ камнямъ, гдѣ и упала, повидимому, чтобы больше не подняться. Зарядивъ на всякий случай опять ружье, я поспѣшилъ подойти, чтобы поднять добычу. Я прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по берегу, прежде чѣмъ увидаль ее распростертую между валунами, повидимому, мертвую. Тутъ я съ удовольствiemъ убѣдился, что эта встрѣченная мною необыкновенная птица была дѣйствительной рѣдкостью у насъ; это былъ прекрасный экземпляръ, которымъ я могъ гордиться, старого коричневаго бекаса. Я былъ въ восторгѣ, усѣлся и, доставъ изъ кармана вату, чтобы заткнуть рану въ ногѣ и другую, если-бы оказалось еще, и для этого поднялъ птицу... но не даромъ говорится, что только конецъ вѣнчаетъ дѣло и поднести чашу къ губамъ не значитъ еще напиться! Птица улетѣла какъ разъ въ

ту минуту, когда я хотѣлъ положить ее себѣ на колѣни, чтобы осмотрѣть, т.-е. собственно говоря она выскользнула у меня между пальцами. Я схватился за ружье и какъ можно скорѣе, еще сидя, далъ два выстрѣла—одинъ за другимъ. Но птица улетала, несмотря на свою поврежденную ногу, испытывая—не то надъ моей глупостью, не то отъ радости, что такъ счастливо отѣлалась. Достигнувъ мыса Бойнди, она снова опустилась межъ камней. Я, конечно, послѣдоваль за ней и долго искалъ мѣсто, где она сѣла; исходивъ взадъ и впередъ все, я уже готовъ былъ бросить всякую надежду на успѣхъ, когда птица вдругъ поднялась почти-что изъ-подъ моихъ ногъ и взвилась кверху. Оба заряда были выпущены ей вдогонку, но послѣ второго она лишь рѣзко вскрикнула и какъ-то содрогнулась на-лету и поспѣшила далѣе. Наступившая темнота положила конецъ всѣмъ моимъ поискамъ на этотъ разъ. На слѣдующій день и нѣсколько дней подрядъ я выходилъ на поиски, но хотя тщательно осмотрѣлъ весь берегъ до Уайтгилля съ одной и до мыса Мельрозъ съ другой стороны, не могъ найти никакихъ слѣдовъ птицы. Такимъ образомъ, я потерялъ изъ виду одну изъ величайшихъ орнитологическихъ рѣдкостей, когда либо посѣщавшихъ наши края». Одно изъ самыхъ живыхъ описаній, напечатанныхъ Эдвардомъ въ Банфширскомъ журналь—это разсказъ о его приключеніяхъ въ теченіе цѣлаго дня, проведенного на Гамри-Хидъ. Издатель журнала въ обращеніи къ своимъ читателямъ говорить, что это описание читается какъ любая глава Одюбона или Вильсона. Читатель можетъ судить самъ.

«Обѣщавъ навѣстить нѣкоторыхъ пріятелей въ Гарден-стоунѣ и желая воспользоваться ихъ гостепріимствомъ на праздникъ Нового года, я вышелъ изъ дома утромъ 31 декабря 1850 г. Пройдя Макдуффъ, я выбралъ тропинку, ведущую вдоль скалъ, въ надеждѣ встрѣтить что-либо рѣдкое или замѣчательное изъ орнитологического міра, до-

стойное моего выстрѣла. Но я достигъ самой высшей точки Гамри, не встрѣтивъ ничего особенаго, кромѣ постоянныхъ обитателей этихъ каменистыхъ склоновъ; вдругъ вниманіе мое было привлечено крикомъ множества птицъ среди скаль.

Присмотрѣвшись къ нимъ поближе, я увидѣлъ, что тамъ были морскія вороны, чайки, два исландскихъ рыболова, двѣ обыкновенные вороны и нѣсколько темныхъ, крупныхъ птицъ изъ породы черныхъ чаекъ. Одна изъ этихъ послѣднихъ, съ прекраснымъ опереніемъ, стояла и клевала какой-то предметъ, плававшій въ водѣ около самой скалы и надъ которымъ кричали всѣ остальные птицы. Мнѣ показалось, какъ оно и вышло дѣйствительно впослѣдствіи, что всѣ онѣ дрались изъ-за этой добычи, но черные чайки всѣхъ отстраняли, не давая никому приблизиться, даже воронамъ.

Остановивъ на нѣкоторое время взоръ на исландскихъ рыболовахъ, я подумалъ, что могу спуститься со скалы, чтобы добыть одного изъ нихъ, и въ то же время ближе разсмотрѣть предметъ, изъ-за которого собрались всѣ эти разнородныя птицы вмѣстѣ. Замѣтивъ вблизи узенькую тропинку, я началъ спускаться, но, пройдя небольшое пространство, я очутился на краю пропасти. Я уже готовъ былъ вернуться, когда, случайно взглянувъ вокругъ, замѣтилъ выступъ скалы немного позади того мѣста, где я стоялъ, но фута на четыре ниже. Я разсчиталъ, что если я попаду на этотъ выступъ, то опять найду тропинку, по которой можно будетъ продолжать мой спускъ. Въ надеждѣ на это, я положилъ ружье на землю, а самъ бросился внизъ на выступъ скалы. Не успѣлъ я туда долетѣть, какъ услышалъ негромкое ворчаніе словно бѣшеной собаки; посмотрѣвъ вдоль скалы, я былъ пораженъ, увидавъ двухъ лисицъ, стоявшихъ на другомъ концѣ выступа, въ выжидательной позѣ и, повидимому, очень недовольныхъ моимъ непредвидѣннымъ вторженіемъ.

Взглянувъ еще разъ, я убѣдился въ своей непоправимой ошибкѣ: вмѣсто нужной мнѣ тропинки я попалъ на другую, ведущую къ лисьей норѣ. Первымъ моимъ побужденіемъ было—подняться опять обратно, но я тутъ-же долженъ быть убѣдиться въ невозможности этого: ирай скалы, на которую я хотѣлъ взойти, приходился въ уровень съ моей грудью и свѣшивался надъ тѣмъ выступомъ, гдѣ я теперь стоялъ. Не было ничего, куда бы я могъ поставить ногу или за что могъ бы ухватиться руками, чтобы приподняться. Были лишь отдельные клочки травы и небольшие камни, обрывавшіеся и осыпавшіеся при малѣйшемъ прикосновеніи. Замѣтивъ одинъ камень побольше, обросшій частью травой, я ухватился за него руками и немного приподнялся уже, когда камень сдвинулъся, ударила меня по плечу и, вѣроятно, столкнуль бы меня внизъ къ подножію скалы, если бы я не удержался зубами за кустикъ вереска, и при помощи зубовъ и цѣляясь пальцами, какъ когтями, я все же былъ въ состояніи занять прежнее положеніе.

Теперь было ясно, что мнѣ необходимо спуститься тѣмъ или инымъ способомъ со скалы,—но какъ? Это надо было хорошо обсудить. Я стоялъ на краю пропасти на виду у двухъ хищниковъ, долженъ быть еще держаться по меньшей мѣрѣ одною рукою, чтобы сохранить равновѣсіе и не терять изъ виду лисицъ, боясь, чтобы онѣ внезапно бросившись, не столкнули бы меня со скалы.

Положеніе было, согласитесь сами, довольно затруднительное. Бѣгство было возможно только съ того края, гдѣ находились лисицы; но какъ мнѣ было ихъ сдвинуть, чтобы свободно пройти къ тому краю? Пространство, на которомъ мы находились, имѣло футовъ 9 въ длину и 1—2 въ ширину, выступая немного надъ утесомъ, находившимся внизу. Стрѣлять въ нихъ и тѣмъ освободиться отъ ихъ присутствія—было немыслимо въ моемъ положеніи.

Внезапно мнѣ пришла въ голову мысль, которую я рѣ-

шиль привести въ исполненіе, и, обратясь ногами къ коварнымъ друзьямъ,—все время не перестававшимъ щелкать зубами, — я опустился на землю и поползъ; приблизившись къ ближайшей ко мнѣ лисицѣ, я далъ ей пинка ногой, что произвело желаемый результатъ, потому что только-что я это сдѣлалъ, какъ уже почувствовалъ, что ноги обоихъ животныхъ слегка коснулись моей спины. Не успѣлъ я поднять голову, какъ обѣ лисицы полетѣли внизъ и исчезли въ пропасти.

Теперь я былъ хозяиномъ мѣста, но не положенія. Посмотрѣвъ внизъ, я убѣдился, что не было иной возможности очутиться внизу, какъ спрыгнуть въ расщелину горы, болѣе чѣмъ 8 футовъ внизъ и въ сторону. Это было весьма печальное открытие, но другого исхода не было. Поэтому я снялъ верхнее платье, пороховницу, лядунку, чтобы быть какъ можно легче и свободнѣе, и бросилъ все это внизъ. Затѣмъ привязалъ ружье на спину, предварительно разрядивъ его, и спустился за край утеса; повиснувъ на время, какъ часовой маятникъ, въ воздухѣ, я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы очутиться лучше въ лисьей норѣ, какъ бы противна и вонюча она ни была! Тутъ только, а не ранѣе, увидѣлъ я, что довольно большой выступъ горы загораживаетъ ту расщелину, по которой я намѣревался спуститься къ морю, слѣдовательно, соскочивъ, мнѣ придется еще обходить этотъ выступъ и всю гору, чтобы достичь подножія: такой подвигъ казался мнѣ совершенно невозможнымъ.

Я висѣлъ такимъ образомъ, боясь прыгнуть и не будучи въ состояніи подняться опять наверхъ, пока руки не стали отказываться держать меня. Тогда, собравъ послѣднія силы, оттолкнувшись съ некоторымъ напряженіемъ, я отпустилъ руки и подчинился рѣшению судьбы: достичь благополучно конца у меня было очень мало надежды. По счастью, однако, я достигъ желаемаго, но получилъ сильный ударъ въ лѣвый високъ, толкнувшись,

при паденіи, о скалу, которой я боялся. Я тутъ-же потерялъ и шляпу. Изъ этой разсѣлины, или щели, самой худшей, въ какую я только попадаль когда-либо, я поперемѣнно — то ползкомъ, то перескакивая или перевѣшиваясь съ утеса на утесь, съ одного уступа скалы на другой — достигъ громаднаго камня, который, вѣроятно, составляль во время оно часть верхушки скалы, но съ теченіемъ времени какъ-нибудь оторвался оттуда и, постепенно скатываясь, попалъ на то мѣсто, где я его нашелъ.

Съ этого камня я увидалъ, что прыгать уже не приходится, такъ какъ я находился на верху необычайно дикаго и совершенно отвеснаго ската на 50 футовъ отъ подножія и съ обѣихъ сторонъ окруженного обрывами и крутизнами. Впереди было море, позади и сверху неприступныя стѣны утесовъ и скаль до 300 ф. вышины. Хотя я и спустился на значительное пространство, но подняться обратно теперь, тѣмъ же путемъ — не было человѣческой возможности. Въ такомъ дикомъ мѣстѣ, совершенно одинъ и почти обезсилѣвъ отъ усталости и ушибовъ, полученныхъ по пути, что мнѣ оставалось дѣлать? Броситься внизъ головой, отдавъ себя на произволъ судьбы, или ожидать, пока придетъ откуда-либо помощь?.. Но откуда могла она прийти? Две лодки только-что проѣхали мимо, изъ Гарденстоуна,— я кричалъ имъ обѣими, но они проялъли мимо своей дорогой, не обративъ на меня вниманія. Вѣроятно онѣ плыли слишкомъ далеко отъ берега, чтобы слышать мой голосъ и видѣть мое безвыходное положеніе.

Отчаявшись въ успѣхѣ, я сѣлъ, чтобы обсудить, что міаѣ предпринять и отдохнуть; вскорѣ замѣтилъ я сокола, летѣвшаго очень плавно и медленно и неспешно въ когтяхъ что-то довольно большое. Онъ летѣлъ прямо, явно не замѣчая моего присутствія и опустился на небольшомъ выступѣ скалы, въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ меня. Тутъ я увидалъ, что онѣ держалъ куропатку, которая была еще

жива. Усевшись со своей добычей на скаль, онъ хладнокровно и спокойно выжидалъ, пока бившаяся у него въ когтяхъ птица не прекратить свою борьбу со смертью. Соколь не рвалъ клювомъ свою жертву, чтобы ускорить ея конецъ и не взмахивалъ крыльями, чтобы сохранить равновѣсие; только послѣднее предсмертное трепетаніе куропатки заставило его вздрогнуть.

Теперь, когда все было кончено, стоя одной ногой на скалѣ, а другою придавливая добычу, недвижимый, какъ изваяніе, благородный побѣдитель стоялъ, глядя вопросительнымъ взоромъ на свою безжизненную теперь жертву, какъ бы все еще сомнѣваясь въ томъ, что она мертва. Но ошибки не было; кровь, сочившаяся изъ ранъ и изо рта птички, уже струилась по откосу темной скалы, окрашивая камни. Какъ-бы убѣдившись, что жизнь уже окончательно угасла, соколь ударилъ нѣсколько разъ клювомъ по головѣ и по спинѣ своей жертвы и каждый разъ клювъ оказывался въ крови. Послѣ этого, свернувъ куропаткѣ голову и отбросивъ ее, соколь началъ сдирать кожу отъ затылка и, содравъ съ груди, принялъся за свой завтракъ, отдирая мясо отъ остова кусками съ такою ловкостью и увѣренностью, какъ-будто бы дѣйствовалъ самыми острыми медицинскими инструментами. Мнѣ очень хотѣлось пролѣтѣть до конца его закуску, но, на бѣду, какое-то неловкое движеніе съ моей стороны было замѣчено проницательнымъ окомъ хищника и мое близкое присутствіе было обнаружено. Посмотрѣвъ на меня лишь нѣсколько секундъ проницательнымъ и недовольнымъ взоромъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ, соколь поднялся, издалъ громкий и дикий крикъ, на который эхомъ отозвались всѣ соѣднія скалы, и съ остатками своего завтрака въ когтяхъ онъ обогнуль выступъ скалы и исчезъ. Вѣроятно, тамъ гдѣ-нибудь онъ опустился и безъ помѣхи окончилъ свою трапезу.

Я былъ почти гордъ этой встрѣчей и очень благодарили судьбѣ, доставившей мнѣ возможность подсмотреть

эту благородную птицу въ ея естественномъ положениі, занатую утоленiemъ голода, уничтожая свою добычу, среди суроваго одиночества ея обычнаго мѣстопребыванія. Слѣдствиемъ этихъ наблюдений за движenіями сокола было вынесенное мною сознательное убѣжденіе, съмена котораго зародились уже много лѣтъ раньше, что если-бы художники, граверы и набивальщики чучель животныхъ брали бы уроки у природы и работали сообразуясь съ нею, то публику не вводили бы такъ часто въ обманъ. Тогда не заставляли бы зачастую платить деньги за фальшивыя изображенія и карикатурныя фигуры вмѣсто истиннымъ формъ этихъ благородныхъ птицъ.

Едва лишь улетѣль соколь, какъ весь ужасъ моего положенія снова выступилъ на первый планъ. Надежды на помощь отъ кого-бы то ни было со стороны по-прежнему не было никакой и подъ наплывомъ разныхъ злыхъ предчувствій я начиналь холодаТЬ. День склонялся къ вечеру и скоро уже должно было совсѣмъ стемнѣть. Времени терять было нельзя, такъ какъ необходимо было до наступленія мрака предпринять что-нибудь, чтобы выйти изъ этого положенія. Единственно возможный путь къ тому— было сползти внизъ по отвесной скалѣ, каковы бы ни были послѣдствія. Для этой цѣли я отвязалъ ружье, сняль подвязки, которые были очень длинны, связаль ихъ вмѣстѣ, къ одному концу привязалъ ружье и, взявъ за другой конецъ, спустиль ружье насколько позволяла длина подвязокъ. Затѣмъ я отпустиль его и слышалъ, какъ ружье стукнулось о дно пропасти. Связавъ два платка и обвязавъ ими голову, чтобы предостеречь себя, по возможности, отъ ушибовъ объ острые края камней и готовясь соскользнуть, я высунулся за край скалы, ногами внизъ, но, передумавъ, рѣшиль повернуться. Небольшой клочокъ дерна, за который я держался, подался, оборвался и я полетѣль внизъ съ такою силой, что, упавъ на камни среди скалъ, потеряль сознаніе.

Очнувшись, я увидаль себя лежащимъ у подножія скалы, больнымъ и разбитымъ. Я потерялъ много крови носомъ и ухомъ. Первымъ моимъ желаніемъ было убѣдиться—цѣлы ли мои ноги; къ моей величайшой радости онъ оказались цѣлы, только немнога одеревенѣли. Затѣмъ я почувствовалъ жажду и, замѣтивъ недалекѣ лужицу воды, я попробовалъ встать, но спина такъ сильно болѣла, что я вынужденъ былъ снова лечь. Однако, жажда возрastaла и я ползкомъ дотащился до воды, помочилъ губы и сдѣлалъ уже глотокъ и тутъ-же почувствовалъ, что вмѣсто свѣжей проглотилъ соленой воды.

Если до сихъ поръ мнѣ было нехорошо, то теперь я почувствовалъ себя еще хуже. Однако послѣ рвоты я ожи-
вился немнога и, смывъ кровь съ рукъ и лица, я былъ въ состояніи сѣсть, опервшись рукой о скалу. Сидя я раз-
глядывалъ всѣ брошенныя мною вещи, которыя оказались всѣ на-лицо, за исключеніемъ шапки, найденной мною уже потомъ. Просидѣвъ около получаса, я сдѣлалъ вто-
ричную попытку встать, и на этотъ разъ болѣе удачную, хотя шатался какъ пьяный и съ трудомъ могъ стоять, опи-
раясь на ружье, которое я нашелъ менѣе разбитымъ, чѣмъ ожидалъ. Одѣвшись и собравъ всѣ свои принадлежности, я попробовалъ зарядить ружье, съ цѣлью добыть одну изъ исландскихъ чаекъ, видѣнныхъ мною съ высоты скалы. Это представляло большія трудности, которыя я, однако, преодолѣлъ, но тутъ, къ великому огорченію, почувствово-
валъ, что прицѣлиться я не могъ. Послѣ нѣсколькихъ не-
удачныхъ попытокъ я долженъ былъ оставить всякую на-
дежду подстрѣлить которую-нибудь изъ этихъ птицъ.

Меня это сильно волновало, такъ какъ птицы нѣ-
сколько разъ были на разстояніи выстрѣла отъ меня. Такъ какъ всѣ надежды на возможность выстрѣла рух-
нули, то я принялъ разглядывать предметъ, находившійся въ водѣ, вокругъ которого толпились птицы. Къ моему удивленію, я увидѣлъ, что это былъ остовъ животнаго

весьма странного вида. Лишь всматриваясь довольно долго въ этотъ предметъ, я въ состояніи былъ вызвать въ памяти болѣе ясное представлѣніе о томъ, что это былъ остатъ или, вѣрнѣе, уже полуисгнившіе остатки скелета акулы. Не хватало головы, которую, вѣроятно, обломало, когда волны били ею о прибрежныя скалы. Хвостъ былъ тоже сломанъ, но держался у туловища какъ на ниточкѣ. По виду хвостъ этотъ походилъ на хвостъ морской собаки, но безъ сомнѣнія тутъ были еще два плавника на спинѣ, ближе къ задней, чѣмъ къ передней части туловища, хотя они, вѣроятно, были или сломаны или стерты камнями. Кожа, темносиняя, съ свинцовымъ оттенкомъ, была часто усыпана острыми иглами, которыя все почти были болѣе или менѣе попорчены. Я не знаю ничего, съ чѣмъ бы могъ сравнить эти иглы, развѣ только съ колючками, встрѣчаемыми на стволахъ старыхъ кустовъ розъ, съ тою разницей, что рыбьи иглы крупнѣе. Но положенію этого скелета въ водѣ, хотя и близъ берега, я не могъ вывести полное представлѣніе о точныхъ размѣрахъ акулы. Но отъ мѣста прикрепленія головы до хвоста она имѣла около 2-хъ ярдовъ въ длину. Удовлетворивъ вполнѣ свое любопытство и убѣдившись, что животное совершенно непригодно для сохраненія, какъ вслѣдствіе наступившаго уже разложенія, такъ и отъ порчи, причиненной терзавшими его птицами, я оставилъ его, такъ что нетерпѣливыя птицы могли возобновить свою прерванную трапезу.

Теперь я намѣревался пройти къ песчаному побережью, вѣво отъ меня, извѣстному подъ названіемъ Зеленаго берега или Гринсайдъ, откуда, я зналъ, есть тропинка, ведущая наверхъ. Но по дорогѣ туда я встрѣтилъ серьезное препятствіе въ видѣ громаднаго утеса, основаніе котораго выступало въ море. Поэтому, такъ какъ нельзя было обойти его, надо было перейти черезъ него. Между тѣмъ, я былъ далеко не въ такомъ состояніи, чтобы могъ карабкаться на скалы, а иного выхода не было. Прибли-

жающійся приливъ, конечно, не пощадилъ бы меня. Снова съ ружьемъ за спиною, на колѣняхъ, цѣпляясь руками и зубами, я все же перелѣзъ и, хотя не безъ затрудненій, достигъ Гринсайда. Вместо того, чтобы идти въ Гарденстоунъ, я повернуль къ дому, куда и добрался къ 6 ч. вечера.

Впечатлѣніе этого послѣдняго въ 1850 году дня такъ глубоко врѣзалось въ моемъ умѣ и настолько отразилось физически, что не скоро, а быть-можетъ и никогда не изгладится изъ моей памяти».

ГЛАВА XII.

ПРОГУЛКИ СРЕДИ ПТИЦЪ.

Достопочтенный м-ръ Смитъ былъ, вѣроятно, удивленъ точнымъ и образнымъ языкомъ, которымъ Эдвардъ описывалъ птицъ своего округа. Но дѣло въ томъ, что хотя Эдвардъ главными своими познаніями обязанъ быть личнымъ наблюденіемъ, но все же онъ выучился кое-чему и изъ книгъ. М-ръ Смитъ одолжилъ ему книги, бывшія въ его библіотекѣ, а также указалъ ему на статьи по естественной исторіи въ «*Penny Cyclopedie*». Хотя Эдвардъ не принялъ совѣта своего друга относительно изученія грамматики, но онъ научился достаточно для своей цѣли. Научаются писать не столько заучиваніемъ грамматическихъ правилъ, сколько внимательнымъ чтеніемъ хорошо написанныхъ книгъ. Послѣ того грамматика приходитъ уже какъ бы сама собою. Кромѣ того, если человѣкъ одаренъ проницательностью и чуткостью, то навѣрно будетъ хорошо писать. Такъ было и съ Эдвардомъ.

М-ръ Смитъ думалъ, что Эдварду недостаточно, что его сотрудничество ограничивается одной мѣстной газетой. Онъ просилъ позволенія у Эдварда послать его замѣтки въ какой-либо ученый журналъ. Эдвардъ на это выразилъ опасеніе, что наблюденія его не будутъ достойны вниманія; онъ всегда былъ робокъ и скроменъ,

даже слишкомъ скроменъ, а бываютъ обстоятельства, когда робость служить большими препятствиемъ. Человѣкъ можетъ знать многое, но, благодаря чрезмѣрной робости, онъ избѣгаетъ передавать свои познанія другимъ; онъ держитъ все въ секрѣтѣ и никто отъ этого не получаетъ пользы. Онъ избѣгаетъ тѣхъ, кто отнесся бы къ нему дружески и могъ бы ему помочь. Застѣнчивость Эдварда часто мѣшала ему показаться въ настоящемъ свѣтѣ.

М-ръ Смитъ продолжалъ, однако, настаивать. Онъ получилъ какъ-то отъ Эдварда нѣсколько замѣтокъ и сообщеній, исправивъ которыя предложилъ ему послать ихъ въ «*Zoologist*» и напечатать тамъ подъ своимъ именемъ. «Я не сомнѣваюсь, — прибавилъ онъ, — что статьи будутъ приваты издателемъ. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобы ваши наблюденія были известны болѣе широкому кругу читателей и, главнымъ образомъ, зоологамъ, а не оставались исключительно на страницахъ Банфширской газетки».

Эдвардъ наконецъ согласился и за 1850 годъ, въ журналѣ «*Zoologist*», м-ръ Смитъ напечаталъ *) замѣтку о гагарахъ, убитыхъ Эдвардомъ на песчаномъ берегу Бойнди. Въ слѣдующемъ году м-ръ Смитъ напечаталъ, въ томъ же журналѣ, статейку объ акулѣ, которую Эдвардъ видѣлъ у подножія Гамири-Хидъ **). «Для того, — говорить м-ръ Смитъ, — чтобы определить, была-ли это въ дѣйствительности акула, я послалъ мистеру Эдварду 39-й томъ «*Naturalist's Library*», въ которомъ находится разсказъ д-ра Гамильтона, изъ Эдинбурга, о *Squalida* или семействѣ акулъ, при которомъ находится раскрашенное изображеніе этой особенной рыбы. Въ отвѣтъ м-ръ Эдвардъ написалъ мнѣ, что «теперь я уже не сомнѣваюсь, что видѣнное и разсмотрѣнное мною животное было дѣйствительно не что иное, какъ акула».

*) «*Zoologist*». 1850 г. 2915.

**) «*Zoologist*». 1851 г. 3017.

Въ другой своей замѣткѣ м-ръ Смитъ описываетъ Эдварда въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я не разъ уже упоминаль въ журналѣ о мистерѣ Томасѣ Эдвардѣ, башмачнике изъ Банфа, ревностномъ любителѣ и наблюдателѣ природы и прекрасномъ мастерѣ, весьма искусномъ въ дѣлѣ набивки чучель животныхъ. Въ настоящее время, онъ иногда оставляетъ занятіе, на которое обреченъ необходимостью и утоляетъ свою жажду изученія образа жизни различныхъ птицъ и животныхъ одинокими прогулками по горамъ и холмамъ, которыхъ такъ много въ верхнихъ частяхъ Абердинскаго и Банфскаго округовъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ прогулокъ онъ присыпалъ мнѣ отчеты, которые я счелъ настолько интересными, что переписалъ и предлагаю теперь напечатать въ журналѣ. Факты, мысли и разсужденія принадлежать ему самому, и въ большей части я оставилъ и его выраженія. Что касается точности и вѣрности сообщаемыхъ имъ наблюденій, то въ силу его аккуратности и прямого характера, во всемъ, до мелочей всегда можно на нихъ положиться».

Приложенная къ этому статья заключаетъ описание прогулки, продолжавшейся нѣсколько дней, по холмистымъ окрестностямъ Noth и Kirkbie. Мы не считаемъ нужнымъ приводить статью полностью, но выберемъ лишь нѣкоторая мѣста, доказывающія тонкую наблюдательность и рисующія отчасти характеръ человѣка. Эдвардъ отправился по узкой долинѣ, на днѣ которой струится ручей, называемый Ness Bogie. Томасъ прислушивался къ разнообразнымъ голосамъ пернатыхъ жителей этой долины, слышалъ кукушку, воркованье и хлопанье крыльевъ голубей, во множествѣ воссившихся надъ нимъ, когда внезапный поворотъ дороги неожиданно измѣнилъ открывавшуюся взорамъ мѣстность, и Эдвардъ увидаль въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ себя прекрасную цаплю.

«Я тотчасъ остановился,—говорить онъ,—неподвижное и напряженное положеніе птицы ясно указывало, что она

чѣмъ-то поражена, одну минуту мнѣ даже казалось, что она не въ состояніи летѣть—словно окаменѣла. Какъ-бы пригвожденная къ мѣсту, она стояла, глядя на меня своими ясными, желтыми глазами съ выраженіемъ вопроса: по какому праву вторгаюсь я въ уединеніе, гдѣ человѣческій обликъ почти не встрѣчается. Пока мы такъ стояли другъ противъ друга, взаимно удивленные нашей встрѣчей, я замѣтилъ, что она начинаетъ спокойно и равномѣрно покачивать своей тонкой головой, длинныя перья крыльевъ слегка вздрогиваютъ — признаки того, что птица готова сняться съ мѣста.

Дѣйствительно, черезъ минуту цапля уже улетѣла. Оттянувъ назадъ свои длинныя ноги, она испустила такой громкій, дикій и жалобный крикъ, что долина и сосѣдніе холмы отвѣтили ехомъ и вся ближайшая мѣстность ментально наполнилась гуломъ. Закричалъ морской куличекъ, заворковалъ голубь; взволнованная летучая мышь начала иружиться около меня со своимъ характернымъ пискомъ; тетеревъ слетѣлъ со своего насиженного гнѣзда, шурша крыльями и издавая свое хорошо знакомое него-дующее—бирръ-бирръ. Каравайка тихо полетѣла вдоль долины, примѣшивая свои пронзительныя нотки къ общему шуму, а у подножія холмовъ зуйки и ржанки не переставая печально кричали, прекрасно аккомпанируя общей сценѣ, которой я, казалось, былъ единственнымъ молчаливымъ зрителемъ. Но я не попревельнулся, пока взволнованные обитатели долины и горъ не исчезли, и торжественная тишина снова не водворилась».

На слѣдующій день, по дорогѣ въ Гентли, Эдвардъ замѣтилъ поднявшуюся съ холма каравайку, къ которой онъ и направилъ шаги, въ надеждѣ увидать ея гнѣзда. Въ этомъ, однако, онъ потерпѣлъ неудачу, но въ поискахъ за гнѣздомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ наметенной кучки снѣгу, онъ наткнулся на дикую утку, лежавшую возлѣ куста вереска. Надо замѣтить, что незадолго передъ тѣмъ въ

этой местности прошла страшная снежная буря, заставившая дикихъ утокъ и другихъ птицъ покинуть гнѣзда во время высиживанія яицъ и очень задержала сезонъ вывода птенцовъ въ сѣверной части страны. Эдвардъ продолжаетъ:

«Предполагая, что утка пряталась отъ постороннихъ взглядовъ, я потрогалъ ее палкой, чтобы она поднялась, но она не вставала. Я былъ удивленъ, но, присмотрѣвшись внимательнѣе, увидѣлъ, что она была мертва. Она лежала приподнявшись однимъ бокомъ, шея была вытянута, ротъ открытъ и полонъ снѣга; крылья распрастерты и одна изъ ногъ торчала позади нея. Вблизи я замѣтилъ два яйца, тогда я приподнялъ птицу и подъ нею оказалось гнѣзdo съ 11-ю яйцами; значитъ, всѣхъ было 13, изъ нихъ нѣкоторыя были сломаны. Я освидѣтельствовалъ всѣ и нашелъ, что въ каждомъ безъ исключенія было по птенцу. Это служило неоспоримымъ доказательствомъ, что бѣдная мать сидѣла на нихъ около 3-хъ недѣль. Держа мертвую птицу въ рукахъ, я сѣлъ, чтобы разобрать все и установить, если мнѣ удастся, причину ея смерти. Я тщательно осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и нигдѣ не могъ найти ни одной ранки и вообще никакихъ признаковъ насилия. Повидимому смерть была отъ удушенія. Во всякомъ случаѣ, одно обстоятельство было ясно и не могло подлежать никакому сомнѣнію, что она нашла смерть въ отчаянной борьбѣ, вѣрно исполняя свой долгъ — охраняя яйца отъ гибельныхъ послѣдователей недавней снежной метели.

Я не могъ не подумать, глядя на нее, какой это былъ поразительный примѣръ глубокой материнской привязанности. Немилосердный вѣтеръ дуль со всею силой надъ одинокимъ и незащищеннымъ холмомъ. Снѣгу наметало все больше, а жестокій вѣтеръ все усиливается по мѣрѣ приближенія ночи; но бѣдная птица, вопреки бушующимъ элементамъ, продолжала охранять свой домъ и заключав-

шіяся тамъ сокровища, пока у нея хватало силъ, но на-
конецъ, побѣжденная непогодой, погибла. Свою жизнь она
легко могла бы спасти, если-бы рѣшилась бросить свое
будущее поколѣніе, которое природа научила ее такъ го-
рячо любить и охранять, что она осталась до конца вѣрна
ему. Занятый подобными мыслями и чувствами, я не
знаю, какъ долго просидѣль-бы я, если-бы меня не вывѣль
изъ моихъ мечтаній лай пастушьей собаки. Солнце уже
сѣло, и сѣрыя сумерки начинали затягивать отдаленныя
горы, скрывая ихъ понемногу отъ моихъ глазъ. Не же-
ляя започевать въ этомъ мѣстѣ, я завернуль въ кусокъ
бумаги, какъ въ саванъ, вѣрную и самоотверженную
птицу и, выкопавъ яму достаточной величины, положилъ
и мать, и яички. Прикрывъ все землей и мхомъ, я еще
придавиль все большими кускомъ дерна и, будучи болѣе
изволнованъ, чѣмъ хотѣль бы сознаться, оставилъ ихъ
понемногу разрушаться и пошелъ своей дорогой».

Рассказавъ такимъ образомъ примѣръ материнской при-
вязаности, дикой утки, позволимъ себѣ привести еще болѣе
поразительный примѣръ братской любви и помощи со
стороны обыкновенной морской ласточки (*Sterna hirunda*)
—чагравы.

«Однажды въ концѣ августа въ послѣбѣденное время
былъ я на песчаномъ берегу въ Бойнди и слѣдилъ за
стаями морскихъ ласточекъ, занятыхъ рыбной ловлей. У
меня не было ни одного экземпляра этой птицы, и я бро-
диль по берегу, присматриваясь къ ихъ движеніямъ въ на-
деждѣ, что которая-нибудь изъ нихъ приблизится на ру-
жейный выстрѣлъ. Окружавшій меня пейзажъ былъ не-
обыкновенной красоты. На лазоревомъ небѣ не видно было
ни одной тучки; ровная поверхность залива лежала не-
подвижно, благодаря полному отсутствію вѣтра. Вся ат-
мосфера представляла цѣлое море живыхъ существъ: во
всѣхъ направленіяхъ жужжали и летали многочисленныя
насекомыя. Солнце, приближаясь къ краю горизонта, бро-

сало длинныя и блестящія полосы золотого и зеленаго цвѣта на зеркало залива. Тамъ и сямъ спокойно стояли корабли, и бѣлые паруса ихъ ярко сверкали въ золотомъ свѣтѣ заката. Въ добавленіе ко всему этому, очень характерный видъ придавали пейзажу собиравшія въ бухтѣ сельдяныя лодки; ихъ свободно висѣвшіе паруса, скрипъ весель и усилия гребцовъ достаточно ясно говорили, что имъ предстоитъ еще пройти тяжелый путь, прежде чѣмъ они достигнутъ опредѣленного для ихъ стоянки мѣста въ сѣверо-восточной части залива.

Пока я стоялъ, съ восторгомъ глядя на разстилавшуюся передо мной величественную картину и любовался неустанными эволюціями чаравъ, искающихъ пищи, я замѣтилъ, какъ одна изъ нихъ отдѣлилась и, направляясь къ берегу, полетѣла, не переставая ловить рыбокъ. Интересно было смотрѣть, какъ она приближалась, то поднимаясь, то опускаясь, то останавливаясь въ воздухѣ съ неподвижно-распростертymi крыльями, устремивъ свои зоркіе глаза въ воду и слѣдя за каждымъ движениемъ водныхъ обитателей. Какъ только одна изъ рыбъ подвигалась ближе къ поверхности, она немедленно набрасывалась на нее, научившись всему этому у матери-природы. Быстро складывается она свои рас простертые крылья и съ кажущейся беззаботностью бросается внизъ головой такъ быстро, что глазъ съ трудомъ можетъ слѣдить за ея полетомъ. Черезъ самое короткое время уже видимъ ее сидящую на поверхности воды и глотающую свою добычу. Окончивъ это, она снова поднимается, но вдругъ останавливается: глазъ ея замѣтилъ что-то—она опускается, но лишь на секунду: намѣченная жертва скрылась изъ виду.

Еще разъ поднялась она на своихъ быстрыхъ крыльшкахъ и, достигнувъ извѣстной высоты, носилась нѣкоторое время въ воздухѣ, потомъ, нѣсколько разъ сильно взмахнувъ крыльями, опустилась, но снова намѣченная рыбка ускользнула. Ласточка устремилась въ сторону и,

не задѣвая воды, поднялась, описывая красивую дугу. Послѣ этого она стала ближе и ближе подлетать къ берегу; она поднималась, описывая зигзаги на лету, какъ внезапно, словно ее ударила невидимая рука, она окунулась въ воду, ярдахъ въ сорока отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. Когда она вынырнула и сѣла на поверхность воды, я ясно различилъ, что она держала въ клювѣ маленькую улитку, рвавшуюся отчаянно на свободу. Борьба ея была напрасна: нѣсколько движений клюва побѣдительницы положили конецъ ея существованию.

Теперь я выжидалъ минуту, когда птица снова поднимется, что она и не замедлила сдѣлать. Я выстрѣлилъ, и птица завертѣлась и съ перешибленымъ крыломъ, громко вскрикнувъ, упала въ воду. Выстрѣль и крикъ чагравы собрали остальныхъ ея товарищѣй, слетѣвшихся, чтобы видѣть причину тревоги.

Посмотрѣвъ на раненаго товарища, котораго течениемъ потихоньку несло къ берегу, птицы, сбившись въ кучу, подлетѣли къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, наполняя воздухъ своимъ крикомъ. Не заботясь о своей собственной безопасности, онѣ не переставали кричать, пока я приготовлялся какъ-нибудь схватить свою жертву. Теперь уже я видѣлъ, что это былъ прекрасный экземпляръ взрослой морской ласточки, и я уже былъ увѣренъ, что черезъ нѣсколько минутъ она будетъ мою собственностью, такъ какъ она была уже почти у берега.

Пока дѣла были въ такомъ положеніи, я увидѣлъ, къ крайнему моему удивленію, что двѣ чагравы взяли своего подстрѣленного товарища—каждая за одно крыло—и, вытащивъ изъ воды, понесли въ сторону моря; за ними полетѣли еще двѣ. Пронеся раненую шесть или семь ярдовъ, онѣ тихо опустили ее на воду и тотчасъ-же двѣ слѣдовавшія сзади подхватили ее такимъ-же образомъ. И такъ, неся ее ниперемѣнно, онѣ продолжали, пока не достигли скалы, на значительномъ отъ меня разстояніи, куда и положили

ее, считая уже въ безопасности. Вернувшись къ себѣ самообладаніе, я направился къ той-же скалѣ, желая все-же взять свою жертву, такъ безцеремонно выхваченную у меня чуть не изъ рукъ. Но за мнай, повидимому, наблюдали, и, вмѣсто четырехъ, цѣлая стая птицъ уже кружилась надо мнай. При моемъ приближеніи къ скалѣ, я снова увидалъ, что двѣ ласточки, по-прежнему, подняли раненую и, торжествуя побѣду, понесли ее въ море, далеко отъ меня. Этого я бы не могъ предупредить, даже если-бы и хотѣлъ, но и чувство мое не позволило уже мнѣ ихъ преслѣдоватъ. Я охотно далъ имъ возможность безъ помѣхи совершить этотъ актъ милосердія и показать примѣръ привязанности, которому и людямъ не стыдно бы было подражать. Я даже былъ радъ причиненному мнѣ разочарованію, такъ какъ, благодаря ему, сдѣлался свидѣтелемъ сцены, которую иначе врядъ-ли счелъ бы за вѣроятную и которую и само время не изгладить изъ моей памяти».

Въ другомъ случаѣ, при описаніи *Strepsilas interpres*—Эдвардъ проявляетъ опять такую-же точность во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ. Птица эта принадлежитъ къ обитателямъ морского берега и имѣеть большой географический районъ, но на берегахъ Муррэйскаго залива видѣли ее очень рѣдко. Эдвардъ, во время своихъ орнитологическихъ экспедицій, не столько старался убить побольше птицъ, сколько заботился о томъ, чтобы слѣдить за ихъ образомъ жизни, обычаями и привычками. Онъ часто выходилъ на эти прогулки совсѣмъ безъ ружья. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ автору настоящаго сочиненія онъ замѣчаетъ: «Просматривая мои печатныя статьи, вы найдете много замѣтокъ о нравахъ и обычаяхъ различныхъ породъ птицъ. Я потратилъ такъ много времени на наблюденія, что некогда было подробно записывать результаты, а то, что записано, кажется, недостаточно оцѣнено. Впрочемъ, этому нечего удивляться. Кажется, что составители сочиненій по естественной исторіи въ нашей странѣ

не очень-то заботятся о подробностяхъ, при описаніи нравовъ животныхъ, о которыхъ они трактуютъ. Они больше придаютъ значенія количеству техническихъ замѣтокъ. Быть-можетъ, вслѣдствіе этого выходитъ научно, но въ то-же время и очень сухо и скучно. Такимъ способомъ естественная история можетъ только оттолкнуть массу. Намъ нужны писатели въ родѣ Одюбона и Вильсона, чтобы свѣдѣнія по естественной истории распространялись въ публике».

Если-бы Эдвардъ не былъ прикованъ къ своему башмачному столу, то мы, вѣроятно, и получили бы такую книгу, о которой онъ говорилъ. Самъ онъ былъ преисполнъ любви къ своему предмету; онъ былъ терпѣливъ и настойчивъ въ своихъ разслѣдованіяхъ и, не боясь во вниманіе его хотя-бы и крупныхъ недостатковъ, слогъ Эдварда живой и образный. Кажется, никто изъ орнитологовъ, за исключеніемъ Одюбона, специально не описывалъ *Turnstone* — птицу, которую Эдвардъ описалъ въ 1850 году *), не читавши вовсе Одюбона. Достопочтенный м-ръ Смитъ замѣчаетъ: «Мнѣ известно, что м-ръ Эдвардъ никогда не читалъ разсказа, предложенного Одюбономъ, о нравахъ этой птицы. Я упоминаю объ этомъ, какъ о лишнемъ доказательствѣ аккуратности и точности, съ какими онъ дѣлаетъ свои наблюденія. Это единственный европеецъ, насколько мнѣ известно, который описалъ усилия, употребляемыя этой птицей—*Strepsilas interpres*—въ затруднительныхъ случаяхъ и ея самозащиту не только клювомъ, но и грудью». Описаніе Эдварда слѣдующее: «*Turnstone* — это очень интересная птица, какъ по оригиналной вѣшности, такъ и по нраву. Она сильная, толстая, съ необыкновенно короткими толстыми ногами, сильно развитыми пальцами и широкой грудью. Клювъ ея имѣть конусооб-

*) Сначала въ Банфширскомъ журнアルѣ. Декабрь, 31, 1850 г., а потомъ перепечатано м-ромъ Смитъ въ «Zoologist». Апрѣль, 1851 г.

разную форму, очень широкий и твердый при основании, къ концу немного приплюснутый и изогнутый въ сторону. Привычки этой птицы очень странны, въ особенности въ способахъ добыванія пищи. Какъ и самое название ея показываетъ (по англійски Turnstone— буквально значить поворачивать камень), птица переворачиваетъ небольшіе камни, подъ которыми и находить червей и насѣкомыхъ, составляющихъ ея пищу. Если камень, который она хочетъ перевернуть, слишкомъ великъ для ея клюва, то она помогаетъ себѣ грудью. Кажется, что птицы эти помогаютъ другъ другу въ такихъ случаяхъ, какъ то дѣлаютъ каменищики и носильщики, ворочая большие камни или тюки. Я позволю себѣ привести одинъ случай, произошедши на моихъ глазахъ.

Проходя какъ-то по берегу, къ западу отъ Банфа, я замѣтилъ на пескѣ, на довольно большомъ разстояніи отъ меня, двухъ птицъ около какого-то крупнаго предмета. Судя по виду, я зналъ, что онѣ принадлежать къ тѣмъ породамъ, которые обыкновенно встречаются въ этой мѣстности. Я отдалился отъ берега и пошелъ по песку и валунамъ, пока не очутился какъ-разъ противъ того мѣста, где были заняты своимъ дѣломъ наблюдаваемыя мною птицы. Остановившись съ ружьемъ за спиной и на-готовѣ, я присѣль и поползъ по каменистому грунту, пока маленькие работники не оказались передъ моими глазами, занятые поворачиваниемъ мертвой рыбы, которая была, навѣрно, въ шесть разъ больше ихъ. Не желая имъ мѣшать и въ то же время сильно заинтересованный ихъ дѣйствіями, я, замѣтивъ невдалекѣ, еще ближе къ птицамъ, яму въ пескѣ, осторожно и незамѣтно для птицъ залѣзъ туда.

Теперь я находился ярдахъ въ 10 отъ нихъ и могъ безъ помѣхи слѣдить за всѣми ихъ движеніями. Во всемъ птицы выказывали такую сообразительность и настойчивость, которую замѣтить можетъ только тотъ, кто наблюдалъ съ терпѣніемъ и постоянствомъ за привычками раз-

личныхъ низшихъ твореній, и которые, если аккуратно и точно передать во всѣхъ подробностяхъ, зачастую могутъ возвудить недовѣrie. Занимающіеся естественными науками думаютъ, что все касающееся животныхъ и не находящееся въ книгахъ, которые признаются авторитетными,—должно быть или невѣрно или, по меньшей мѣрѣ, есть результатъ невѣжества.

Однако вернемся къ предмету. Устроившись насколько было возможно удобнѣе въ моей каменистой обсерваторіи, я обратилъ все свое нераздѣльное вниманіе на возившихся передо мною птицъ. Онѣ быстро толкали рыбу клювами и грудью, но старанія ихъ были тщетны, тогда обѣ, обойдя рыбу, съ другой стороны начали скрести изъ-подъ нея песокъ; накопавъ его довольно много, онѣ, снова вернувшись на прежнее мѣсто, работая усердно клювами и грудью, принялись толкать рыбу, но съ прежнимъ успѣхомъ. Не унывая, онѣ обѣжали вторично и начали подкопъ уже съ другой стороны, желая, ясно, окопать мертвую рыбу, чтобы легче было ее перевернуть.

Проработавъ такимъ образомъ поперемѣнно съ обѣихъ сторонъ около получаса, онѣ получили подкрѣпленіе отъ прилетѣвшаго съ сосѣдней скалы товарища, появленіе которого было встрѣчено явными знаками радости. Я пришелъ къ этому заключенію, видя ихъ движенія и слыша тихіе, но радостные звуки, которые онѣ начали издавать, какъ только увидали приближеніе помощи. И товарищъ, повидимому, сознавалъ это, такъ какъ отвѣчалъ тѣмъ-же. Покончивъ съ взаимными привѣтствіями, птицы принялись за работу втроемъ; нѣсколько минутъ онѣ сильно рыли песокъ, потомъ, обойдя съ другой стороны, все трое заразъ сильно толкнули рыбу грудью, при чемъ имъ удалось сдвинуть ее на нѣсколько дюймовъ, но онѣ не въ состояніи были перевернуть ее, и она снова легла на песокъ, въ явному отчаянію всѣхъ трехъ тружениковъ. Отдохнувъ немногого, не покидая своихъ мѣсть, на нѣко-

торомъ разстояніи другъ отъ друга, онъ, словно сговорившись, рѣшили дать другое направлѣніе своей работѣ. Прильнувъ грудью къ песку, птицы старались подсунуть клювы подъ рыбу, чтобы поднять ее на прежнюю высоту. Затѣмъ, вытачивъ клювы, но не теряя занятой позиціи, онъ продолжали поднимать рыбу грудью, и это дѣлали съ такой силой и такъ умно, что наконецъ рыба перевернулась и скатилась на вѣсколько ярдовъ по наклонной плоскости, увлекая за собою на нѣкоторое разстояніе даже и птицъ, пока онъ не пришли въ нормальное положеніе.

Быстро вернувшись къ тому мѣсту, съ котораго онъ сдвинули такъ долго сопротивлявшійся имъ предметъ, птицы своими непрерывными, живыми движеніями давали неопровергимыя доказательства радости, въ виду обильной закуски, которая ихъ ожидала въ награду за изобрѣтательный и плодотворный трудъ. Я былъ въ такомъ восторгѣ отъ ума и настойчивости, ими выказанныхъ, что счѣль бы себя преступникомъ, еслибы вздумалъ лишить жизни эти интересныя существа именно въ ту минуту, когда онъ только-что проявили чудесные инстинкты, внушенные имъ нашимъ Творцомъ. Когда мнѣ показалось, что онъ покончили свое занятіе и остались довольны, я вышелъ изъ своего прикрытия. Осмотрѣвъ рыбу, я увидѣлъ, что это была обыкновенная треска, но большая, около $3\frac{1}{2}$ футовъ длины, и погрузившаяся въ песокъ болѣе чѣмъ на два дюйма».

Однимъ изъ величайшихъ удовольствій Эдварда были прогулки по морскому берегу и наблюденія надъ разными свойствами морскихъ птицъ. То множество птицъ, которое собирается на берегу Муррэйского залива, объясняется стаями сельдей, дающихъ тутъ пищу не только тысячамъ рыбаковъ, но и миллионамъ морскихъ птицъ.

Чтобы имѣть понятіе о количествѣ птицъ, посѣщающихъ этотъ берегъ, достаточно сказать, что послѣ бури, бывшей въ декабрѣ 1846 г., Эдвардъ насчиталъ до шестидесяти

маленькихъ пингвиновъ, пригнанныхъ мертвыми къ берегу, на разстояніи около девяти миль, кроме большого количества кайры и чистиковъ. Массы этихъ птицъ найдены были мертвыми въ окрестныхъ поляхъ.

Между тѣмъ мелкие пингвины обладаютъ необыкновенной силой сопротивленія самымъ ярымъ волнамъ. «Почти величественное зрѣлище, — говоритъ Эдвардъ, — представляетъ видъ этихъ маленькихъ, но храбрыхъ созданій, борющихся съ надвигающимися волнами бурного моря. Волна за волною, быстро смыняя одна другую, стремится, неся разрушение всему, что имъ попадается, но пингвины, наученные матерью — природой, противостоять грозной опасности, то подымаясь на волны, то прячась подъ ними, и выходятъ невредимыми, когда волна яростно бросается на берегъ. Глазъ напрасно ищетъ среди волнующейся стихіи, не находя вѣкоторое время маленькаго пловца. Непривычный къ подобнымъ сценамъ навѣрно воскликнулъ бы: «Бѣдное маленькое созданье навѣрно погибло въ этой клюкующей лѣнѣ!» Имѣйте немнога терпѣнья! Смотрите, вотъ онъ снова такой-же бодрый какъ прежде и готовый снова бороться съ набѣгающей волной. Онъ опускается глубоко между волнами, быть можетъ, въ поискахъ за пищей, потому что для этой цѣли птица можетъ опускаться между волнами только во время бури вблизи береговъ. Въ нашей мѣстности птица эта известна подъ страннымъ названіемъ «Nor-a-wa-wafie», вслѣдствіе предположенія, что она прилетаетъ изъ Норвегіи».

Скалистые берега къ востоку отъ Банфа были наиболѣе привлекательными мѣстами для натуралиста. Въ этой части были не только самые дикие и красивые пейзажи, но и самыя дикия птицы. Гами-Мооръ и Трупъ-Хидъ были его излюбленными мѣстами. Мы только-что описали приключенія Эдварда близъ мыса Гами, ниже слѣдуетъ его описание посѣщенія имъ Troup-Head.

«На небольшой лодкѣ, подгоняемый легкимъ вѣтер-

комъ, я имѣлъ полную возможность слѣдить за различными приближавшимися и пролетавшими птицами. Пробѣжая мимо нѣкоторыхъ мѣсть, гдѣ наиболѣе гнѣздятся морскія птицы, я былъ свидѣтелемъ сценъ положительно великолѣпныхъ — сценъ, которыхъ не могутъ не возбудить чувства глубочайшаго интереса въ душѣ каждого, способнаго понимать и цѣнить величие и красоту природы. Приставь къ одному изъ наиболѣе обильныхъ гнѣздами мѣсть, я останавливался и нерѣдко задумывался надъ проходившими передъ глазами картинами. На берегу бѣлѣли, возвышаясь какъ башни, несокрушимыя скалы съ презрительнымъ равнодушиемъ принимавшія даже самыя яростныя волны, посыпаемыя имъ океаномъ. Онъ гордо выдерживали и напоръ сильнейшаго, ледяного сѣвернаго вѣтра, гнавшаго на нихъ гигантскія волны, разбивавшіяся у ихъ подножія. Тутъ на высотѣ самый крупный морской рыболовъ кажется маленькой точкой. Соколы, на-ряду съ другими горными птицами, совершенно спокойно выводятъ тутъ своихъ птенцовъ, и массы самыхъ разнородныхъ птицъ — отъ блестѣнной чайки до темнаго баклава — находятъ тутъ себѣ пристанище, гнѣздятся и выводятъ молодыя поколѣнія. Какъ многому, думалъ я, глядя на эту шумную и дѣятельную толпу, могъ бы научиться здѣсь человѣкъ — это самое благородное твореніе, часто ставящее себя ниже всякаго животнаго. Сколько уроковъ трудолюбія и привязанности могъ бы онъ получить отъ этихъ скромныхъ наставниковъ, воспитанныхъ самою природой».

Во время кормленія птенцовъ, морскія птицы производятъ страшный гамъ и крикъ, хотя рокотъ моря у подножія скаль въ значительной степени заглушаетъ ихъ шумъ. Но къ вечеру все стихаетъ, чему Эдвардъ самъ былъ не разъ свидѣтелемъ. Находясь однажды вблизи Пэннана, онъ шелъ вдоль мыса, по вершинѣ его, чтобы взглянуть поближе, если удастся, на орловъ, известныхъ обитателей

лей этого мыса. На этот разъ ему не посчастливилось: онъ замѣкался въ пути, и надвигавшіяся сумерки заставили его покинуть это мѣсто, не достигнувъ желаемаго. Обратная дорога его шла вдоль самаго берега. Раздумывая о своей несбыточной надеждѣ, медленно подвигался онъ впередъ, не замѣчая какъ бѣжало время и стало уже совершенно темно, когда онъ подошелъ къ поросшему деревескомъ холмистому берегу Трупа. Тутъ только онъ замѣтилъ, что уже почти ночь, и въ то же время почувствовалъ сильную усталость. За день онъ вынесъ много трудностей въ пути—много подъемовъ, спусковъ и т. п. Охотнѣе всего онъ зашелъ бы переночевать къ своему старому товарищу по мастерской въ Гарденстоунѣ, но при такой усталости, онъ зналъ, путешествие это заняло бы у него около 2-хъ часовъ. Поэтому онъ рѣшилъ остататься тамъ, гдѣ былъ, или лучше спуститься на ночлегъ поближе къ Troup-Head, гдѣ заодно могъ видѣть какъ проводить ночь его первые друзья.

Мѣсто его ночлега было довольно дикое. Это было не что иное, какъ Hell's Lum. Мѣсто это онъ зналъ хорошо, такъ какъ подходилъ къ нему и съ суши, и со стороны моря, и въ бурю, и въ хороший день. Теперь онъ собирался провести тамъ ночь: погода была тихая, море—какъ зеркало, и онъ не боялся промокнуть въ теченіе недолгихъ часовъ своего отдыха. Теперь онъ находился подъ защитой скаль и вблизи гнѣздавшихся тутъ массами морскихъ птицъ. Время года для нихъ самое рабочее: птицы цѣлый день были очень шумны, но съ наступленіемъ ночи затихли. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отдельныхъ криковъ, быть можетъ, спугнутыхъ въ гнѣздахъ птицъ, ночь была тиха, но Эдвардъ почти все время не спалъ и прислушивался.

Но съ первыми же лучами занимавшагося дня, когда онъ только-что началъ щевелиться и вылезать изъ своей ямы, то ему показалось, что онъ слышитъ какъ нѣкото-

рыя птицы начинаютъ уже какъ-бы хныкать и зѣвать, какъ-бы готовясь къ предстоящей дневной работе. А когда онъ обогнуль Крови-Гидъ, то скалы уже были полны жизни, и массы морскихъ птицъ снова принялись за свою кипучую дѣятельность.

ГЛАВА XIII.

ЛИТЕРАТУРА И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Большое горе испыталъ Эдвардъ въ 1854 году. Другъ его, достопочтенный м-ръ Смитъ, скончался. Это былъ человѣкъ широкаго образованнаго ума и теплого сердца, чѣмъ привязывалъ къ себѣ всѣхъ, кто входилъ съ нимъ въ сношенія. Во всемъ сосѣдствѣ это былъ едва ли не единственный образованный человѣкъ, оцѣнившій Эдварда. Онъ былъ не только другомъ, но и помощникомъ для него. Эдвардъ былъ всегда подъ впечатлѣніемъ того, что люди смотрѣли на него свысока, на него и на его произведенія, потому что онъ былъ простой бѣдный башмачникъ. Были люди, которые знали о настойчивости Эдварда, о его самопожертвованіи и безропотности, а также объ его усилияхъ подняться выше своего общественнаго положенія, но они не помогали ему, какъ то дѣлалъ м-ръ Смитъ. Какъ истинный христіанинъ, онъ считалъ бѣднаго человѣка своимъ другомъ. Онъ обращался съ нимъ какъ съ равнымъ себѣ. Башмачникъ изъ Банфа былъ всегда желающимъ гостемъ въ домѣ священника въ Монкгиттерѣ.

М-ръ Смитъ помогалъ Эдварду книгами: онъ одолжалъ ихъ изъ своей собственной библиотеки, а также заимствовалъ и у другихъ, чтобы удовлетворить любознательность Эдварда по вопросамъ естественной исторіи. Онъ гулялъ вмѣстѣ съ нимъ по полямъ, удивляясь его наблюдатель-

ности; онъ же заставилъ его записывать его наблюденія, чтобы потомъ опубликовать ихъ и сдѣлать доступными для публики.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ м-ръ Смитъ писалъ Эдварду: «Я признаю, что это большой недостатокъ въ естественныхъ наукахъ, что мы такъ мало знаемъ о настоящихъ привычкахъ, инстинктахъ и образѣ жизни животныхъ. Ваши личная тщательная наблюденія сослужить немалую службу для пополненія этого пробѣла, хотя найдутся личности мудрыя и ученые въ своемъ собственномъ сознаніи, которые сочтутъ эти наблюденія баснословными,— и это ни по какой другой причинѣ, какъ только потому, что въ теченіе всей своей жизни они упражняли свои способности только въ ъѣдѣ, питьѣ и спанье, и все остальное проходило мимо ихъ глазъ и ушей».

Мы видимъ изъ одного письма профессора Дикки, что м-ръ Смитъ старался получить для Эдварда мѣсто хранителя английскіхъ птицъ естественно-исторической коллекціи въ королевскомъ коледжѣ въ Абердинѣ. Много дружескихъ писемъ было написано между священникомъ и Эдвардомъ то касательно новонайденныхъ птицъ, то о какихъ-либо затрудненіяхъ или болѣзняхъ въ той или другой семье. Настоянія м-ра Смита, чтобы Эдвардъ записывалъ свои наблюденія для печати, не были, какъ мы уже видѣли, безуспешны, такъ какъ Эдвардъ сдѣлался со временемъ сотрудникомъ «Натуралиста», «Зоологиста», «Ибиса», «Журнала Линнея» и въкоторыхъ другихъ естественно-историческихъ изданій.

Въ одной изъ статей «Zoologist'a» Эдвардъ разсказываетъ объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся въ одну изъ послѣднихъ экскурсій съ его почтеннымъ другомъ. Она касается *тетервки* (*Perdix cinerea*).

Тетервка необыкновенно вѣрная и заботливая мать; когда у нея есть яйца, она никогда не оставитъ гнѣзда, не закрывъ ихъ такъ тщательно, чтобы было почти не-

возможно угадать ихъ присутствіе, и если вы ее застанете врасплохъ, она, прихрамывая на одной ногѣ и волоча по землѣ крыло, уходить какъ будто раненая.

«Прогуливаясь, однажды, съ моимъ другомъ, почтеннымъ м-ромъ Смитомъ по Вэгль-Тиль мнѣ случилось наблюдать тетерку, скорчившуюся на землѣ между верескомъ совсѣмъ у моихъ ногъ; я совершенно близко подошелъ, прежде чѣмъ замѣтилъ ее. Такъ какъ это было лѣтомъ, то я тотчасъ догадался въ чѣмъ дѣло, и при приближеніи моего друга обратилъ вниманіе на птицу, надъ которой я стоялъ. «О,—сказалъ онъ,—она, навѣрно, мертвая; м-ръ Эдвардъ!»—Нѣть,—ответилъ я,—подъ нею яйца или птенцы. —«Хорошо, если такъ, то это очень странное обстоятельство, но мы увидимъ»,—ответилъ онъ. Затѣмъ, наклонившись, онъ тронулъ птицу, но она не пошевелилась. «Она должно быть живая,—сказалъ онъ,—потому что теплая, но она, вѣроятно, ранена, потому что не можетъ ни подняться, ни летѣть».—Нѣть,—возразилъ я еще разъ:—подъ нею что-либо есть, чего она не хочетъ оставить.—Птица позволила ему даже ударить себя, но не пошевелилась, лишь, обернувъ голову, посмотрѣла на него. Когда подошелъ Санчо—собака моего друга—и сталъ еї обнюхивать, птица отползла въ кусты на нѣкоторое разстояніе, потомъ полетѣла, оставивъ гнѣздо съ 15 яйцами на нашихъ глазахъ. Прежде чѣмъ уйти, мы тщательно накрыли верескомъ гнѣздо, чтобы по возможности спрятать его драгоценное содержимое; не стоитъ прибавлять, что мы оба были въ восторгѣ отъ видѣннаго чами. М-ръ Смитъ особенно былъ пораженъ этимъ случаемъ, такъ какъ никогда ничего подобнаго ему не доводилось видѣть, и онъ замѣтилъ:—«Я искренно думаю, что не могъ бы повѣрить этому факту, если бы самъ не былъ тому свидѣтелемъ». Впослѣдствіи онъ вспоминалъ объ этомъ всегда съ восхищеніемъ».

Къ друзьямъ Эдварда принадлежалъ еще достопочтен-

ный Александр Бойдъ, съ которымъ его познакомилъ м-ръ Смитъ. Селеніе Краймондъ, гдѣ былъ м-ръ Бойдъ пасторомъ, находилось въ 35 миляхъ отъ Банфа, въ 10 отъ Петергіда и около 7 отъ Фразербурга. Неподалеку отъ этого селенія находится озеро Стратбегъ, лтиль котораго м-ру Смиту хотѣлось дать возможность Эдварду понаблюдать.

Озеро Стратбегъ, въ то время, въ восточной своей оконечности соединялось съ моремъ, но въ началѣ прошлаго столѣтія, во время одной изъ страшайшихъ бурь при восточномъ вѣтрѣ, не только отверстіе, соединившее его съ моремъ, было засыпано, но и надуло цѣлый песчаный холмъ, и озеро превратилось совершенно въ прѣсноводное, какимъ и остается до настоящихъ дней. Окружающая мѣстность очень живописна, а само озеро представляетъ много заманчиваго для охотниковъ, благодаря большому количеству дичи, его посѣщающей и гнѣздищейся на его островахъ и въ болотахъ, находящихся у его восточнаго края.

Достоинчайший м-ръ Бойдъ былъ приходскимъ священникомъ Краймона, и его гостепріимный домикъ всегда былъ открытъ для Эдварда, когда онъ посѣщалъ сосѣднія мѣстности. Въ одномъ изъ писемъ, обращенныхъ къ Эдварду, м-ръ Бойдъ говоритъ: «У насъ есть какъ разъ комната, для васъ подходящая, и вамъ будетъ предоставлена свобода въ вашихъ экскурсіяхъ, гдѣ и когда вамъ угодно. Комната расположена такъ, что вы можете входить и выходить во всякое время дня и ночи, никого не беспокоя. Въ буфетѣ всегда найдется что-нибудь, чтобы вамъ подкрепиться, когда вы уходите съ утренней зарей или возвращаетесь ночью домой; хотя бы въ домѣ все спали. Итакъ, вы можете пробыть у насъ цѣлую ледѣлю, если расположены. Моя рыбачка лодка всегда къ вашимъ услугамъ, и я надѣюсь, что буду въ состояніи когда-нибудь сопровождать васъ въ вашихъ странствованіяхъ, хотя те-

перь я уже и не такой подвижной, какимъ былъ... М-съ Бойдъ теперь совершенно здорова, хотя проболѣла долго послѣ того, какъ вы были здѣсь. У настѣ есть маленький зоологический образецъ, чтобы показать вамъ, который стоитъ всѣхъ рѣдкихъ птицъ Стратбega, взятыхъ вмѣстѣ!»

Количество водяныхъ птицъ, найденныхъ Эдвардомъ около озера, было очень велико. Зимою слетались сюда птицы изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ въ баснословномъ количествѣ, лѣтомъ же многочисленныя и различныхъ видовъ птицы гнѣздились и выводили тутъ своихъ птенцовъ. Окрестные жители говорятъ, что зимой сюда слетаются птицы со всего свѣта. Въ суровыя зимы, когда океанъ часто бушуетъ, случается, что и морскія птицы залетаютъ сюда и, перемѣшиваясь съ иноземцами, образуютъ весьма пеструю толпу. Количество птицъ такъ велико, что послѣ выстрѣла онѣ, подымаясь сразу, буквально затмняютъ небо, а шумъ, ими издаваемый, рѣшительно оглушаетъ.

Къ самымъ крупнымъ птицамъ, посѣщающимъ озеро, припадлежитъ лебедь. Эдвардъ нашелъ тамъ прекраснаго бѣлаго хохлатаго—*Cygnus ferus* и не менѣе красиваго и наряднаго польского лебедя (*Cygnus imitabilis*). Гусей было безчисленное множество: перелетный гусь (*Anser segetum*), красноногій (*Anser brachyrhynchus*), бѣлоногій (*A. erythropus*), канадійскій (*A. canadensis*) и др. и даже египетскій (*A. egyptiacus*). Этотъ послѣдній былъ открытъ самимъ м-ромъ Бойдомъ. Въ письмѣ къ Эдварду отъ 24 ноября 1853 года онъ говоритъ: «Недавно, утромъ мнѣ сообщили, что на моей мельничной плотинѣ была какая-то странная птица гусиной породы. Я вышелъ посмотретьъ съ подзорной трубой въ одной руцѣ и съ двустволкой, заряженной № 1, въ другой. Я сначала разглядѣлъ ее въ трубу на разстояніи 100 ярдовъ и замѣтилъ слѣдующее: размѣры и выѣшний видъ—дикаго гуся, голова коричневая съ сѣрымъ, затылокъ ярко-коричневый съ металлическимъ блескомъ,

грудь и спина сбряя, хвостъ темный или черный, концы крыльевъ такие-же, но блестящіе, клювъ и ноги красноватые; темное кольцо вокругъ шеи и такое-же пятно посреди груди. Онъ щипалъ нѣжную траву на краю плотины. Я подошелъ ближе. Вмѣсто того, чтобы улетѣть, онъ спокойно поплылъ на другую сторону пруда и казался или очень усталымъ, или привычнымъ къ присутствію человѣка. Я былъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ него, но, заключая по его спокойному состоянію, что онъ ручной, я сообразилъ, что, вѣроятно, онъ принадлежитъ кому-нибудь. Я пошелъ, взять зерна и посыпалъ его на берегу. Какъ только я отошелъ, гусь тотчасъ-же принялъся подбирать его. Впослѣдствіи, вспугнутый чѣмъ-нибудь, онъ описывалъ большой кругъ и возвращался снова. Наконецъ, онъ каждый вечеръ сталъ уходить на озеро, поутру возвращаясь къ своей ъдѣ. Я боюсь, что онъ долго не существуетъ, хотя я даль знать во все стороны, чтобы его не подстрѣлили. Я былъ бы радъ, если бы онъ могъ быть прирученъ. Я бы желалъ, чтобы вы посмотрѣли въ вашихъ книгахъ и сказали-бы мнѣ, что это за птица, такъ какъ такого рода экземпляровъ я не встрѣчалъ раньше».

По обстоятельному описанію м-ра Бойда, Эдвардъ былъ въ состояніи сообщить ему, что это могло быть не что иное, какъ образецъ рѣдкаго рода египетскихъ гусей. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія на мельничномъ ставѣ м-ра Бойда, птица улетѣла наканунѣ страшной снѣжной бури въ январѣ 1854 года и больше не возвращалась. Впослѣдствіи м-ръ Бойдъ имѣлъ возможность удостовѣриться въ правильности опредѣленій Эдварда. Онъ былъ въ Ливерпуль и, зайдя на одинъ птичникъ, замѣтилъ птицу, совершенно сходную съ той, которая гостила у него въ прудѣ. На вопросъ его: что это за птица, ему отвѣтили, что это былъ египетскій гусь.

Всевозможные сорта дикихъ утокъ, чирки, свищи, нырки, горихвостки, желѣзистоногие, крахаль, широконосы, юко-

сунъ, гавка, гагара—посещаютъ озеро обыкновенно зимой. Утокъ по меньшей мѣрѣ въ десять разъ больше, чѣмъ гусей. Тамъ бываютъ *стрыя* (*Fuligula marila*), *хоклатыя* (*F. cristata*), красноголовыя (*F. ferina*), *золотомазыя* (*Clangula garrotta*). Разныхъ видовъ гагары также водятся на озерахъ. Выль, кулики, бекасы, пигалицы, водяные курочки и проч.; все это птицы, встрѣчающіяся на озерахъ очень часто зимою; также и многочисленныя стаи морскихъ и береговыхъ птицъ различныхъ породъ, которыхъ залетаютъ на озеро только на время бури, ища защиты.

Съ наступленiemъ весны птицы начинаютъ тревожиться. Стai одна за другой поднимаются и птицы улетаютъ ежедневно. Наконецъ, большинство зимовавшихъ птицъ исчезаетъ и появляется совершенно другой составъ ихъ. Теперь вы можете слышать пронзительный свистъ красногаго лозника, веселое щебетанье жаворонка, меланхолическая нотки трясогузки, крикъ кулика, игривый пискъ пигалицы и луговки.

Въ разсказѣ «Птицы Стратбega», который Эдвардъ позднѣе напечаталъ въ *Натуралистъ*, онъ упоминаетъ объ оригинальномъ способѣ, употребляемомъ ржанкой для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ ея гнѣзда.

Однажды, бродя въ іюль мѣсяцѣ по песчанымъ отмелямъ, пріятель, бывшій съ Эдвардомъ, выстрѣлилъ въ морскую ласточку. Не зная въ кого цѣлился онъ, Эдвардъ увидѣлъ передъ собою ржанку и думалъ, что это и была намѣченная птица. Она хромала и, волоча крыло, имѣла видъ тяжело раненой; потомъ легла, какъ подстрѣленная. Тогда Эдвардъ подошелъ и положилъ на неѣ руку, чтобы ей помочь; птица поднялась и полетѣла. Затѣмъ она свалилась снова, прихрамывала, подпрыгивала, подвигаясь при этомъ впередъ, какъ-бы приглашая его слѣдовать за собою. «Я постоялъ нѣсколько секундъ, — говорить Эдвардъ, — соображая слѣдовать или вѣтъ, и затѣмъ двинулъся, рѣшивъ достать ее. Птица улетала, то заманивая,

то съ трудомъ подвигаясь; я съ жаромъ гнался за нею; такъ мы кружились, и я влѣзать на всѣ песчаные холмы, пока окончательно не измучился. Ничто, кроме новизны дѣла, не могло заставить меня такъ гнаться за раненой птицей.

Мы продолжали такимъ образомъ, пока я не убѣдился, что такимъ путемъ я ничего не достану, поэтому я повернулся и пошелъ ей на встрѣчу; столкнувшись съ нею, я готовъ былъ уже схватить ее, какъ, къ моему удивленію, она опять встрепенулась и улетѣла. На этотъ разъ, она пролетѣла недалеко; опять внезапно упала и лежала какъ мертвая на пескѣ. «Ну, ужь теперь ты моя», подумалъ я, замѣтивъ это, и приготовился поднять и положить ее къ себѣ въ карманъ. Но снова повторился тотъ же маневръ: птица улетѣла, чтобы черезъ нѣсколько времени упасть за однимъ изъ высокихъ холмовъ. Это былъ очень красивый экземпляръ, и, боясь потерять ее совершенно, я рѣшилъ прекратить охоту на дикихъ гусей. Приготовивъ ружье, я пошелъ въ томъ направлениіи, где упала птица. Она не поднималась и, сколько я ни искалъ ее вокругъ, птицы не было. Встрѣтивъ моего пріятеля, я спросилъ, стрѣляли ли онъ въ ржанку. Нѣть, онъ стрѣлялъ въ ласточку, «но,—прибавилъ онъ,—я нашелъ гнѣздо и молодой выводокъ этой птицы», и черезъ нѣсколько минутъ мы стояли около птенцовъ. Мѣсто это было всего на разстояніи какихъ-нибудь 3 ярдовъ отъ того, где мое вниманіе впервые было привлечено, повидимому, раненой птицей. Собравъ маленькихъ еще пушистыхъ птенцовъ и положивъ ихъ въ песчаную ямку, мы отправились. Поступивъ такъ, мы думали встрѣтить мою ржанку, которая снова начала бы свои шутки. Но, нѣть, слишкомъ поздно: правда вышла наружу—птица окончательно обманула меня, и мой пріятель отъ души смеялся надъ моей ошибкой».

Во время одного изъ посѣщеній Эдвардомъ пастора, у которого собралось нѣсколько сосѣдей, послѣ обѣда, когда

дамы вышли изъ комнаты, м-ръ Бойдъ выразилъ свое удивлениe по поводу того, что ничего не было сдѣлано для Эдварда, чтобы дать ему возможность удѣлять больше времени для своихъ изслѣдований и занятій по естественной исторіи. Присутствующие сочувственno отнеслись къ этому, и м-ръ Бойдъ предложилъ напечатать въ Фразербургскомъ листкѣ замѣтку, которую слѣдовало бы распространить среди окрестныхъ обывателей. Приводимъ выдержки изъ этой замѣтки.

«Въ теченіе прошлаго мѣсяца нашъ округъ посѣтилъ м-ръ Эдвардъ изъ Банфа, весьма почтенный натуралистъ, одинъ изъ тѣхъ, который, мы не сомнѣваемся, вскорѣ будетъ повсемѣстно извѣстенъ, какъ неутомимый изслѣдователь природы, а также и авторъ цѣнныхъ сообщеній въ различныхъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ. Хотя его интересуютъ всѣ отрасли естественной исторіи, но, повидимому, болѣе всего занимаетъ его орнитологія, въ чемъ немало поддерживалъ его покойный достопочтенный м-ръ Смитъ...

Мы отъ всего сердца желаемъ м-ру Эдварду всевозможнаго успѣха въ предпринятыхъ имъ изысканіяхъ. Для такого достойнаго человѣка желаніе привлечь вниманіе на свои попытки къ усовершенствованію и расширенію своихъ познаній — лишь справедливо, тѣмъ болѣе, что ему приходится бороться съ различными затрудненіями. Примѣръ, подражать которому можемъ рекомендовать всѣмъ, въ особенности юношеству! Очень хорошо было бы, если бы наши мастѣровые, вмѣсто того, чтобы даромъ терять время, посѣща разныя мѣста, унижающія ихъ человѣческое достоинство, взяли бы хоть страничку изъ исторіи м-ра Эдварда или отправлялись въ хороше лѣтніе вечера на лоно природы. Хорошо, если-бы, вообще, люди посвящали больше времени мирнымъ картинамъ природы, наблюденіямъ надъ царствомъ животныхъ; прислушивались бы къ жужжанію пчель и пѣнію птицъ, замѣчая особенности

нрава и образа жизни насѣкомыиъ и поучаясь у нихъ, обогащали свой умъ полезными и интересными свѣдѣніями».

Цѣль м-ра Бойда при печатаніи этой замѣтки была --- привлечь вниманіе рабочихъ классовъ къ изученію природы и онъ былъ того мнѣнія, что Эдвардъ долженъ стараться распространять между ними свѣдѣнія, добытыя имъ рядомъ многочисленныхъ опытовъ. Онъ предложилъ, чтобы Эдвардъ прочелъ нѣсколько элементарныхъ лекцій по естественной исторіи, иллюстрируя ихъ различными образцами произведеній природы. Лекціи должны были сначала читаться въ Банфѣ, а если будутъ имѣть тамъ успѣхъ, то могли бы быть повторены въ Фразербургѣ и другихъ городахъ. Эдвардъ приступилъ къ приготовленію коллекцій и подготовилъ около двухсотъ образцовъ для демонстрированія; затѣмъ началь переговоры по поводу покупки сильнаго увеличительного стекла, чтобы слушатели могли лучше разглядывать всѣ мельчайшія чудеса природы.

Такъ какъ въ Банфѣ было общество, имѣвшее цѣлью, между прочимъ, «помогать и поддерживать національные таланты», то м-ръ Бойдъ думалъ, что члены этого общества сразу предложить свое содѣйствіе и примутъ сердечное участіе въ его предпріятіи. Онъ предложилъ имъ составить частный комитетъ, чтобы принять подъ свое покровительство эти лекціи. Эдварда просили назвать нѣсколько лицъ въ Банфѣ, съ которыми м-ръ Бойдъ могъ бы снести по этому поводу. Это его поставило втупикъ, такъ какъ Эдвардъ зналъ всего лишь нѣсколькихъ, такихъ же, какъ онъ, ремесленниковъ; тѣмъ не менѣе онъ назвалъ фамилію одного господина, отъ которого ожидалъ поддержки, но этотъ послѣдній вѣжливо уклонился. Эдвардъ назвалъ другого, и этотъ другой отклонилъ также его просьбу. Такимъ образомъ, предложеніе, отъ которого м-ръ Бойдъ ожидалъ такъ многаго, рухнуло, и больше о немъ не думали.

Вскорѣ послѣ этого, м-ръ Бойдъ внезапно скончался. Эдвардъ слѣдующимъ образомъ описываетъ это событие:

«Еще вчера, въ полдень, другъ мой, достопочтенный м-ръ Байдъ, человѣкъ, полный жизни и силы и, повидимому, обѣщавшій прожить еще долгіе годы, оставилъ свою молодую добрую подругу съ двумя цвѣтующими малютками, чтобы пойти на короткую прогулку съ однимъ изъ сосѣдей! Увы! дѣйствительно, коротка была эта прогулка! и, горе мнѣ, никогда уже не повторится... Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ упалъ и тутъ же умеръ. Это второй уже изъ моихъ друзей. Жестокая смерть! Если твоя рука будетъ продолжать такъ косить вокругъ меня, то скоро, скоро я останусь одинъ, и кто же тогда обратитъ вниманіе на бѣднаго натуралиста! Дѣйствительно, прихожане Кримонда могутъ говорить: мы потеряли такого человѣка, котораго не найдемъ уже никогда. Милосердіе можетъ горевать и религія пусть оплакиваетъ его преждевременный конецъ, потому что въ немъ они потеряли друга на землѣ, а я потерялъ въ немъ и друга, и благодѣтеля».

Эдвардъ закончилъ свою статью «Птицы Стратбека» черезъ два дня послѣ смерти м-ра Байда. Написана она была по его настоянію и была напечатана въ «Натуралистѣ»; это была одна изъ первыхъ статей, подъ которой Эдвардъ подписалъ свое имя. Какъ только имя Эдварда и адресъ его появились на страницахъ журналовъ, его начали осаждать письмами со всѣхъ сторонъ. Англійскіе торговцы предлагали ему обмѣниваться чучелами; частные люди предлагали ему меняться бабочками, мотыльками; профессора, занимавшіеся различными экспериментами съ яйцами, просили у него яицъ отъ разныхъ породъ птицъ. Одинъ натуралистъ, изъ Норфолька, пожелалъ имѣть коллекцію грудныхъ костей птицъ. «Я не сомнѣваюсь, — говорить Эдвардъ, — что многіе изъ моихъ корреспондентовъ сочтутъ меня невѣжей, но, право, нужно употребить цѣлое состояніе на марки, чтобы отвѣтить имъ всѣмъ».

Получая воззванія и письма отъ натуралистовъ съ различныхъ сторонъ своей родины, Эдвардъ и самъ часто обра-

щался къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ просьбой сообщить на-
званія собранныхъ имъ образцовъ. Мы находимъ, между
прочимъ, письмо м-ра Макдональда, секретаря Эльгинскаго
музея, относительно 85 зоофитовъ, посланныхъ ему Эдвар-
домъ для установленія ихъ точныхъ названій. Эдвардъ не
имѣлъ другого способа узнать научныя названія для пред-
метовъ своихъ наблюдений. «Точно установить названія,—
говорить м-ръ Макдональдъ,—стоило мнѣ не малаго труда
и времени. Нѣкоторые изъ зоофитовъ очень интересны;
другіе же и интересны, и рѣдки. Одинъ или два образца
есть такихъ, которые до сихъ поръ не встрѣчались на на-
шихъ берегахъ; они кажутся совершенно новыми видами».
Мы видимъ также, что Эдвардъ переписывался съ извѣ-
стнымъ лондонскимъ натуралистомъ м-ромъ Стоунтономъ
относительно различныхъ бабочекъ, мотыльковъ и др. на-
сѣкомыхъ.

Но жить зоофитами и бабочками Эдвардъ, конечно, не
могъ. Увеличившаяся и подраставшая семья его требо-
вала все большихъ заботъ и вскорѣ, послѣ появленія его
статьи въ «Натуралистѣ», онъ сталъ обращаться къ раз-
нымъ лицамъ, вща какого-либо мѣста. Онъ готовъ былъ
служить въ полиціи, въ таможнѣ или гдѣ бы то ни было,
лишь бы получать достаточно для поддержанія своей семьи.
По этому поводу, одинъ изъ его друзей во Фразербургѣ
обращался къ м-ру Чарльзу Пичу, таможенному чиновнику
въ Викѣ. М-ръ Пичъ былъ извѣстный натуралистъ, имя
котораго находится въ связи съ послѣдними открытиями
въ области геологіи. Онъ посыпалъ Эдварда съ однимъ та-
моженнымъ служащимъ въ Банфѣ. Въ отвѣтъ на обраще-
ніе къ нему изъ Фразербурга онъ написалъ: «Я знаю на-
шего друга м-ра Эдварда изъ Банфа и много думалъ о
немъ за послѣднее время. Я удивлялся, какъ справляется
онъ съ вопросомъ о насущномъ хлѣбѣ. О, эти животныя
потребности! какъ часто тяжелымъ гнетомъ ложатся они
на интеллектуальную сторону человѣка, не столько по от-

ношенню самого себя, сколько ради тѣхъ, кто отъ насъ зависитъ. Я думалъ о прекрасной женѣ Эдварда и объ ея семи дѣвочкахъ, видѣнныхъ мною въ Банфѣ. Всѣ онѣ такія миленькия, благовоспитанныя, чисто одѣтыя, въ большої комнатѣ, стѣны которой покрыты витринами съ чучелами птицъ. Когда мы зашли къ нему, мнѣ и моему товарищу предложили сладкій пирогъ и по стакану вина, мнѣ жаль было, что я долженъ быть отказаться отъ вина, но вы знаете, что я принадлежу къ обществу трезвости; пирогъ же я принялъ съ благодарностью. А теперь что я могу сдѣлать для этого хорошаго человѣка?...»

Продолжая, м-ръ Ничъ говорить, что у нихъ въ гавани много людей, служба которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы ходить дозоромъ по берегу, выслѣживая контрабандный подвозъ водки, табаку и проч.; что онъ могъ бы дать Эдварду подобное занятіе, но это не можетъ быть постояннымъ, возрастъ же его не позволяетъ ему получить мѣсто таможенного надсмотрщика. «Я не теряю изъ вида,—заканчиваетъ м-ръ Смитъ,— мѣста субкуратора: это было бы то, что нужно; 40 или 50 фунтовъ въ годъ было бы превосходно».

Предположенія эти закончились полнымъ разочарованіемъ. Переселиться въ Упкъ для того, чтобы получить только временное занятіе Эдвардъ не могъ, а постояннаго мѣста не было; поэтому онъ продолжалъ по старому: башмачное ремесло и занятія естественной исторіей. Но возрастающія потребности семьи давили его, и въ началѣ 1855 года мы снова видимъ объявление о продажѣ его коллекцій и птицъ. Опять онъ долженъ былъ обратиться къ этому средству, которое спасло его на время, но за то пришлось разстаться съ плодами своихъ многолѣтнихъ трудовъ.

По прежнему Эдвардъ продолжалъ писать въ периодическихъ изданіяхъ. Къ концу 1855 года мы находимъ въ журналѣ «Зоологістъ» его статью подъ названіемъ «Охота

на мотыльковъ или вечеръ въ лѣсу», а въ слѣдующемъ году онъ печаталъ въ томъ же журналѣ «Списокъ птицъ Банфшира съ рассказами изъ ихъ жизни». Списокъ этотъ былъ подраздѣленъ на 8 отдѣловъ, появившихся въ 1856 г. и въ два послѣдующихъ года. Хотя статьи его всегда принимались охотно, но доходовъ его онъ не увеличивали, потому что онъ никогда не получалъ ни за одно изъ своихъ сообщеній ни одного фартинга.

Прежде чѣмъ покончить съ описаніями птицъ Эдварда позволимъ себѣ привести иѣсколько выдержекъ изъ его журнальныхъ замѣтокъ. И сначала о пѣвчихъ птицахъ.

«Пѣвчій дроздъ (*Turdus musicus*). Кто изъ васъ, бродя по заросшей густою травой долинѣ или по опушкѣ, поросшій верескомъ и дрокомъ, ранней весной, услышавъ иѣжный голосъ этого пѣвца лѣсовъ и рощъ, не поражался его мелодичностью и не наслаждался особынными богатствомъ и мягкостью его тоновъ? Что касается меня, то я долженъ сказать, что изъ всѣхъ птицъ, населяющихъ и оживляющихъ наши лѣса, эту я люблю больше всѣхъ. Для меня въ ея пѣніи есть особая какая-то сладость, которой не обладаетъ ни одна, или лишь весьма немногія, изъ пѣвчихъ птицъ. Кроме того, она одна изъ первыхъ привѣтствуетъ своимъ хвалебнымъ гимномъ молодой, начинаящейся годъ.

Слѣдующая за дроздомъ, по моему, птичка, которую я научился прежде всего любить — это жаворонокъ. Какъ часто, о, какъ часто росистое ложе жаворонка служило мнѣ постелью; и тотъ же синій навѣсъ — высокій небесный сводъ — былъ и для меня единственнымъ покровомъ по ночамъ, во время мопхъ странствій. И какъ сладки были эти ночи и какъ коротки онъ казались, когда, обласканный и убаюканный вечернимъ гимномъ жаворонка, я пробуждался съ первыми лучами зари подъ его-же раннюю пѣсенку.

Щегленокъ — тоже хорошая пѣвчая птичка. Если кто

хочеть имѣть птичку въ клѣткѣ, чтобы ублаждать себя ея пѣніемъ, пусть возьметъ самца — помѣсь щегленка и канарейки — и я увѣренъ, что онъ не разочаруется... Гнѣзда щегленка представляютъ одно изъ совершенѣйшихъ дѣлъ природы. Какое это прекрасное произведеніе! Какъ чудесно сплетено! Какъ легка, мягка и тепла его внутренняя стѣнка! Какая человѣческая рука сумѣть подражать этой постройкѣ въ формѣ сферического купола изъ шерсти, перьевъ и мха? Напрасно было бы и стараться!

Снѣгирь, хотя и считается одной изъ любимыхъ комнатныхъ птицъ, но все-же это не настоящая пѣвчая птица, и держать ихъ скорѣе ради красоты, чѣмъ ради пѣнія, хотя, повременамъ, они въ состояніи издавать очень милыя нотки. Что касается ихъ пищи, то надо замѣтить, что большое количество снѣгирей истребляется нашими садоводами потому, что считаются вредными. Между тѣмъ, это фактъ установленный и хорошо известный орнитологамъ, что воробы, зяблики, краснощекіи, снѣгири и другія птички не питаются сами исключительно насѣкомыми, но это составляетъ главную пищу для ихъ птенцовъ. А поэтому какое громадное, безчисленное количество вредныхъ для садовъ созданій они истребляютъ, а мы, близорукіе смертные, не знаемъ этого. Мы все находимся въ потемкахъ относительно той пользы, какую приносятъ намъ эти птички. Пусть только кто-нибудь изъ нихъ появится среди нашихъ посѣвовъ или фруктовыхъ садовъ, какъ поднимается цѣлая буря и крики: берите ружье и перестрѣляйте ихъ всѣхъ! Я надѣюсь, что скоро настанутъ лучшіе дни для этихъ маленькихъ пташечекъ, когда ихъ будутъ беречь и разводить, а не гнать и истреблять».

Рассказываютъ о какомъ-то древнемъ философѣ, убитомъ орломъ, который бросилъ ему на голову черепаху съ намѣреніемъ разбить ея щитъ. Рассказъ этотъ какъ-бы находить подтвержденіе въ описаніи одного случая, пере-

даваемаго Эдвардомъ при описаніи хохлатыхъ и обыкновенныхъ воронъ.

«Ихъ можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего округа въ теченіе цѣлаго года, хотя лѣсничіе и сторожа истребляютъ ихъ, гдѣ только представится возможность. Я удивляюсь, почему не истребляютъ ихъ также и наши рыбаки, потому что они ловятъ ракообразныхъ (*Carcinus moenas*), которые употребляются какъ приманка для рыбъ. Можно бы думать, что раковая скорлупа защищаетъ это животное отъ воронъ; но, нѣтъ! Ворона, поймавъ его, поднимается и затѣмъ бросаетъ съ высоты на камень или скалу, нарочно выбранную ею для этой цѣли. Если скорлупа не сразу разбивается, то птица, поднимаясь всякий разъ выше, повторяетъ эту операцию, пока не достигнетъ желаемаго. Если воронамъ удастся найти подходящій камень, то онѣ пользуются имъ въ теченіе долгаго времени. Я самъ знаю прекрасную высокую скалу, которая употреблялась для этой цѣли подрядъ нѣсколькими поколѣніями воронъ въ теченіе почти 20 лѣтъ.

Хотя вороны эти охотницы до раковъ, но любятъ также и рыбу и, будучи сами хорошими рыболовами, все же рѣдко пропускаютъ случай, чтобы не напасть на цаплю, особенно если она удачно ловить рыбу. Тогда онѣ набрасываются на нее сразу и пробуютъ отнять у нея добычу. Какъ-то, въ началѣ лѣта 1845 года, бродя по холмамъ Бойнди, я слѣдилъ за цаплей, тяжело летѣвшей вдоль берега какъ-бы прочь отъ моря—этой неистощимой, богатой природной кладовой ихъ пищи; она летѣла, преслѣдуемая вороной, за которой, въ нѣкоторомъ разстояніи, летѣли двѣ сороки. Вскорѣ къ нимъ присоединились еще двѣ. Между тѣмъ, цапля очутилась въ открытомъ пространствѣ между двухъ лѣсовъ, и казалось, что ея непріятели намѣреваются продержать ее тутъ, пока она не удовлетворитъ ихъ требованію. Все время, пока продолжалась осада, около получаса, онѣ не давали цаплѣ отлетѣть

на нѣсколько ярдовъ ни назадъ, ни впередъ; всѣ движенія ея ограничивались поперемѣнно подъемомъ и опусканіемъ, чтобы избѣжать нападенія своихъ преслѣдователей. Я спрятался за одинъ изъ кустовъ терна, откуда могъ безъ помѣхи наблюдать за всѣмъ, происходившимъ на полѣ битвы.

Маневры воронъ суть цаплей были изумительны. Всѣ ихъ дѣйствія достойны были наблюденія. Каждый изъ борцовъ такъ хорошо зналъ свое мѣсто, что ни разу не столкнулся съ другимъ во время атаки. Одна изъ воронъ, поднимаясь выше цапли, тотчасъ спускалась надъ нею, стараясь нанести ударъ въ голову; въ то же время другая прицѣливалась съ боковъ, а третья — снизу и сзади. Ворона, нападавшая сзади, схватывала цаплю за ноги, который послѣдняя вытягивала во всю длину при полете, и такимъ образомъ представляла соблазнительный и вызывающій предметъ для нападеній. Такое схватываніе за ноги каждый разъ заставляло цаплю переворачиваться въ воздухѣ, что въ свою очередь служило сигналомъ для взрыва всеобщаго возбужденія воронъ, выражавшимся громкимъ карканьемъ, необыкновенными движеніями и, безъ сомнѣнія, смѣхомъ (если вороны могутъ смеяться), при видѣ, какъ ихъ жертва кувыркается въ воздухѣ, что, благодаря ея непропорціональности, представляло въ дѣйствительности довольно комическое зрѣлище.

Во время одного изъ такихъ кувырканій цапля что-то выплюнула, но это не было замѣчено ни одной изъ воронъ. Когда это «что-то» упало на землю, то сороки, все время стревотавшія вблизи, подлетѣли и сѣѣли это. Не видя никакого облегченія, все также сильно преслѣдуемая, цапля выкинула изъ клюва маленькую рыбку. Это было замѣчено одною изъ воронъ, которая быстро опустилась, подобрала рыбку и улетѣла съ нею, предоставивъ двумъ своимъ товарищамъ доканчивать битву. Цапля, избавившись отъ одного преслѣдователя, рѣшилась улетѣть во

что-бы то ни стало. Но оставшиеся непріятели, недовольные бѣгствомъ товарища или раздраженные продолжительностью борьбы, съ усиленной яростью возобновили нападеніе. Онѣ такъ искусно дѣйствовали, что совершенно не давали цаплѣ свободы и уничтожали всѣ ея попытки къ бѣгству. Измученная, наконецъ, борьбою, цапля снова что-то выкинула изъ клюва; на этотъ разъ, судя по длинѣ, нечто похожее на угря. Замѣтивъ это, нападающія накинулись на угря и тутъ же подрались между собою, послѣдствіемъ чего было то, что угорь, упавъ на землю, достался сорокамъ. Прекративъ драку, вороны набросились на сорокъ и отбили у нихъ добычу. Схвативъ клювами угря съ двухъ сторонъ, вороны до тѣхъ поръ терзали его, пока не разорвали на-двое. Тогда каждая, захвативъ свою часть, улетѣла, и вскорѣ онѣ всѣ скрылись между деревьями. Тѣмъ временемъ цапля была уже на порядочномъ разстояніи: она улетала навѣрное съ разбитымъ сердцемъ, такъ какъ разбойники не только ограбили ее, но и лишили пищи, припасенной ею для семьи».

Вороны нападаютъ также на зайцевъ и кроликовъ. «Однажды утромъ мы гуляли съ пріятелемъ вдоль Деверона, какъ вдругъ вниманіе наше было привлечено чѣмъ то похожимъ на слабый крикъ огорченного ребенка. Посмотрѣвъ по направлению, откуда слышались звуки, мы увидѣли двухъ воронъ, преслѣдовавшихъ зайца, котораго онѣ мучили поминутно: опускались и клевали его. Каждый ударъ направленье былъ въ голову, и каждый разъ послѣ того заяцъ жалобно пищалъ. Удары вскорѣ какъ бы оглушили бѣдное созданье и заставляли его часто припадать къ землѣ. Случайно мы какъ то потеряли изъ вида воронъ, но, безъ сомнѣнія, въ концѣ концовъ онѣ убили и сѣли зайца. Я помню, что въ другой разъ, на холмахъ Бойни, я былъ свидѣтелемъ другой, менѣе дерзкой, атаки. Спрятанный между деревьями и кустами, выжидая пролета кукушки, которую я выслѣживалъ, я замѣ-

тиль небольшого кролика, выскочившаго изъ травы и начавшаго бѣгать и играть вблизи меня. Вдругъ подлетѣла ворона и приблизилась къ кролику, играя и подекакивая, какъ будто бы съ самыми дружескими намѣреніями. Какъ бы желая заключить игру верховой Ѣздой, она вскочила на спину кролика; этотъ послѣдній вырвался и пустился бѣжать, но не долго. Нѣсколько сильныхъ ударовъ вороняго клюва въ голову уложили его мертвымъ въ нѣсколько секундъ.

Къ 1858 году Эдвардъ собралъ новую роскошную коллекцію. Это была третья и, вѣроятно, самая лучшая. Собранныя птицы были въ великолѣпномъ порядкѣ. Большинство изъ нихъ сохраняло свое естественное положеніе: порхали, летали, сопростили кормъ; нѣкоторые съ гнѣздаами и яйцами и птенцами. У него была также большая коллекція насѣкомыхъ и въ ней много рѣдкихъ жуковъ; а также было много рыбъ, ракообразныхъ, моллюсковъ, раковинъ и растеній.

Хотя Эдвардъ продолжалъ еще свои ночные прогулки, но чувствовалъ, что долженъ будетъ ихъ скоро прекратить. Проводить ночи подъ открытымъ небомъ нельзя безнаказанно въ этой странѣ; не столько вреденъ холода, сколько туманъ, порождающій мускульный ревматизмъ и разбивающій суставы. Эдварду часто совѣтовали, уходя на ночь, брать съ собой водку; ему говорили, что когда онъ промокнетъ или озябнетъ, то очень полезно выпить виски, потому что это поддерживаетъ и сохраняетъ здоровье. Всѣ, кто зналъ о его ночныхъ путешествіяхъ, удивлялись, какъ онъ могъ выносить это и оставаться въ живыхъ безъ неограниченного употребленія водки. Но Эдвардъ не только отказывался и никогда не бралъ водки съ собой, но и въ дѣйствительности не пилъ ни дома, ни за стѣнами его. «Я убѣжденъ,—говорилъ онъ,—что если бы я согласился пить въ этихъ случаяхъ, то я никогда бы не могъ выдерживать холода, сырость и все тѣ лишенія, которымъ я

подвергался. Что же касается пищи, то она большою частью состояла изъ овсяныхъ лепешекъ или такого же хлѣба; который мнѣ казался очень сладкимъ и запивался водой изъ ближайшаго ручья. Изрѣдка, когда я это могъ себѣ позволить, жена варила мнѣ одно или два яйца, и это было мое единственное лакомство, но вода всегда была моимъ единственнымъ напиткомъ».

Въ 1858 году Эдварду минуло 44 года. Въ этомъ возрастѣ люди, хорошо питавшіеся и прожившіе безъ нужды, обыкновенно достигаютъ расцвѣта своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Но Эдвардъ провелъ слишкомъ трудовую жизнь. Сколько ночей у него прошло безъ сна, вѣтъ дома, подъ дождемъ и на холоду; сколько приходилось ему лазить по скаламъ и преодолѣвать препятствія! Какъ часто, несмотря на все трудолюбіе, испытывалъ онъ все же лишніе и недостатокъ даже въ самомъ необходимомъ—хотя бы въ кускѣ того же овсянаго хлѣба. Поэтому ничего неѣть удивительного, что къ этому времени въ организмѣ его уже сказывались нѣкоторые признаки наступленія старости. Онъ часто уже подвергался простудѣ и вынужденъ былъ ложиться, страдая ревматизмами, но при первой возможности выходить возвращался опять къ своимъ экскурсіямъ.

Наконецъ здоровье отказалось ему служить, и Эдвардъ вынужденъ былъ позволить себѣ необычайную роскошь — притгласить доктора. Докторъ нашелъ у Эдварда сильнѣйшій ревматизмъ, сопровождаемый жаромъ, и болѣе, изъязвленное горло. Бѣдняга пролежалъ цѣлый мѣсяцъ, но и въ жару мысли его постоянно заняты были его любимцами — птицами. Здоровье возвращалось очень медленно, и докторъ серьезно предупреждалъ Эдварда, уговаривая не возвращаться къ прежнимъ привычкамъ. Ему было сказано, что хотя организмъ его отъ природы крѣпкій и здоровый, но, благодаря постоянному переутомленію и частымъ простудамъ, здоровье его пришло го-

раздо въ худшее состояніе, чѣмъ сначала казалось. Однимъ словомъ, Эдварду ясно было заявлено, что если онъ не прекратить немедленно свои ночные путешествія, то жизнь его не будетъ стоить и гроша. Такимъ образомъ, его трудамъ по естественной истории, казалось, долженъ быть положенъ конецъ.

Теперь являлся вопросъ о расходахъ семьи и докторскихъ визитахъ. Эдвардъ проболѣлъ цѣлый мѣсяцъ, и накопившіеся за это время долги должны были быть неизменно уплачены. Единственнымъ якоремъ спасенія являлась снова его коллекція: чтобы выйти изъ затрудненія, часть ея была продана. Сорокъ ящиковъ птицъ и триста образцовъ мховъ, морскихъ растеній и другихъ предметовъ, не заключавшихся въ ящикахъ, было продано. Послѣ этого Эдвардъ потерялъ всякую надежду, что будетъ когда-нибудь въ состояніи снова пополнить свою разрозненную коллекцію.

Хотя физическія силы Эдварда были почти исчерпаны, но энергія и настойчивость его не покидали. Мы увидимъ дальше, что онъ избралъ другую отрасль естественныхъ наукъ, занятія въ которой доставили ему наибольшее количество лавровъ.

ГЛАВА XIV.

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Изслѣдованія Эдварда коснулись и обитателей глубины. Путешествія его вдоль морского берега, главнымъ образомъ, предпринимались съ цѣлью наблюденія и добыванія морскихъ птицъ. Но уже въ 1856 году мы видимъ его переписывающимся съ м-ромъ Макдональдомъ изъ Эльгина по поводу зооптиковъ, съ м-ромъ Блэкуудомъ изъ Абердина — относительно морскихъ водорослей и съ м-ромъ Спенсомъ Бэтомъ изъ Плимута — о ракообразныхъ. Теперь, когда ему приходилось оставить свои ночные путешествія и отложить въ сторону ружье, онъ рѣшилъ посвятить себя, главнымъ образомъ, изслѣдованію морского побережья.

Тутъ открывалось передъ нимъ широкое поле. Мурэйский заливъ никогда, собственно говоря, не былъ изслѣдованъ подробно относительно морскихъ произведений. Онъ былъ полонъ рыбъ, а также и различныхъ морскихъ произведеній, служащихъ пищей рыбамъ.

Когда профессоръ Макгилливрэй посѣтилъ Эдварда въ Банфѣ, то онъ выразилъ свое удивленіе по поводу скучности списка ракообразныхъ и черепокожныхъ, найденныхъ на берегу Мурэя. Въ дѣйствительности каталогъ рыбъ (за исключеніемъ сельдей, трески, вахни и др. съѣдобныхъ рыбъ) былъ почти пустъ. Это не было вслѣд-

ствіе недостатка морскихъ произведеній: быть недостатокъ въ хорошихъ наблюдателяхъ. Этому обширному полю наблюденій и предполагалъ теперь Эдвардъ посвятить все свое вниманіе.

Въ этой отрасли научныхъ работъ ему представлялись серьезные затрудненія. У него не было никакихъ снастей, ни сѣтки, ни лодки и негдѣ было даже и нанять хоть какую-нибудь лодку. Какъ ему было поступить? Онъ собралъ всевозможные старые горшки, котлы, тазы и ведра, какіе только могъ достать по сосѣству. Наполнивъ все это соломой, травой, лоскутьями старого платья и разными тряпьями, при чёмъ очень пригодилась изрѣзанная старая сюртучная пара, Эдвардъ приготовилъ морскія ловушки. Положивъ тяжелый камень въ середину ловушки, чтобы она погрузилась на дно, и привязавъ къ верхней части веревку, онъ опустилъ свои сооруженія въ наиболѣе глубокіе заливчики, образуемые вдоль берега скалами. Нѣкоторая же онъ бросилъ со скалы подальше въ море, привязавъ веревку къ камню или къ особенно крѣпкой водоросли.

Когда ловушки были снова подняты, Эдвардъ нашелъ въ нихъ мелкихъ рыбокъ, ракообразныхъ, моллюсковъ (въ раковинахъ и безъ нихъ), червей и мелкій сортъ морскихъ мышей, а также и морскія звѣзды. Онъ сносилъ обыкновенно всѣ ловушки къ какой-нибудь высохшей лужѣ и вытряхивалъ все содержимое; отобравъ все, что ему казалось пригоднымъ, онъ снова наполнялъ посудины тряпьями и закидывалъ на прежнія мѣста. Обыкновенно онъ осматривалъ свои ловушки разъ въ мѣсяцъ; зимою же реже, потому что въ это время года рѣдко попадало что-либо въ нихъ.

Эдвардъ посѣщалъ скалистый берегъ на протяженіи нѣсколькихъ миль къ западу и востоку оть Банфа. Онъ переворачивалъ прибрежные камни, вырывалъ водоросли, заглядывалъ во всѣ уголки и пещерки, образуемыя вы-

ступавшими въ море скалами. Въ береговыхъ углубленіяхъ, наполненныхъ морской водой, онъ зачастую могъ наблюдать различныхъ обитателей моря въ ихъ родной стихіи. Если ему случалось встрѣтить что-либо интересное, то онъ, не задумываясь, входилъ въ воду, хотя бы вода была ему даже по шею; случалось ему при этомъ и падать, но ему это было ни почемъ, если удавалось достать желаемое.

Вотъ какимъ образомъ однажды удалось Эдварду поймать барвены (Trigla Blochii). Въ одномъ изъ скалистыхъ углубленій, наполненныхъ водой, образующихъ нѣчто въ родѣ пруда, Эдвардъ замѣтилъ плавающую рыбу. Вѣроятно, во время прилива, барвена очутилась близъ берега и, застрявши между скаль, была застигнута отливомъ, почему и не могла уже выйти въ открытое море. Прудъ же, въ которомъ она очутилась, былъ хотя не глубокъ, но довольно большой, такъ что потребовалось много труда и времени, чтобы поймать рыбу. «Если бы она не была рѣдкостью,—говоритъ Эдвардъ,—то я, вѣроятно, отказался бы отъ своей попытки, признавъ себя побѣжденнымъ гораздо раньше конца. Положимъ, я былъ вполнѣ вознагражденъ въ концѣ-концовъ, кроме забавы, если только найдется другой такой чудакъ, который бы нашелъ забавнымъ, погрузившись чуть не съ головой въ лужу, возиться между скользкими и грязными камнями. Рыба эта не велика, но мой экземпляръ роскошный; въ водѣ, когда она бросается изъ стороны въ сторону, яркие цвѣта ея плавниковъ и пятно на первомъ спинномъ изъ нихъ, скорѣе темно-пурпуровое, чѣмъ черное, очень красивы. Я не слыхалъ, чтобы раньше встрѣчались въ этой части побережья экземпляры этой рыбы».

Зная по опыту, что многія изъ произведеній моря прибываются къ берегу во время прилива, особенно въ бурю, Эдвардъ ходилъ по самому краю моря, въ виду надвигающихся волнъ прилива, готовый поднять все, что попадетъ

на берегъ. Случалось, что онъ замѣчалъ что-нибудь интересное въ водѣ — рыбу или какого-нибудь особенного рака,—что ему хотѣлось поймать, тогда онъ старался добыть заинтересовавшій его предметъ при помощи небольшой газовой сѣтки, приданной къ обручу, и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не доставалъ то, что ему было нужно. Такимъ способомъ пріобрѣль онъ много совершилъ новыхъ предметовъ.

Кажется почти невѣроятнымъ, чтобы можно было достать что-нибудь, бродя по краю берега и тщательно рассматривая, что несетъ съ собою надвигающаяся волна прилива. Но Эдвардъ открылъ много изъ своихъ рѣдкостныхъ насѣкомыхъ, выброшенныхъ такимъ образомъ на берегъ; также добылъ онъ и наиболѣе рѣдкіе экземпляры ракообразныхъ. Правда, этотъ способъ требовалъ неутомимости и постоянства, но Эдвардъ самъ не сомнѣвался, что если-бы здоровье ему не измѣнило, то онъ нашелъ бы гораздо болѣе.

Кромѣ этихъ способовъ добыванія различныхъ произведеній моря, Эдвардъ убѣдился, что для многихъ вдовъ, недоступныхъ для ловли сѣткой и никогда не попадающихъ въ его ловушки, прекраснымъ помѣщеніемъ служатъ корни морской травы. Конечно, они тамъ не оставались въ безопасности для дѣйствій стихій, и если бы не бури, которые отрываютъ подобные предметы отъ скалъ и выбрасываютъ на берега, то эти произведенія морской фауны остались бы неизвѣстными. Послѣ каждой бури, слушавшейся въ Муррэйскомъ заливѣ, Эдвардъ тотчасъ же выходилъ на берегъ и собиралъ выброшенныя волнами морскія травы; нарѣзаль столько, сколько онъ могъ забрать съ собой, и тщательно разсматривалъ ихъ, прида домой.

Рыбаки, да и сами рыбы помогали ему въ его изслѣдованіяхъ. Правда, у него не было ни лодки, ни сѣтей, ни черпака; но крупная рыба сама является вмѣстили-

щемъ множества морскихъ произведеній, тѣмъ болѣе, что она добываетъ пищу далеко отъ берега и на такой глубинѣ, на какой не достанетъ никакой черпакъ. Рыбаки, поймавъ ихъ, привозили съ собой въ гавань со всѣмъ внутреннимъ содержимымъ, и поэтому Эдвардъ старался получать отъ нихъ всѣ внутренности рыбъ. Съ этой цѣлью онъ посыпалъ иногда кого-либо изъ дочерей въ соѣднія рыбакія селенія. Онѣ ходили въ Макдуфъ и Уайтгилль дважды въ недѣлю и одинъ разъ къ рыбакамъ въ Банфъ. Цѣлью ихъ посѣщеній былъ осмотръ рыбакихъ сѣтей и удочекъ, чтобы собрать всѣ водоросли и вообще весь материалъ, къ нимъ приставшій, а также забрать рыбы внутренности, сколько таковыхъ можно было достать.. Одну изъ дочерей онъ послалъ въ Гарденстоунъ, где она и поселилась. Оттуда она посыпала домой съ носильщикомъ два раза въ недѣлю все собранное количество внутренностей. Вся эта «дрянь» (какъ называло большинство) тщательно осматривалась Эдвардомъ, и такимъ способомъ получилъ онъ наиболѣе рѣдкіе виды ракообразныхъ. «Просто удивительно, — говорить онъ, — что только можно получить такимъ путемъ! Право, никто бы не повѣрилъ, не продѣлавъ самъ подобный опытъ».

Взять бы, хоть для примѣра, списокъ кушаний трески. «Внутренностямъ и желудкамъ рыбъ этого вида,—говоритъ Эдвардъ,—главнымъ образомъ обязанъ я лучшими образцами черепокожихъ и ракообразныхъ, которыми я владѣю. Я упомяну лишь о тѣхъ, которыхъ видѣлъ самъ: крабовъ и омаровъ почти всѣхъ видовъ (за исключеніемъ *Nomarus vulgaris*, которого я никогда не находилъ), отъ колючаго каменнаго крабба до обыкновенного рака, и притомъ чаще крупныхъ. Всевозможныя раковины, преимущественно *Fusus antiquus*, и волнистая улитка, иногда со своими владѣльцами, а то и съ посторонними обитателями—для прожорливой трески это безразлично. Креветы, морскія мышки, морскіе ежи, время отъ времени морскія звѣзды,

актинії, все равно — приросшіе къ раковинѣ или къ камню,—все поглощалось этой весьма безцеремонной рыбой. Яйца, мѣшочки акуль и скатовъ, молоки и икра различныхъ породъ рыбъ, въ особенности если она попадалась на водоросляхъ, а также и эти послѣднія и зоофиты—все попадало въ пасть трески. Ничто такимъ образомъ не пропадало. Голотуріямъ, какъ и многимъ другимъ изъ лучистыхъ, почти не было спасенія отъ ея прожорливости. Попадались проглоченные части медузъ, перья съ кусочками птичьего мяса; однажды даже цѣлый остатокъ куропатки съ головой, крыльями и ногами; кусочки олова, обрывки одежды и разъ даже кучка буровыхъ желудей, а что касается рыбъ — кажется, нѣть рыбы, на которую треска, когда она голодна, не напала бы и, въ случаѣ удачи, не проглотила бы. Однимъ словомъ, ничто не избѣгало этой участіи. Однако, этотъ перечень кушаній трески не исчерпываетъ всего того, что она употребляетъ, но все же достаточно показываетъ ея наклонности. Треска хорошо ловится вдоль этой части берега и можетъ быть названа *форелью бѣдняковъ*. Ее солять и сушать въ большомъ количествѣ и разсылаютъ по южнымъ рынкамъ. Вахня, такъ-же какъ и треска, ловится въ изобиліи и пользуется большимъ распространениемъ. Подобно трескѣ, въ желудкѣ рыбъ этой породы натуралистъ можетъ найти также богатую почву для своихъ наблюденій, какъ читатель можетъ предположить изъ предыдущаго письма*).

Чтобы получать всѣ эти морскія произведенія, Эдвардъ не разъ обходилъ всѣхъ рыбаковъ отъ Крови до Портсой и уговаривалъ ихъ помочь ему въ его поискахъ. Онъ говорилъ имъ, что множество предметовъ, представляющихъ большой интересъ для натуралистовъ, ежедневно ими выбрасывается, какъ не имѣющіе для нихъ никакого значенія, между тѣмъ очень важные для науки. «О! — гово-

*) «Naturalist». 1855 г.

рили рыбаки,—мы не можемъ знать, что вамъ собственно нужно: такъ много мусора попадаетъ въ наши сѣти, неужели намъ все это беречь?»—«Да,—возражалъ Эдвардъ,—сохраняйте все, откладывайте въ сторону, а я или мои дочери зайдемъ за этимъ». Лишь немногіе изъ рыбаковъ дѣлали то, о чёмъ просилъ ихъ Эдвардъ; другіе же не понимали этого.

Эдвардъ напечаталъ свою просьбу къ рыбакамъ въ Банфширскомъ журналѣ. «Какъ мало труда, — говорить онъ, — нужно приложить рыбакамъ, когда они поймаютъ какую-нибудь рѣдкую рыбу, крабба или животно-растеніе, или раковину, прицѣнившуюся къ ихъ неводу, чтобы дать подобную вещь для опредѣленія и разсмотрѣнія. Это могло бы быть сдѣлано, и затѣмъ они могутъ распоряжаться вещью въ свою пользу. Или какое же особенное затрудненіе можетъ для нихъ представлять сохраненіе на нѣкоторое время отбросовъ ихъ сѣтей, ради подобныхъ научныхъ цѣлей?

Просто удивительно—какую массу крошечныхъ此刻ий можно иногда найти въ отбросахъ одной только сѣти. Никто бы не повѣрилъ этому, за исключеніемъ тѣхъ, кто имѣеть привычку тщательно осматривать подобныя вещи. Океанъ—это громадный неистощимый источникъ жизней, и обитатели его такъ же многочисленны, какъ песокъ морской. Я самъ, и то при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, собралъ на *Cyprina Islandica* девять различныхъ раковинъ, три экземпляра разновидныхъ морскихъ звѣздъ и пять отдельныхъ видовъ зоофитовъ, не считая червей и множества другихъ паразитовъ. Но это еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что иногда встрѣчается въ этихъ отбросахъ, между тѣмъ все это, можно сказать, почти повсемѣстно выбрасывается, тонется и пропадаетъ. Чтобы доказать вѣрность моихъ словъ, я могу перечислить нѣкоторые предметы, которые были такимъ образомъ отброшены въ сторону тѣми, кто ихъ привезъ на берегъ,

но потомъ снова собраны моими подбирателями и такимъ образомъ сохранены отъ разрушения, попавъ въ мою коллекцію: *Anomia patelliformis*, *Circe minuta*, *Venus cassina*, *Venus fasciata*, *Tellina proxima*, *Tellina crassa*, *Mangelia linearis*, *Pectunculus glycemeris*, *Psammobia tellinella*, *Astarte compressa*, *Corbula nucleus*, *Emarginula reticulata*, *Thracia villosioscula*, *Chiton lavis* etc.

Конечно, я не могу сказать, чтобы это все были новыя разновидности, но все же онѣ принадлежать къ весьма рѣдкимъ раковинамъ. Первая двѣ, если я не ошибаюсь, новы не только для настѣ, но и для всей сѣверной части острова. Въ сочиненіяхъ по конхіологии нигдѣ не упомянуто, чтобы онѣ раньше встрѣчались на берегахъ Морейскаго залива, хотя для другихъ частей британскихъ береговъ онѣ не рѣдкость».

Макдуфскіе рыбаки во многомъ ему содѣствовали. Между рѣдкими рыбами, ими пойманными, были: мелкопятнистая акула (*Scillium canicula*); губанъ съ голубыми полосами (*Labrus variegatus*)—очень рѣдкая рыба; родъ каракатицы (*Loligo vulgaris*) длиною въ 4 фута и превосходный экземпляръ пилы-рыбы около 15 дюймовъ длины. Перечисляя этихъ рыбъ, принесенныхъ ему макдуфскими рыбаками, Эдвардъ спросилъ: «Почему банфскіе рыбаки, а также вайтгильськие никогда не приносятъ никакихъ подобныхъ рѣдкостей? Неужели на ихъ удочки не попадаетъ ничего достойнаго вниманія — достойнаго мѣста въ кабинетѣ натуралиста или на полкахъ музея? Почему не хотятъ помочь они намъ? Это именно вслѣдствіе недостатка доброй воли. Они, какъ и весьма многіе, въ этомъ отношеніи бродятъ еще въ потемкахъ или, лучше сказать, спятъ при дневномъ свѣтѣ; съ открытыми глазами они не видятъ и не слышать этихъ вещей».

Воззваніе Эдварда не осталось безъ отвѣта. Рыбаки начали собирать для него просимое и позволили его дѣвочкамъ очищать отъ хлама ихъ сѣти. Однажды, вечеромъ,

какой-то незнакомый рыбакъ прислалъ ему въ подарокъ *Scomberesox saurus*. Семья Эдварда была очень удивлена, услышавъ на лѣстницѣ чьи-то тяжелые шаги. Одна изъ дочерей выразила предположеніе, что это лошадь съ тельгой; другая — заподозрила нашествіе русскихъ. Дверь внезапно открылась, сильно хлопнувъ по стѣнѣ, и въ комнату, запыхавшись, вбѣжалъ небольшой мальчишка съ раскрытымъ ртомъ. Онъ остановился, дико озираясь въ незнакомой ему комнатѣ, съ трепещущей въ рукахъ у него серебристой рыбой. Наконецъ, придя въ себя, онъ выговорилъ: «Дома Томъ?»—Нѣтъ.—«У меня для него есть звѣрь». — Кто даль его тебѣ?—«Человѣкъ».—Какой человѣкъ?—«Не знаю». — На кого онъ былъ похожъ?—«Не могу сказать. Я знаю только, что у него на руки были перекинутъ сюртукъ». — Но что же онъ сказалъ тебѣ, отдавая животное?—«Онъ только велѣлъ отнести это Тому Эдварду и получить за это пенни».

Рыбу приняли, пенни отдали, и мальчишка снова застучалъ внизъ по лѣстницѣ. Вернувшись домой, Эдвардъ нашелъ прекрасный экземпляръ вышеупомянутой рѣдкой щуки. Въ слѣдующемъ № «Листка» онъ сообщилъ о получении рыбы. Въ замѣткѣ о ней Эдвардъ писалъ: «Кѣмъ была прислана рыба и гдѣ она была найдена (хотя безъ сомнѣнія по сосѣдству, судя по ея свѣжести)—остается до сихъ поръ тайной. Тѣмъ не менѣе, благодаря «человѣка съ перекинутымъ черезъ руку сюртукомъ» такъ же, какъ и другихъ, приношенія которыхъ хотя и не перечисляю, но цѣню. Также благодаря специально рыбаковъ нашего округа не только за ихъ неослабное вниманіе ко всему, что имъ кажется достойнымъ сохраненія, а также, главнымъ образомъ, за ихъ цѣнную помощь и добросердечіе, оказываемое моимъ дѣвочкамъ, когда они приходятъ къ нимъ за своимъ обычнымъ сборомъ».

Дѣти Эдварда были въ это время действительными его помощниками. Старшія дѣвочки, отправляясь на поиски

рѣдкихъ рыбъ, зачастую очень удачно исполняли свои порученія. Одна изъ нихъ, напримѣръ, проживавшая у м-ра Гордона въ Гарденстоунѣ, отправилась какъ-то на зоологическую экскурсію въ направлениі къ селенію Крови. Обходя мысокъ, она замѣтила маленькую рыбку, прибитую къ берегу. М-ръ Гордонъ толкнулъ ее ногой, думая, что она не годится, прибавивъ, что это молодая морская кошка. «Нѣтъ, — сказала Мэгги, — это не морская кошка: слишкомъ тонка для нея. Я не знаю—что это, но я возьму и пошлю домой отцу, потому что онъ просилъ никогда не пропускать ничего подобнаго». Рыба была послана домой и оказалась весьма цѣннымъ экземпляромъ рѣдкой породы.

Въ другой разъ она прислала домой образецъ, чернаго пескаря. (*Gobius niger*), извлеченный изъ желудка трески. Это была первая этой породы рыба, найденная въ Морейскомъ заливѣ, и изъ 6 видовъ ихъ, найденныхъ вдоль береговъ Великобританіи, самая рѣдкая. Мэгги сдѣлала еще хорошую находку въ Фразербургѣ, на зоологической прогулкѣ съ отцомъ. Съ нѣсколькими знакомыми она брала по пескамъ вблизи Бродси, когда замѣтила нѣчто торчавшее на песчаномъ берегу, что она приняла сначала за морскую траву. Она уже хотѣла оставить, но, подстрекаемая любопытствомъ, толкнула и, о, удивленіе! вместо травы, вытащилась длинная рыба. Она тотчасъ же понесла ее отцу, который призналъ въ ней превосходный экземпляръ иглы-рыбы (*Syngnathus aequoreus*), рыбку, передъ тѣмъ никогда не встрѣчавшуюся въ Морейскомъ заливѣ.

Читатель, быть можетъ, удивится — какъ это Эдвардъ зналъ, что вдоль береговъ Великобританіи было поймано шесть видовъ пескаря? Какъ узналъ онъ, что игла-рыба никогда прежде не попадалась въ Морейскомъ заливѣ? И, наконецъ, какъ могъ онъ знать научныя названія рыбъ, ракообразныхъ и животно-растеній, которыхъ онъ собиралъ? Названія были, большую частію, латинскія, а вѣдь онъ никогда по-латыни не учился. Узналъ и выучилъ онъ ихъ,

значить, изъ книгъ. Но вѣдь книгъ у него не было. Какъ часто жаждаль онъ имѣть ихъ, но недостатокъ средствъ не позволялъ ему никогда купить книгу. Заработка ему едва хватало, чтобы прокормить и одѣть дѣтей. При такихъ обстоятельствахъ человѣкъ не можетъ пріобрѣтать книгъ. Случалось, что и дѣтямъ-то приходилось очень плохо: если по болѣзни Эдварду приходилось лежать нѣкоторое время въ постели, то дома было пусто — хоть съ голоду помирай.

Какимъ же образомъ, несмотря на такія затруднительные обстоятельства и постоянно гнетущую нужду, Эдвардъ былъ въ состояніи заниматься естественными науками безъ помощи книгъ? Онъ помогалъ себѣ черезъ корреспондентовъ. Собравъ нѣкоторое количество предметовъ онъ посыпалъ ихъ, по почтѣ, къ разнымъ ученымъ натуралистамъ во всѣ стороны своей страны, чтобы получить настоящія названія для каждого предмета. Они, отвѣчая, указывали на разныя научныя сочиненія и снабжали Эдварда всѣми необходимыми свѣдѣніями.

Эдвардъ посыпалъ образцы ракообразныхъ м-ру Спенсу Бэйтъ въ Плимутъ (Девонширъ); рыбъ — м-ру Кучъ, въ Корнволлісѣ, и разные др. предметы къ своимъ корреспондентамъ въ Норвичъ, Йоркъ, Ньюкаслъ, Бирмингамъ и Лондонъ. Относительно ракообразныхъ, главнымъ его корреспондентомъ былъ пасторъ Георгъ Гордонъ, въ Эльгиншире. Такимъ образомъ, онъ получалъ свои научныя знанія не изъ своихъ книгъ, а изъ книгъ людей, жившихъ иногда на противоположномъ концѣ острова.

Правда, когда-то поговорили о томъ, чтобы снабдить Эдварда книгами, облегчить ему этимъ его научныя изслѣдованія. За общественнымъ обѣдомъ въ Банфѣ, главный спикеръ, отдавъ должную дань удивленія настойчивости Эдварда и его самоотверженности въ занятіяхъ любимой наукой, попробовалъ выяснить важность вліянія книгъ на развитіе чловѣческаго ума и способностей. Познакомивъ

собраніе съ заслугами сидѣвшаго въ ихъ средѣ человѣка, котораго они до тѣхъ порь не знали, онъ сказалъ: «Поддержите и помогите ему всѣми находящимися въ вашемъ распоряженіи способами, но,—тутъ онъ пріостановился, и всѣ глаза устремились на него,—но,—продолжалъ онъ,—не давайте ему денегъ (громкій смѣхъ). Я знаю, какъ и всѣ вы, что онъ не пьяница, не лѣнтий, а воздержанный труженикъ, но все же, я опять повторяю, не давайте ему денегъ; дайте ему книгу; снабдите его возможнымъ количествомъ матеріала для чтенія, а ужь денегъ добудетъ онъ самъ». Слушатели думали, что сдѣлали достаточно, усмѣхнувшись на предложеніе оратора. Но слова остались пустыми словами, потому что Эдвардъ никогда не получилъ ни одной книги, ни одного печатнаго листка ни отъ кого изъ мѣстныхъ поклонниковъ своихъ.

Какая разница между этимъ холоднымъ совѣтомъ и горячимъ энтузіазмомъ Эдварда, когда онъ говорилъ о своей любимой наукѣ! Въ одной замѣткѣ, появившейся въ «Натуралістѣ», касающейся иглокожихъ Банфшира, выразивъ сожалѣніе о недостаточномъ количествѣ наблюденій и изслѣдованій, сдѣланныхъ на берегахъ Морейскаго залива, онъ говорить: «Очень жаль, что Морейскій заливъ не былъ изслѣдованъ основательно натуралістами. Если-бы это было сдѣлано такъ, какъ должно быть, я вполнѣ увѣренъ, что много цѣнныхъ рѣдкостей и, смѣю думать, что не ошибусь, много новыхъ видовъ было бы получено. Если-бы я имѣть только возможность и средства сдѣлать это, то такое изслѣдованіе не заставило бы себя долго ждать. Какъ только позволяла бы мнѣ погода, я бы пересыпалъ все, изъ конда въ конецъ, вдоль и поперекъ! Но, увы! Природа, эта нарядная и милая дама, которую я такъ люблю и предъ которой такъ преклоняюсь, вызвала меня изъ небытія какъ разъ въ ту минуту, когда нужда и голодъ стояли рука объ руку, готовые приложить свою неизгладимую печать къ этому безсознательному наслед-

нику и носителю вѣчнаго духа. Деньги, говорять, корень всякаго зла; но, скажите мнѣ, если вы знаете, что же будетъ недостатокъ ихъ?!

Мы выше сказали, что Эдвардъ расширялъ свои познанія, главнымъ образомъ, при помощи переписки съ натуралистами, за неимѣніемъ научныхъ сочиненій. Но и это давалось ему не безъ труда. Это было не веселое занятіе, да подчасъ очень дорогое, по крайней мѣрѣ, для бѣднаго человѣка. Случалось ему получать и непріятные отказы; некоторые жаловались, что не могутъ читать его рукописи: то не понимали, то не могли разобрать его почеркъ. Кромѣ того, бывало, что посланные къ ученымъ натуралистамъ образцы, иногда въ большомъ количествѣ, задерживались и въ отвѣтъ присыпалась только благодарность. Ничего противъ этого Эдвардъ сдѣлать не могъ. Наконецъ, онъ сталъ посыпать только въ тѣхъ случаяхъ, когда у него были дубликаты, предпочитая оставлять ихъ безъ точныхъ названий, чѣмъ рисковать потерей цѣнныхъ для себя предметовъ.

М-ръ Ньюманъ, въ Лондонѣ, издатель «Зоолога», былъ однимъ изъ снабжавшихъ Эдварда книгами; онъ же сообщалъ ему и названія жуковъ и некоторыхъ другихъ насѣкомыхъ, которыхъ Эдвардъ посыпалъ ему для опредѣленія названий. Корреспонденція *) между ними началась въ замѣткахъ Эдварда о птицахъ Банфшира, начавшихъ появляться въ «Зоологѣ» съ августа 1856 г.

М-ръ Ньюманъ послалъ Эдварду нѣсколько книгъ и свой собственный «Списокъ британскихъ птицъ». Въ фе-

*) Большая часть корреспонденцій Эдварда затеряна и разрознена. Ему самому никогда не приходило въ голову, что старые письма пригодятся. Когда авторъ поинтересовался этимъ, Эдвардъ ему сказалъ: «Я боюсь, что у меня большой пробѣлъ въ корреспонденціи, но я постараюсь поискать и найти, что могу». Черезъ недѣлю онъ сказалъ: «Писемъ я не нашелъ, но жена говоритъ, что видѣла на чердакѣ, среди хлама, ящики, года два тому назадъ, съ

враль 1858 г. Ньюманъ послалъ Эдварду свою книгу, имѣвшую успѣхъ—«Охотникъ за насѣкомыми». Онъ не разъ удивлялся, что Эдвардъ пріобрѣлъ столько познаній, находясь въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Эдвардъ также много переписывался съ м-ромъ А. Г. Моромъ относительно распределенія птицъ въ Великобританіи во время вывода птенцовъ. Эдвардъ былъ назначенъ наблюдателемъ Банфшира и сѣверной части Абердина. Онъ сообщилъ много свѣдѣній о птицахъ и о различныхъ способахъ постройки ими гнѣздъ. Сообщенія эти были напечатаны въ периодическомъ журналь «Ибисъ».

Самая значительная часть его переписки относительно рыбъ и ракообразныхъ велась съ м-ромъ Кучъ, м-ромъ Бэтъ и пасторомъ Норманъ. Она -то и составить содержаніе слѣдующихъ главъ.

какими-то старыми мокрыми бумагами. Я попробую достать этотъ ящикъ. Если бы я хранилъ всѣ письма, то ихъ были бы сотни, если не тысячи. Почтальонъ, такъ же какъ хозяинъ мой и товарищи, всегда удивлялись огромному количеству получаемыхъ мною писемъ». Наконецъ, ящикъ на чердакѣ былъ отысканъ и вскрыть; тамъ нашлось небольшое собраніе писемъ, которыми авторъ и воспользовался въ послѣдней части этихъ мемуаровъ.

ГЛАВА XV.

ОТКРЫТИЯ ВЪ МИРѢ РАКООБРАЗНЫХЪ.

Читатель, вѣроятно, найдеть эту главу, равно какъ и слѣдующую, довольно неинтересной, но они должны быть написаны, чтобы выяснить тотъ вкладъ въ науку, который былъ сдѣланъ открытиями Эдварда.

М-ръ Спенсъ Бэть, въ Плимутѣ, известный зоологъ, началъ переписываться съ Эдвардомъ въ 1856 г., когда этотъ послѣдній былъ занятъ собираниемъ морскихъ произведеній на берегу въ окрестностяхъ Банфа. Кажется, что м-ръ Бэть послалъ Эдварду какія-то изданія по естественной исторіи, а тотъ, въ свою очередь, пославъ ему различныхъ ракообразныхъ, просилъ сообщить ихъ точные названія. М-ръ Бэть на это охотно согласился, и завязавшаяся такимъ образомъ переписка продолжалась нѣсколько лѣтъ. Большинство писемъ утеряно, а тѣ, которыя сохранились («въ ящикѣ на чердакѣ»), не особенно интересны.

Эдвардъ, повидимому, былъ особенно занятъ между 1861 и 1865 гг. Масса бутылочекъ пересыпалась въ этотъ промежутокъ времени между Банфомъ и Плимутомъ. Нерѣдко эти бутылочки разбивались дорогой, и приходилось разбираться въ массѣ осколковъ. Въ одной изъ такихъ кучекъ обломковъ былъ новый видъ лейкоцитовъ, въ дру-

той испорченный образецъ—первый, найденный въ Англіи Eusirus.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ м-ръ Бэтъ говорить: «У меня два крошечныхъ экземпляра скиллы (родъ морского рака), которые слишкомъ попорчены для точного обслѣдованія. Если вамъ случится найти подобные же, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы ихъ мнѣ прислали. Въ скромъ времени я пришлю вамъ статью, напечатанную въ «Annals of Natural History», «О ракообразныхъ, строящихъ гнѣзда». Если вы знаете или встрѣтите гдѣ-нибудь разсказы, касающіеся этихъ животныхъ, я быль бы радъ, если-бы вы сообщили мнѣ, такъ какъ стараюсь собрать все, что могу, по этой части. Смѣю увѣрить, что письма ваши очень цѣнны и всегда доставляютъ мнѣ удовольствіе».

Среди своихъ изысканій, Эдвардъ, между прочимъ, нашелъ новый видъ равноногихъ (Isopodes), который онъ послалъ м-ру Бэтту, который, сначала опредѣливъ его, назвалъ животное въ честь открывшаго его — *Pranica Edwardii* *), но потомъ, сообща съ м-ромъ Бествидомъ, измѣнилъ наименование въ *Anceus Edwardii* **).

Величина этого паразита не болѣе $\frac{1}{6}$ дюйма, но въ естественныхъ наукахъ величина не играетъ роли, и мельчайшая животная цѣнны для естествоиспытателя не менѣе крупныхъ. Животное это заползаетъ на большую глубину, плаваетъ очень скоро, быстро подвигаясь впередъ при помощи цѣлаго ряда мерцательныхъ волосковъ, помѣщающихся подъ хвостомъ. Молодыя—всѣ паразиты и снабжены острымъ отросткомъ на верхушкѣ нижней губы, образующей такимъ образомъ крѣпкій ланцетообразный органъ, которымъ животное прокладываетъ себѣ дорогу сквозь кожу рыбы, на которой оно укрѣпилось. По поводу этой находки между Эдвардомъ и м-ромъ Бэттомъ возникли нѣко-

*) «Annals of Natural History», томъ ii.

**) «History of the British Sesile-eyed Crustacea», ii, 201.

торыхъ недоразумѣнія, при чмъ Эдвардъ, повидимому, очень горячо отставалъ свои мнѣнія и остался правъ.

Такъ какъ многія изъ собранныхъ Эдвардомъ ракообразныхъ не принадлежали къ тому классу, которымъ специально занимался м-ръ Бэтъ, то Эдвардъ посыпалъ ихъ къ другимъ натуралистамъ. Такъ, находясь въ Парижѣ для ознакомленія съ коллекціями Мильнъ-Эдварса, м-ръ Бэтъ получилъ письмо и нѣсколько найденныхъ Эдвардомъ въ желудкѣ макрели суставчатыхъ, которыхъ, не занимаясь ими самъ, м-ръ Бэтъ передалъ другимъ ученымъ; а въ слѣдующемъ письмѣ Эдвардъ прислалъ нѣсколько червеобразныхъ паразитовъ, найденныхъ на пойманной близъ Банфа лунѣ-рыбѣ. «Этотъ сортъ, — писалъ Эдвардъ, — очень мало известенъ у насъ. До сихъ поръ они попадались только на летучихъ рыбахъ. Паразиты эти необыкновенно крѣпко держатся на избираемой ими жертвѣ, такъ какъ очень глубоко проникаютъ въ тѣло животнаго. У нихъ на затылкѣ два или три длинныхъ уса, которые, кажется, служатъ имъ какъ крючки. Одинъ изъ такихъ усовъ я отрѣзalъ не безъ труда; конецъ его былъ на $1\frac{1}{2}$ дюйма погруженъ въ жирный хребетъ рыбы. Въ «Иллюстрированныхъ Лондонскихъ Новостяхъ» 10 июля 1858 года есть изображеніе летучей рыбы съ паразитомъ, укрѣпившимся у неї на спинѣ. Эта рыба, говорятъ, попала въ снасти корабля «Монархъ», возвращавшагося изъ Калькутты. Но этотъ паразитъ отличенъ отъ найденного мной на лунѣ-рыбѣ».

Многія ракообразныя, находимыя Эдвардомъ, были такъ малы, что ихъ трудно было разсмотреть невооруженнымъ глазомъ. М-ръ Бэтъ очень добродушно, при случаѣ, прислалъ Эдварду въ подарокъ микроскопъ, чтобы облегчить ему его изслѣдованія. «Это простой микроскопъ, — пишетъ м-ръ Бэтъ, отсылая подарокъ, — и я думаю, что вы найдете его пригоднымъ для разматривания предметовъ какъ дома, такъ и виѣ его; его удобно носить и упо-

треблять можно одинаково хорошо какъ на скалахъ, такъ и въ комнатѣ. Такимъ-же пользуюсь и я самъ, при постоянныхъ моихъ работахъ, за исключениемъ строго анатомическихъ. Провозъ его уплачены до Бристоля, прибавьте лишь нѣсколько марокъ, которыхъ будетъ достаточно для окончанія его пути».

Вначалѣ Эдвардъ немного затруднялся при обращеніи съ микроскопомъ, хотя м-ръ Бэтъ прислалъ длинное наставленіе съ чертежами, какъ его употреблять. «Я знаю, — писалъ онъ, — что вы слишкомъ смѣтливый человѣкъ, чтобы не понять вполнѣ все устройство послѣ нѣкоторыхъ данныхъ вамъ указаній. Я пришлю вамъ также нѣсколько сферическихъ стеколъ, которыя вамъ пригодятся... Вѣроятно, вы найдете очень удобнымъ, при теперешней холодной погодѣ (24 ноября) приносить все домой и тамъ спокойно, на свободѣ разматривать, вмѣсто того, чтобы изучать свои находки на морскомъ берегу».

М-ръ Бэтъ, должно быть, былъ очень добрый и сердечный человѣкъ. Онъ, вѣроятно, слышалъ что-нибудь объ обстоятельствахъ Эдварда и старался найти для него какое-нибудь занятіе, болѣе подходящее для натуралиста, чѣмъ его занятіе башмачника. Пасторъ Гордонъ, также зоологъ, не прекращавшій сношеній съ м-ромъ Бэтомъ, сообщалъ ему о желаніи Эдварда быть смотрителемъ или хотя бы субкураторомъ какого-либо большого музея. Поэтому, въ одномъ, изъ писемъ къ Эдварду, въ которомъ онъ передаетъ просьбу прислать коллекцію ракообразныхъ м-ру Леббоку и совѣтуетъ выслать нѣсколько образцовъ рыбъ въ спирту, для Британскаго музея, онъ прибавляетъ: «Имѣю еще нѣчто сообщить вамъ, но впередъ прошу извиненія, если я, не зная вашихъ обстоятельствъ, чѣмъ-нибудь обижу васъ. Меня спрашивали, не могу ли я рекомендовать человѣка для медицинской школы, обязанность котораго была бы приготовлять все и быть въ помошь при занятіяхъ профессоровъ естественныхъ наукъ. Возна-

граждение 1 ф. 10 ш. въ недѣлю. Если это подходяще для васъ, сообщите мнѣ. Если мѣсто не занято, то, думаю, что оно можетъ быть за вами».

Письмо это зажгло искру надежды въ груди Эдварда. Неужели, наконецъ, судьба вознаградитъ его труды назначениемъ на мѣсто, которое дастъ ему возможность постоянного общенія съ учеными? Надо замѣтить, что Эдвардъ получалъ, какъ хранитель музея ученаго общества въ Банфѣ, 2 ф. 2 ш. въ годъ. Конечно, это было только номинальное вознаграждение, и мѣсто это никакъ не могло удовлетворить жаждущаго знаній Эдварда.

Къ сожалѣнію, оказалось, что м-ръ Бэтъ былъ введенъ въ заблужденіе: нуженъ былъ просто сторожъ для музея, обязанности которого были—содержать въ чистотѣ помѣщенія, витрины и склянки за вознаграждение по одной гинеѣ въ недѣлю. Надежды Эдварда снова погасли. Наука ничего не могла для него сдѣлать, и онъ снова вернулся къ своему чеботарному столу. Онъ уже привыкъ къ разочарованію и все-же продолжалъ свои изслѣдованія. И онъ началъ работать еще усерднѣе, чѣмъ прежде. Такъ какъ каждый изъ ученыхъ зоологовъ занимался однимъ какимъ-либо видомъ или классомъ специально, то Эдварду приходилось переписываться со многими въ разныхъ частяхъ страны. Зоологи вообще свободно переписываются со своими товарищами по наукѣ и никогда не отказываютъ другъ другу въ помощи. Въ этомъ отношеніи, между ними существуетъ нечто въ родѣ франкмасонства, и никакихъ рекомендаций между ними не требуется. АРтисты и литераторы образуютъ между собою отдельные сплоченные кружки, нетерпимо относящіеся другъ къ другу, и рѣжутъ одинъ другого въ газетахъ и въ обществѣ. Естественники же, повидимому, стоятъ выше этихъ соображеній, вызываемыхъ завистью и недоброжелательствомъ. Чувство товарищества между ними очень развито. Когда Эдвардъ узналъ отъ м-ра Бэта, что пасторъ Норманъ

работаетъ надъ британскими ракообразными, не исключал и рыбныхъ паразитовъ, то онъ тотчасъ же началъ обыскивать берегъ, въ особенности во время и послѣ прилива, чтобы достать для м-ра Нормана то, что ему было нужно. При этомъ онъ не обращалъ вниманія ни на состояніе своего здоровья, ни на состояніе своего кармана.

Заняло бы слишкомъ много времени и мѣста излагать подробно содержаніе переписки Эдварда съ разными зоологами. Онъ постоянно находилъ очень много нового и отсыпалъ специалистамъ для опредѣленія. М-ръ Бэтъ особенно восторгался энтузіазмомъ и настойчивостью Эдварда и не разъ настаивалъ на опубликованіи его наблюдений. Безъ сомнѣнія, Эдвардъ могъ-бы писать и печатать въ ученыхъ журналахъ; онъ бы достигъ похвалъ, славы, почета, но на что ему было это? Главное, что ему было нужно—это время, и время не только для изслѣдованій, но и для заработка. Наука не давала ему ничего. Все, что онъ имѣлъ—давало ему шило. А ему надо было содержать жену и одиннадцать человѣкъ дѣтей. Всѣ эти новооткрытые зоофиты и паразиты ничего не могли дать семьѣ. Обѣстvenno говоря, натуралистъ долженъ пользоваться независимымъ состояніемъ или, по крайней мѣрѣ, имѣть обеспечивающую профессію. У Эдварда же ничего не было, кроме плохо оплачиваемаго мастерства. Еще чудо, что онъ, при своей болѣзnenности, проходившей отъ лишеній и переутомленія, могъ сдѣлать такъ много и доходилъ въ своихъ изысканіяхъ до самопожертвованія.

Кромѣ м-ра Бета и пастора Нормана, Эдвардъ писалъ и другимъ натуралистамъ по ихъ специальностямъ, даже такимъ, которые о немъ ничего не знали, а давали ему различные порученія. Одинъ просилъ поискать для него занимавшихъ его амфибій; другой просилъ иглокожихъ, третій просилъ понаблюдать за какимъ-нибудь ракообразнымъ или членистоногимъ. И Эдвардъ обыскивалъ прибрежныя скалы, ловилъ сѣткой въ болѣе глубокихъ мѣстахъ

требуемыхъ животныхъ и полученные образцы отсыпалъ по назначению. Вѣроятно, большинство корреспондентовъ его забывали, а быть можетъ и вовсе не знали, что онъ былъ бѣдный ремесленникъ, за тяжелымъ трудомъ проводившій цѣлые дни, и лишь немногіе часы раннимъ утромъ и по ночамъ могъ посвящать исполненію ихъ порученій и то не имѣя ни лодки, ни какихъ-либо другихъ приспособленій.

Онъ работалъ не только для своихъ корреспондентовъ, со всею свойственной ему изобрѣтательностью, но и для тѣхъ, кому они его рекомендовали. Такъ, пасторъ Норманъ хотѣлъ, чтобы онъ выслалъ грбки и еще вѣкоторыя животно-растенія въ Ньюкастль, и Эдвардъ исполнилъ все это. Желавшіе имѣть эти предметы не знали, какъ трудно достается Эдварду каждый грошъ для содержанія его многочисленной семьи. Иногда онъ, дѣйствительно, былъ близокъ къ голоду, а между тѣмъ онъ работалъ для своихъ неизвестныхъ друзей всегда охотно, какъ бы это ни было трудно и, навѣрно, съ большимъ самоотверженіемъ и готовностью, чѣмъ это сдѣлалъ бы обезпеченный человѣкъ.

Когда вышло сочиненіе м-ра Бэта «Описаніе ракообразныхъ съ неподвижными глазами», то каждый просмотрѣвшій эту книгу могъ увидѣть, чѣмъ авторъ обязанъ былъ Эдварду. Это было первое публичное признаніе его заслугъ, такъ какъ м-ръ Бэтъ въ своемъ сочиненіи много разъ упоминаетъ о его заслугахъ, приводить всѣ открытые имъ новые виды ракообразныхъ, постоянно отзываясь о немъ, какъ о способномъ, ревностномъ, преданномъ своему дѣлу и цѣнномъ сотрудникѣ.

Не будемъ утомлять читателя, вводя его въ лабиринтъ специальныхъ названий всѣхъ разновидностей, какъ ракообразныхъ, такъ и другихъ представителей морской фауны Муррейского залива; замѣтимъ лишь, что многіе, изъ открытыхъ Эдвардомъ, были новы не только для этой местности, но и вообще впервые были имъ найдены въ

Великобританії; нѣкоторые же были неизвѣстны и в наукахъ.

Чтобы дать понятіе о неутомимости Эдварда въ его изслѣдованіяхъ, довольно сказать, что изъ 294 ракообразныхъ, найденныхъ въ Муррейскомъ заливѣ, 29 новыхъ видовъ было открыто самимъ Эдвардомъ!

Следующий день я провел в музее, изучая коллекции и делая зарисовки. Вечером я пошел в городской магазин и купил там пакеты с морскими животными, которые я собирал в течение дня. Я также купил несколько новых образцов для коллекции.

ГЛАВА XVI.

ОТКРЫТИЯ ВЪ МИРѢ ЗООФИТОВЪ, МОЛЛЮСКОВЪ И РЫБЪ.

Одновременно съ добываніемъ ракообразныхъ для м-ра Бэта и пастора Нормана, Эдвардъ собираль и другихъ морскихъ животныхъ. Находя во множествѣ морскія вѣзвы, губки, моллюски и зоофитовъ, онъ отсыпалъ ихъ къ различнымъ натуралистамъ для опредѣленія.

Эдвардъ постоянно старался приносить всѣхъ этихъ животныхъ домой живыми, чтобы имѣть возможность наблюдать ихъ привычки и образъ жизни. У него всегда было на-готовѣ множество блюдъ и чашекъ, наполненныхъ морской водой; въ нѣкоторыхъ на днѣ былъ песокъ, въ другихъ иль, въ третьихъ гравій или прямо большие камни, прикрытые водорослями и животно-растеніями. Всѣхъ принесенныхъ домой животныхъ онъ раскладывалъ сообразно ихъ потребностямъ и дѣлалъ свои наблюденія. Нѣкоторые результаты этихъ занятій печатались въ «*Zoologist'ѣ*» и читались съ большимъ интересомъ, заключая въ себѣ иногда даже много нового и въ научномъ отношеніи.

Въ своихъ прогулкахъ съ ружьемъ или съ удочкой, Эдвардъ не преслѣдовалъ хищническихъ цѣлей. Онъ жаждаль прежде всего знаний и поэтому сначала наблюдалъ и то, что видѣль, излагалъ ясно и полно, никогда не думая—было ли что-нибудь подобное напечатано или нѣть. Онъ

только сожалѣль, что имѣлъ такъ мало времени, чтобы печатать свои описанія различныхъ свойствъ и образа жизни животныхъ, рыбъ и т. д.

Одно изъ лучшихъ изслѣдований Эдварда касается морскихъ звѣздъ; онъ помѣстилъ статью объ этомъ въ журналѣ, съ цѣлью побудить другихъ употреблять свободное время на разыскиваніе морскихъ звѣздъ вдоль бенгальскаго берега и знакомить общество съ этими открытиями. «Если-бы это дѣжалось повсемѣстно,—говорить Эдвардъ,—то мы вскорѣ могли бы составить себѣ представление о томъ, что у насъ имѣется; иначе мы никогда не получимъ правильнаго понятія о составѣ британской фауны и о томъ, гдѣ водится то или другое животное. Пусть всѣ натуралисты и любители природы наблюдаютъ, записываютъ и сообщаютъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы каждый могъ извлечь свою долю пользы».

Эдвардъ относился къ морскимъ звѣздамъ съ такимъ же жаромъ, какъ и ко всѣмъ другимъ видамъ живыхъ существъ. Для него ничто не было обыкновенно «въ мірѣ животныхъ». Всѣ одинаково были достойны глубочайшаго вниманія, удивленія и разслѣдованія. Объ одной изъ морскихъ звѣздъ (*Ophiocoma bellis*) онъ говоритъ: «Изъ всего этого прекраснаго семейства это самый красивый, когда-либо видѣнныи мною родъ. Дискъ этой звѣзды значительно отличается отъ обыкновенныхъ морскихъ звѣздъ; онъ пирамидальной формы, иногда напоминающей коническую раковину; по цвету она похожа на самое красивое полированное, испещренное жилками красное дерево, представляя прекраснѣйший образецъ токарного искусства. По отношению къ размѣрамъ диска, отростки коротки, крѣпки и часто усѣяны жесткими, толстыми и короткими иглами. Образецъ, о которомъ я говорю, былъ извлеченъ изъ той же неистощимой кладовой всевозможныхъ морскихъ произведеній—желудка трески, пойманной въ морѣ, миляхъ въ тридцати отъ берега».

Дѣти Эдварда также помогали ему добывать морскія звѣзды. «Я помню,—говорить онъ,—какъ мой юный другъ Мэгги съ тремя сестренками принесла мнѣ однажды огромный ворохъ морскихъ звѣздъ, около 200, которыхъ онъ собрали тамъ, гдѣ рыбаки чистятъ свой неводы. Я помню, что былъ особенно пораженъ яркостью и разнообразiemъ блестящихъ красокъ, которыми пестрѣли, какъ-бы щеголяя одна передъ другой, принесенные звѣзды. Отъ самаго яркаго краснаго до глубоко-чернаго были все тѣни, и при томъ врядъ ли было хоть двѣ одинаковыхъ звѣзды. Формы тоже были самыя разнообразныя; у нѣкоторыхъ дискъ представлялъ правильный овалъ, у другихъ же—пятиугольникъ; нѣкоторые были плоски, тогда какъ другія почти пирамидальны».

Изъ всѣхъ дочерей—Мэгги, повидимому, помогала ему больше остальныхъ. Она жила временами въ Гарденстоунѣ, собирая тамъ отбросы рыбакихъ сѣтей и отсылая отцу то, что было нужно. Иногда она сопровождала его въ его экспедиціяхъ вдоль берега. Однажды, вечеромъ, когда Эдвардъ сидѣлъ за ужиномъ, Мэгги вошла съ радостнымъ воскликаніемъ: «Отецъ, я нашла новую морскую звѣзду, съ шестью ногами».—Хорошо, Мэгги,—сказалъ отецъ,—но я сомнѣваюсь.—Окончивъ ужинъ, онъ пошелъ посмотреть эту диковинку и, разсмотрѣвъ, сказалъ: «Какъ я и думалъ, Мэгги, это не новый видъ, а известная звѣзда, представляющая лишь ту особенность, что имѣеть, какъ ты сказала, шесть ногъ вместо пяти». О розовой перистой звѣзда, которую Эдвардъ долго искалъ и, наконецъ, нашелъ, онъ говорить: «Какое прелестное созданіе! какое красивое и въ то же время какое хрупкое! Удивляется ли кто-нибудь какъ я, когда слышитъ о каменной лиліи или о звѣздахъ-лиліяхъ? Пусть взглянетъ онъ на эту звѣзду, и я увѣренъ, что удивленіе уступитъ мѣсто восхищенію. И какъ странно! Существовало мнѣніе, что это самый многочисленный родъ обитателей океана. Между тѣмъ

теперь встречается живых не более 12 разновидностей, притомъ въ британскихъ водахъ только одна и то очень рѣдко. Съ гордостью могу сообщить, что мой экземпляръ найденъ у банфширского берега; вынута эта звѣзда изъ желудка трески».

Но еще болѣе удивительный родъ большой морской кубышки или морского огурца—этого царя семейства голотурій, найденъ былъ на банфширскомъ берегу. Эдвардовъ образецъ былъ вынутъ изъ рыбакихъ сѣтей. «Въ спокойномъ состояніи онъ имѣеть полныхъ 16 дюймовъ длины; цвѣтъ темно-пурпуровый, нижняя сторона сѣроватая. Это очень странное и въ то-же время презанимателное животное. Каждая любопытныя формы принимаетъ онъ по желанію! То онъ похожъ на грушу, то на большой кошелекъ; иногда кажется, будто это двѣ громадныхъ картофелины, соединенные концами, потомъ вдругъ онъ превращается въ обыкновенный колюкъ, въ которомъ не видно и щупальцевъ. Иногда же вытянется въ длину моей руки и принимаетъ какои-то грубый бородавчатый видъ. Его щупальцы также интересны, простые съ виду, но какая красота и совершенство по устройству! Какихъ только причудливыхъ формъ, какихъ красотъ и непостижимыхъ созданій не находится въ глубинахъ океана! Какъ жаль, что мы не можемъ проникнуть въ эту сокровенную глубь и извѣдать всѣ ея сокровища!»

Вдоль всего берега Эдвардъ находилъ многочисленныхъ зоофитовъ, возбуждавшихъ его удивленіе почти въ такой же степени, какъ и морскія звѣзды. Объ одномъ изъ видовъ этихъ зоофитовъ (*Alcyonium digitatum*) онъ говоритъ: «Это странное созданіе часто попадается рыбакамъ вмѣстѣ съ раковинами и камнями, къ которымъ прикрѣпляется. Любопытно наблюдать фантастическихія формы, принимаемыя этимъ существомъ. Когда находятъ эти такъ-называемые «морскіе персты» на пескѣ, то они возвуждаютъ чувство стврашенія, но въ своей родной стихіи, съ красивыми,

листообразными щупальцами изъ крошечныхъ полиповъ, тысячи которыхъ составляютъ эту живую массу, это чувство гадливости смыняется удивленіемъ. Отъ малѣйшаго прикосновенія, они тотчасъ сокращаются и прячутъ щупальцы, превращаясь въ шарообразные комочки. Черезъ нѣсколько времени вы замѣтите, что зоофитъ принимаетъ свои натуральные размѣры и поверхность его покрывается какъ бы мелкими бугорками. Изъ этихъ возвышеностей потихоньку и какъ бы незамѣтно выходятъ, одинъ за другимъ, полипы, которые вытягиваютъ понемногу свои тонкіе и хрупкие щупальцы и придаютъ всему зоофиту очаровательный видъ цвѣточного букета, самой богатой окраски или пестраго вѣнка изъ прекрасныхъ и нѣжныхъ цвѣтовъ, невольно возбуждающихъ восхищеніе даже въ самомъ равнодушномъ человѣкѣ».

Не слѣдя далѣе за описаніями зоофитовъ у Эдварда, мы замѣтимъ, что одно время онъ былъ занятъ собирашеніемъ моллюсковъ для м-ра Альдера изъ Ньюкастля, который писалъ о нихъ статью. Замѣтивъ большое количество безголовыхъ моллюсковъ (*Tunicata*), Эдвардъ продолжалъ собирать и разматривать эти низшіе виды морскихъ существъ и, по обыкновенію, желая знать ихъ точное название, послалъ съ этой цѣлью большое количество образцовъ м-ру Альдеру.

Изъ сохранившихся писемъ этого послѣднаго видно, что онъ очень дорожилъ перепиской съ Эдвардомъ, доставлявшимъ ему много образцовъ различныхъ зоофитовъ и моллюсковъ. М-ръ Альдеръ постоянно благодаритъ Эдварда за тотъ или другой присланный ему экземпляръ новаго животнаго и выражаетъ лишь сожалѣніе, что нѣть другого, такого-же внимательнаго и интересующагося жизнью природы въ ея различныхъ проявленіяхъ натуралиста, живущаго постоянно на берегу моря. Много интересныхъ видовъ плащеносокъ и другихъ моллюсковъ, а также и мелкой рыбы находилъ Эдвардъ впервые въ Муррейскомъ заливѣ.

Вообще многое было, изъ присланного имъ м-ру Альдеру, крайне интересно уже потому, что впервые кстрѣчалось въ британскихъ водахъ. Весьма возможно, какъ пишетъ и м-ръ Альдеръ, что виды эти посѣщали много разъ, еще за сотни лѣтъ, эти воды и выбрасывались приливомъ также и на берега, но не было никого, кто бы интересовался этимъ раньше и потому факты эти оставались неизвѣстными. Между прочимъ, по поводу полученного экземпляра одной плащеноски, которымъ интересовался м-ръ Альдеръ, онъ пишетъ: «Присланный вами экземпляръ изъ рѣдкихъ, быть-можеть, новый видъ. Онъ отличается отъ прочихъ видѣнныхъ мною, этого-же вида, содержащихъ кристаллы известковой породы, по цвѣту — зеленовато-голубому, и такъ какъ, положенный мною въ воду, онъ окрасилъ ее голубымъ цвѣтомъ, то, въ живомъ состояніи, думаю, плащеноска эта голубая. Кристаллы въ ней известковые, звѣздообразной формы; судя по водоросли, къ которой она была прикрѣплена—она принадлежитъ къ береговымъ моллюскамъ. Я буду радъ, если вы можете сообщить мнѣ о ней еще какія-либо свѣдѣнія».

Это было послѣднее письмо м-ра Альдера къ Эдварду; вскорѣ послѣ этого Эдвардъ получилъ извѣстіе о его внезапной смерти и, такъ какъ онъ не зналъ никого больше специально занимавшагося моллюсками, то онъ пересталь ихъ собирать. Для интересующихся этими произведеніями моря, побережье Банфшира и до сихъ поръ представляетъ широкое поле для изслѣдований. «Нужны молодые, горячіе и самоотверженные работники,—говорить Эдвардъ,—чтобы освѣтить эту мало извѣстную область».

Теперь скажемъ вѣсколько словъ объ открытияхъ Эдварда въ мірѣ мелкихъ рыбъ. Въ апрѣль 1863 г. онъ напечаталъ въ журналѣ *«Zoologist»* отчетъ о найденномъ впервые въ заливѣ эхіодонѣ, предлагая натуралистамъ ознакомиться съ имѣющимся у него экземпляромъ. М-ръ Кучъ, занятый своимъ знаменитымъ трудомъ о *«Рыбахъ Британіи»*,

прочтя это, вступилъ въ переписку съ Эдвардомъ, прося доставить ему эту любопытную рыбу и сообщить точно и подробно объ ея натуральномъ цвѣтѣ, а также при какихъ именно обстоятельствахъ была она поймана и чёмъ обусловливалось такое большое ихъ количество въ данное время. Эдвардъ не замедлилъ сообщить все желаемое; въ то же время, д-ръ Грэй пожелалъ экземпляръ рыбы для Британского музея, и таковой былъ отосланъ Эдвардомъ въ Лондонъ.

Теперь, когда найденъ былъ новый выходъ для дѣятельности и занятій Эдварда, то онъ сталъ высыпать м-ру Кучъ многочисленные образцы рыбъ для опредѣленія. Когда м-ръ Кучъ сообщилъ, что онъ специально изучаетъ рыбъ семейства губановъ, то Эдвардъ дѣятельно принялъ ихъ отыскивать и отправлять въ Польперо (Корнвалисъ) къ м-ру Кучъ многочисленныя посылки. Между высланными образцами былъ одинъ, который описанъ Кювье, какъ попадающійся исключительно лишь въ Новой Гвинеѣ—на отдаленнѣйшемъ концѣ земного шара. «Однако,—пишетъ м-ръ Кучъ,—я не могу допустить, чтобы рыбы изъ Новой Гвинеи посыпали ваши мѣста. Нахожденіе этой рыбы въ Новой Гвинеѣ и въ Муррейскомъ заливѣ только подтверждаетъ тотъ фактъ, что нѣтъ достаточнаго количества изслѣдователей и наблюдателей природы. Подобно различнымъ другимъ видамъ, навѣрное появлялась она и существовала и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ двухъ вышеуказанныхъ».

Описывая эту маленькую рыбку, Эдвардъ говорить: «Хотя я не могу сообщить ничего особенно важнаго о чертахъ нашего маленькаго пріятеля, но не могу обойти молчаниемъ слѣдующій фактъ. Поймавъ рыбку и выйдя изъ воды, я положилъ ее на песокъ, пока приготовлялъ для нея бутылку, такъ какъ мнѣ хотѣлось привести ее домой живою, чтобы имѣть возможность какъ можно больше наблюдать за ея привычками и свойствами. Я былъ крайне изумленъ, видя, что она нѣсколько разъ подпрыгивала на

нѣсколько дюймовъ отъ земли. Полагая, что такъ или иначе подобнымъ эволюціямъ способствуетъ мокрый песокъ, я, придя домой, положилъ ее на сухой столъ, ожидая, что она будетъ дѣлать. Повторилось то-же самое: рыбка прыгала и прыгала, такъ что я вполнѣ убѣдился, что мѣсто тутъ совершенно не при чемъ, и я снова пустилъ ее въ ея маленький акварій. Теперь я увидалъ, что у нея довольно большой хвостъ, который главнымъ образомъ и помогалъ ей при подпрыгиваніи. Приподнявъ немнога голову и верхнюю часть туловища и подогнувъ хвостъ, дѣйствующій тогда какъ пружина, рыба можетъ подпрыгнуть и подвигается такимъ образомъ впередъ или назадъ или въ сторону—судя по желанію. Въ водѣ, желая избѣжать опасности отъ приближающагося къ ней какого-нибудь предмета, она не уплываетъ, какъ прочія рыбы, а отпрыгиваетъ въ сторону. Не знаю въ точности, всѣмъ-ли рыбамъ этого вида свойственны эти приемы, но мой экземпляръ такъ поступалъ».

Послѣ дальнѣйшихъ наблюдений, Эдвардъ пришелъ къ заключенію, что эти маленькие рыбы живутъ въ шотландскихъ водахъ, но что они отличаются отъ описанныхъ Кювье. По его мнѣнію, слѣдовало, согласно различію, замѣченному имъ между настоящимъ губаномъ и занимавшей его рыбкой, произвести точное изслѣдованіе и подвести ее подъ новый видъ. А въ такомъ случаѣ и название должно быть хоть отчасти измѣнено, а до тѣхъ поръ Эдвардъ хотѣлъ называть ее—«микроскопической губанъ Муррейского залива».

Слѣдующая посылка Эдварда къ м-ру Кучъ, состоявшая изъ большого количества мелкихъ рыбъ, повела къ новой перепискѣ. Найдя примѣненіе для своихъ находокъ, Эдвардъ всегда съ удвоеннымъ жаромъ принимался за свои изысканія, а такъ какъ м-ръ Кучъ заканчивалъ уже свой большой трудъ, то Эдвардъ усиленно отыскивалъ различные образцы рыбъ. Описаніе экзодона было окончено и

отослано въ печать ранѣе, чѣмъ м-ръ Кучъ зналъ объ открытии Эдварда; теперь явилась изъ Банфа масса образцовъ, между которыми была маленькая рыбка, которую, по определенію м-ра Кучъ, слѣдовало считать новымъ видомъ, даже новымъ классомъ. Сначала онъ предполагалъ, что это изъ породы мокрелей, но потомъ пришелъ къ заключенію, что это совершенно новый родъ, и онъ заключаетъ свое письмо по этому поводу словами: «Вы видите, что я придаю большое значеніе вашимъ сообщеніямъ и я постараюсь воздать вамъ должное, когда буду писать объ этихъ различныхъ породахъ».

Въ своемъ отвѣтѣ Эдвардъ пишетъ: «Я зналъ, что эта рыба не изъ рода макрелей, такъ какъ я ее изучилъ. Это гораздо болѣе блестящій видъ; окраска и блескъ могутъ сравниться, если еще не превзойдутъ—сь рыбой серебрянкой. Такую-же рыбку, какъ посланная вамъ, я сохранялъ живою въ теченіе двухъ дней; она была самая осторожная и самая беспокойная изо всѣхъ мною раньше видѣнныхъ. Поймалъ я ее маленькой ручной сѣткой, которую употребляю для ловли мелкихъ ракообразныхъ. Сначала поймалъ только одну; черезъ вѣсмѣсколько дней—вторую и съ ней еще нѣсколько. Нѣкоторыхъ нашель еще выброшенными волной на берегъ. Между посыпаемыми теперь есть и старыя и молодыя; одна—только-что вышедшая изъ яйца, еще даже не освободившаяся отъ оболочки. Будьте добры, когда будете мнѣ писать, сообщить название рыбки».

М-ръ Кучъ написалъ на это: «Ваша послѣдняя посылка получена въ цѣлости и въ порядкѣ, и я сердечно благодарю за нее. Я тотчасъ написалъ отчетъ объ этой рыбѣ; намѣреваюсь назвать ее Couchia Thompsoni, и я бы со-вѣтовалъ вамъ, такъ какъ многіе, можетъ быть, обратятся къ вамъ за образцами этой рыбы,—запастись наизвѣзможно большимъ количествомъ экземпляровъ... Я долго не отвѣчалъ вамъ,—причиной тому было сильное горе, постигшее меня: я потерялъ старшаго сына, выдающагося врача,

жившаго въ Пензансѣ, гдѣ я провелъ, ухаживая за нимъ, двѣ недѣли. Ему было всего 46 лѣтъ и онъ былъ выдающимся ученымъ по разнымъ отраслямъ науки. Вы можете судить по этому, что энергія къ работе на нѣкоторое время ослабѣла у меня. Я покоряюсь, какъ это въ состояніи было дѣлать мой сынъ, волѣ Божіей, но не легко отъ всего сердца сказать: «Да будетъ воля Твоя!»

Упомянутую выше рыбку Эдвардъ нашелъ въ маѣ 1863 г.; черезъ нѣсколько недѣль она скрылась съ береговъ и до слѣдующаго мая ничего подобного не было видно. Затѣмъ снова онѣ исчезли и появились опять къ концу августа.

«Желая воспользоваться такой счастливой случайностью, я собралъ большое количество, конечно, не для истребленія, этихъ крошечныхъ созданій, къ тому-же и прелестныхъ, а для удостовѣрѣвія въ ихъ настоящей величинѣ. Затѣмъ я снова вернулъ ихъ родной стихіи, чemu и онѣ были очень рады, почувствовавъ себя опять на свободѣ. Я убѣдился, что онѣ были ничуть не больше ростомъ, чѣмъ пойманныя въ маѣ, и что настоящая величина ихъ не болѣе дюйма.

Повидимому, это—рыбы глубокихъ водъ и, какъ сельди, посѣщають берегъ только случайно. Подобно этимъ послѣднимъ онѣ стадныя рыбы, плаваютъ небольшими стаями; онѣ самые бдительныя, самые дѣятельныя и самые проворныя изъ всего рыбьяго племени. Кромѣ тѣхъ, за которыми я наблюдалъ въ морѣ, я сохранилъ нѣкоторое количество ихъ живыми на окнѣ у моего рабочаго стола, такъ что имѣлъ и удовольствіе и возможность наблюдать ихъ привычки постоянно и мое терпѣніе и время вполнѣ вознаграждены».

Какъ-только это открытие стало известно ученыму миру, многочисленные запросы посыпались къ Эдварду и множество желавшихъ имѣть образцы «новой рыбы» обращалось къ нему. Между прочимъ, и д-ръ Грэй просилъ

нѣсколько экземпляровъ для отечественаго отдѣла Британскаго музея.

Между тѣмъ, Эдвардъ не переставалъ отправлять м-ру Кучъ все новые образцы. 5-го сентября 1864 года онъ писалъ: «При этомъ посыпаю вамъ еще маленькую рыбку, которую, надѣюсь, вы мнѣ опредѣлите, когда будете имѣть время. Я, признаюсь, теряюсь въ опредѣленіи; хотя и маленькая, но она такъ пропорціональна во всѣхъ отношеніяхъ, такая плотная и крѣпкая, что нельзя подозрѣвать въ ней еще молодой, не вполнѣ доразвившійся экземпляръ. Я поймалъ ее въ стаѣ другихъ крошечныхъ рыбъ недѣли двѣ тому назадъ; послѣ того, хотя закидываю свою сѣточку ежедневно, не встрѣтилъ больше ни одной подобной».

М-ръ Кучъ очутился въ такомъ же недоумѣніи, какъ и Эдвардъ; сначала онъ сказалъ, что это губанъ, *Wrass labrus*, хотя и не вполнѣ сходный съ известными ему формами. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ: «Я думаю, что ваша маленькая рыбка—молодой пескарь». Этимъ Эдвардъ не удовлетворился и отвѣтилъ, что рыба хоть маленькая, но вполнѣ взрослый экземпляръ, что, быть можетъ, это изъ Томпсоновыхъ ирландскихъ рыбъ. М-ръ Кучъ на это отвѣтилъ, приславъ ему описание Томпсона, что «изъ прилагаемаго описанія вамъ будетъ ясно, что это не можетъ быть изъ ирландскихъ Томпсоновскихъ рыбъ; думаю, что это настоящая крошка-макрель». Но разсмотрѣвъ еще разъ, онъ пришелъ къ окончательному заключенію, что это давно потерявшая и не встрѣчавшаяся серебристая *Gade* или мошка Монтэгю.

Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, въ Девоншире пользовался известностью капитанъ Георгъ Монтэгю, спортсменъ и служака; живя въ деревнѣ, близъ моря, онъ направилъ свое вниманіе на произведенія природы. Сначала это было дилетантство, а потомъ приняло серьезный оборотъ. Какъ охотникъ, онъ сталъ тщательно наблюдать

тицъ и напечаталъ «Орнитологический словарь птицъ Британіи». Затѣмъ поле его наблюденій расширилось; море—эта чудесная сокровищница природы — представляетъ всегда большой интересъ для изслѣдователей. Все живущее въ морѣ и надъ нимъ такъ отлично отъ всего живущаго и растущаго на землѣ, что все, имѣющее отношеніе къ этой водной стихіи, полно заманчивой таинственности.

Полковникъ былъ незаурядный наблюдатель, онъ обладалъ необычайно проницательнымъ взоромъ и никогда не забывалъ ничего, ясно имѣ разъ видѣннаго. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ естествоиспытателей Англіи по части серьезныхъ изысканій и логическихъ выводовъ. Покойный профессоръ Форбсъ говорить о немъ, что «если-бы онъ получилъ хорошее образованіе серьезнаго физиолога и занимался-бы не для удовольствія изученіемъ природы, а для научныхъ цѣлей, то имя его было бы на-ряду съ именами величайшихъ представителей англійской науки. Описанія его не подлежать никакому сомнѣнію... Онъ былъ къ тому-же философъ, видѣвшій многое впередъ; описанія его останутся вѣчными». То-же могли-бы мы сказать и объ Эдвардѣ, который, будучи, сравнительно, почти необразованнымъ, обладалъ тѣми-же качествами: наблюдательностью и проницательностью. Такжѣ ничего не забывалъ изъ видѣннаго имъ, и могъ плавно и живо описать форму, видъ, привычки, свойства и образъ жизни всякаго видѣннаго имъ животнаго, несмотря на множество и громадное ихъ разнообразіе.

Этотъ то капитанъ Монтэгю въ 1808 г. открылъ на берегу южнаго Девоншира ту самую рыбку-крошку, которую Эдвардъ нашелъ въ Муррейскомъ заливѣ въ 1864 г. Полковникъ ясно и подробно описалъ рыбу во 2-мъ томѣ мемуаровъ Вернеріанского естественно-исторического общества, но рисунка не приложилъ; назвалъ же ее *Gadus argenteolus*. Умеръ полковникъ и съ нимъ забыли о рыбѣ.

56 лѣтъ спустя она снова была открыта Эдвардомъ. Послѣдующіе ихтиологи, описывавшіе британскихъ рыбъ, думая, что капитанъ по ошибкѣ принялъ молодой экземпляръ какого-нибудь вида, всѣмъ извѣстнаго, за новую рыбу, игнорировали его описание. Даже м-ръ Кучъ, наиболѣе знающій изъ ихтиологовъ того времени, вычеркнулъ ее изъ своего списка британскихъ рыбъ. Но Монтэгю былъ слишкомъ наблюдателенъ, чтобы такъ ошибиться. Недаромъ профессоръ Форбсъ сказалъ про него, что «тождественность каждого животнаго, имъ описанаго, не подлежитъ никакому сомнѣнію, вслѣдствіе чего описанія его останутся навсегда вѣрными».

Поэтому-то м-ръ Кучъ и удивился такъ, получивъ отъ Эдварда такъ долго считавшуюся затерянной рыбу. «Между вашими маленькими рыбками,—пишетъ онъ въ отвѣтъ Эдварду,—есть одна, полученіемъ которой я очень доволенъ; исторія ея очень любопытна. Вамъ хорошо извѣстна маленькая макрель-крошка, мною впервые изслѣдованная и названная Томпсономъ *Couchia glauca*. Но раньше того, капитанъ Монтэгю напечаталъ отчетъ объ одной очень сходной породѣ, отличающейся лишь тѣмъ, что имѣла около рта всего два усика. Кажется, что рисунка не было, но онъ говорить обѣ этой рыбѣ какъ встрѣчающейся въ Девонширѣ, гдѣ онъ жилъ. Никто не видаль впослѣдствіи рыбы, соотвѣтствующей его описанію, лѣтъ 50 уже, и думали, что произошла какая-либо ошибка. Но Монтэгю былъ прекрасный натуралистъ и добросовѣстный наблюдатель. Онъ назвалъ свою рыбу «серебристый гадусъ» потому, что онъ писалъ ранѣе, чѣмъ Кьюье, выдѣливший этихъ рыбъ совершенно въ отдельный видъ — мотелла. Ваша же рыба вполнѣ подходитъ къ этой затерянной рыбѣ Монтэгю. Если я сообщу вамъ, что Монтэгю опредѣляетъ даже число перьевъ въ плавникахъ, то вы можете судить, какъ точны были его наблюденія. Когда я окончу свое описание британскихъ рыбъ, то намѣренъ,

въ видѣ приложенія, дать описание нѣкоторыхъ рыбъ, полученныхъ мною слишкомъ поздно, чтобы войти въ списокъ. Конечно, я постараюсь, чтобы эта маленькая рыбка нашла тамъ мѣсто, при чемъ упомянуть ваше имя, какъ вновь ее открывшаго.

Въ замѣткѣ, которую Эдвардъ помѣстилъ объ этой рыбѣ, онъ пишетъ: «Могу упомянуть, что этотъ родъ рыбъ, обозначенный наименованіемъ крошечекъ или комаровъ, вслѣдствіе ихъ маленькаго размѣра, заключаетъ въ себѣ три вида и все онѣ, какъ теперь достовѣрно известно, водятся въ Муррейскомъ заливѣ, такъ какъ и старыя и молодыя ловились здѣсь,—обстоятельство, которое можетъ относиться только къ нашему округу. Это можно приписать не столько отсутствію самихъ рыбъ, сколько недостатку настоящихъ искателей подобныхъ предметовъ; мы не можемъ ни на минуту сомнѣваться, что если рыбы могли находиться въ такихъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, какъ Корнуоллъ, Бельфастъ, Девонъ и Муррэй, то чтобы ихъ не было и въ промежуточныхъ мѣстностяхъ. Подобная вещь мнѣ представляется совершенной невозможностью. Такъ пусть же тѣ, кто живетъ вдоль береговъ, если имѣютъ время и любовь къ этимъ предметамъ или даже при неимѣніи времени, пусть только имѣютъ добрую волю, пусть они, говорю я, внимательнѣе присмотрятся къ окружающему, и они найдутъ, я не сомнѣваюсь, множество рѣдкостей и настоящихъ перловъ природы».

Этимъ не закончились открытія Эдварда въ мірѣ этихъ крошечекъ Мурреysкаго залива. Въ ноябрѣ 1865 г. онъ снова послалъ м-ру Кучъ экземпляръ маленькой рыбки, пойманной имъ и казавшейся ему совершенно новой. М-ръ Кучъ отвѣтилъ, что она не только новость для него, но и неизвѣстна въ наукѣ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что эта посылка пришла слишкомъ поздно, чтобы попасть въ списокъ рядомъ съ родственной ей крошкой Монтагю въ его сочи-

нені, послѣдній выпускъ котораго только-что отпечатанъ. Онъ прибавляетъ: «Такъ какъ ваша маленькая рыба несомнѣнно новый видъ, то я думалъ послать отчетъ о ней въ общество Линнея, въ случаѣ чего, я думалъ, было бы лишь справедливо придать ей ваше имя».

Едва ли нужно описывать весь рядъ новыхъ рыбъ Муррэйского залива, которыхъ находилъ и изслѣдовалъ Эдвардъ. Эти рыбы большою частью попадаются и въ Средиземномъ морѣ: бонитъ, рыба-кормчай, тунецъ, луна-рыба и нѣсколько видовъ акуль. Подобныя странныя рыбы находились и раньше. Но Эдвардъ никогда не пропускалъ случая тщательно изслѣдовать и описывать ихъ, печатая въ «Зоологѣ», «Натуралистѣ», а иногда и въ «Банфширскомъ журналь»е. Онъ старался также сохранить нѣсколько образцовъ для Банфскаго музея, котораго онъ былъ смотрителемъ.

Когда Эдвардъ сообщилъ м-ру Кучу о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ и о борьбѣ, которую ему приходится выдерживать при формировании музея, то этотъ послѣдній отвѣтилъ: «Я сочувствую вамъ, но не безъ улыбки смотрю на ваше разочарованіе и непріятности при попыткахъ усовершенствовавія музея, но настоящая любовь къ природѣ и даже желаніе узнать что-нибудь больше, чѣмъ возможно при поверхностномъ взгляде на предметъ, встрѣчается очень рѣдко; рѣдко можно внушить такое чувство, разъ оно не дано отъ природы. Въ вашемъ музѣ должно быть собраніе книгъ по естественной исторіи... То, что вы говорите о новой крошкѣ, напоминаетъ мнѣ случившееся со мной, когда я впервые заявилъ объ открытіи крошки-макрели.

Отчетъ объ этомъ былъ прочитанъ въ обществѣ Линнея, но съ печатаніемъ его медлили, думая, какъ я полагаю, что рыба эта не болѣе, какъ молодая особь какого-либо другого извѣстнаго вида. Во внутреннемъ строеніи рыбъ есть много общезвѣстныхъ вещей, но удостовѣрены

онъ могутъ быть лишь вскрытиемъ. Въ действительности богатства природы неистощимы; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы прекратили наши исканія, хотя и знаемъ, что не можемъ раскрыть все. Самая непріятная сторона при этомъ то, что мы видимъ, какъ часто наши авторитеты дѣлали весьма важные, крупныя ошибки».

Труды м-ра Кучъ и м-ра Спенса Бэтъ были окончены печатаніемъ и оба они были такъ многимъ обязаны Эдварду и его изслѣдованіямъ, что оба сошлись въ своихъ попыткахъ предложить его въ члены-сотрудники Линнейского общества, въ награду за его труды. М-ръ Кучъ въ своемъ письмѣ къ Эдварду отъ 1 ноября 1865 г. говоритъ: «Есть еще одно обстоятельство, на которое я хочу обратить ваше вниманіе; въ нашемъ свѣтѣ почетъ все-же имѣть нѣкоторое значеніе, а тотъ, на который я намекаю, имѣть цѣнность самъ по себѣ, да и вамъ ничего не будетъ стоить. При Линнейскомъ обществѣ есть сотрудники, чи-сло которыхъ ограничено 30, но къ настоящее время, я думаю, ихъ не болѣе 28. Эти сотрудники пользуются нѣ-которыми правами и привилегіями, а чтобы быть выбран-нымъ, необходимо получить рекомендацію трехъ членовъ, которую, я полагаю, вы можете получить. Я подпишу съ удовольствіемъ; безъ сомнѣнія, то-же сдѣлаетъ и м-ръ Грэй».

М-ръ Бэтъ горячо поддерживалъ предложеніе. Рекомендація была подписана и послана въ общество.

Докторъ Грэй былъ того мнѣнія, что подобная же рекомендація должна была бы быть послана и въ общество зоологовъ для принятія Эдварда въ сотрудники. Но это, кажется, не было сдѣлано. Наконецъ, день избранія насталъ, и 5 апрѣля 1866 г. Эдвардъ былъ единогласно избранъ сотрудникомъ *).

*) Просматривая отчеты Линнейского общества, мы находимъ, что 1 февраля 1866 г. Томасъ Эдвардъ былъ предложенъ въ сотрудники гг. С. Бэтъ, Д. Кучъ, А. Ганкокъ, Н. Бради, Е. Грэй и М. Бердъ. Онъ выбранъ баллотировкой 5 апр. 1866 г.

М-ръ Кучъ, поздравляя его по этому поводу, пишеть: «Количество членовъ-сотрудниковъ теперь ограничено, такъ что трудно быть выбраннымъ, тѣмъ болѣе это почетно».

Вышло по пословицѣ: «не было ни гроша, да вдругъ алтынъ». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Эдвардъ единогласно былъ принятъ въ члены Абердинскаго общества естествоиспытателей, а въ мартѣ 1867 г. онъ получилъ дипломъ на званіе такого же общества въ Глазго.

Но нѣть пророка въ своемъ отечествѣ. Хотя въ Банфѣ было общество науки, литературы и искусства для поддержанія отечественныхъ талантовъ, но члены его не выбрали Эдварда даже и въ почетные члены. Линнейское общество, безъ сомнѣнія, самое выдающееся общество натуралистовъ во всемъ мірѣ, признало за Эдвардомъ талантъ и значеніе и выбрало его въ сотрудники. Ученые же городка Банфа съ недовѣріемъ и боязью отнеслись къ своему соотечественнику-башмачнику. Надо прибавить, что это учрежденіе г. Банфа, не найдя ни отечественнаго, ни какого-либо другого генія или таланта, который бы стоилоподдержать, покончило свое существованіе въ 1875 г., передавъ коллекцію городской корпораціи, въ чьемъ вѣдьніи она состоитъ и теперь.

ГЛАВА XVII.

ДРЕВНОСТИ—КУХОННЫЕ ОСТАТКИ.

Эдвардъ проработалъ около десяти лѣтъ на морскомъ берегу, собирая ракообразныхъ, моллюсковъ, рыбъ и разныя морскія произведенія. Онъ пріобрѣлъ почетъ и потерялъ здоровье. Докторъ не разъ предупреждалъ его, уговаривая оставить ночные занятія и избѣгать простуды. Оставилъ ночные экскурсіи, Эдвардъ отчасти поправилъ здоровье, но оказаться отъ изученія природы онъ не хотѣлъ.

Тѣмъ не менѣе онъ вынужденъ былъ окончательно оставить свои занятія *). Снова былъ приглашенъ докторъ, который нашелъ его совершенно больнымъ. Повторилась та же исторія—лихорадка и больное горло, результаты пребыванія на холоду и въ водѣ и недостаточность питанія. На этотъ разъ болѣзнь была серьезнѣе, чѣмъ прежде. Но время сдѣлало свое, и онъ оправился. Докторъ опять имѣлъ съ нимъ серьезный разговоръ и пригрозилъ ему даже пріютомъ для умалишеннѣхъ, если онъ не оставитъ навсегда свои изысканія вѣтъ дома.

*.) Это, вѣроятно, было въ началѣ 1868 г. Послѣднее письмо, полученное Эдвардомъ отъ м-ра Спенса Бэтъ, посыпано 3 марта 1868 г. Въ этомъ письмѣ м-ръ Бэтъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ, приславшихъ ему Эдвардомъ мѣсяца три назадъ, морскихъ животныхъ. Переписка этимъ оканчивается.

Когда Эдвардъ снова былъ въ состояніи двигаться, то, къ своему величайшему огорченію, онъ долженъ быть сознать, что карьера его дальнѣйшихъ изслѣдованій тайнъ природы окончена. Хотя духъ его сохранилъ прежнюю силу и бодрость, физически онъ сильно пострадалъ. Эластичность зрѣлаго возраста пропала безвозвратно.

Эдвардъ былъ такъ подавленъ этимъ сознаніемъ, что до нѣкоторой степени у него пропала даже охота заниматься ремесломъ. Что же ему было дѣлать? Пользовавшій его врачъ думалъ, что для него было бы лучше оставить башмачное ремесло и заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Онъ посовѣтовалъ ему заняться изученіемъ электричества и устроить гальваническую батарею и съ этой цѣлью далъ ему книги, касающіяся этого предмета. Но Эдвардъ пришелъ къ заключенію, что онъ недостаточно знакомъ съ механизмомъ человѣческой организаціи, чтобы примѣнить силу электричества, какъ лѣкарство. Но докторъ настаивалъ. Къ нему приходило такъ много пациентовъ электризоваться, что онъ не успѣвалъ заняться съ ними самъ и хотѣлъ отсылать ихъ всѣхъ къ Эдварду. Но Эдвардъ не хотѣлъ быть обманщикомъ и вводить электричество, о которомъ онъ зналъ очень немного, въ тѣло человѣческое, о которомъ онъ зналъ еще меньше. Наконецъ, онъ пришелъ къ рѣшенію не принимать вовсе систему лѣченія болѣзней электричествомъ *).

Послѣ того ему посовѣтовали поискать какого-нибудь мѣста, имѣющаго отношеніе къ его любимымъ занятіямъ. Хотя Эдвардъ все время былъ смотрителемъ Банфскаго музея, но вознагражденіе его было слишкомъ ничтожно: въ 1852 г. онъ былъ назначенъ на это мѣсто съ жалованіемъ 2 гинеи въ годъ; черезъ 12 лѣтъ службы возна-

*) О неудачномъ примѣненіи лѣченія электричествомъ безъ достаточныхъ медицинскихъ познаній можно найти замѣчательный примеръ въ жизни достопочтеннаго м-ра Робертсона въ Брайтонѣ.

граждение это возросло до 4 гиней *). Но и это было недостаточно. Понятно, что Эдвардъ желалъ бы получить мѣсто, оплачиваемое настолько, чтобы онъ могъ содержать семью. Но связей у него не было и не было никого, кто бы могъ оказать ему въ этомъ содѣйствіе. Самъ же Эдвардъ былъ слишкомъ застѣнчивъ и робокъ, чтобы лѣзть впередъ, и поэтому махнулъ рукой на этотъ проектъ.

Онъ попробовалъ взяться за фотографію: досталъ себѣ руководство и изучилъ его, пріобрѣлъ камеру и аппараты. Для этого, разумѣется, пришлось ему опять обратиться къ своему банку — т. е. продать опять часть своей коллекціи. Занятія фотографіей ему понравились и черезъ нѣсколько времени онъ уже могъ дѣлать весьма удачные портреты. Но онъ убѣдился, что вполнѣ хорошія фотографіи нельзя получить, не имѣя нарочно для того приспособленнаго застекленнаго помѣщенія. Такой комнаты у него не было и не было денегъ, чтобы построить ее. Снимки онъ производилъ на открытомъ воздухѣ. Кромѣ того, его беспокоило отсутствіе гибкости и нѣкоторая деревянность рукъ, благодаря надвигавшейся старости. Въ городѣ были и другие фотографы, имѣвшіе возможность обставить свое дѣло лучше, и поэтому неудивительно, что его дѣло шло не особенно бойко. Но все же нѣкоторыя его работы, главнымъ образомъ портреты его самого и семьи, принадлежать къ чрезвычайно удачнымъ.

Тѣмъ временемъ, однако, умъ его, привыкшій къ дѣятельности, и не покидавшая его наблюдательность не позволяли ему успокоиться. Все, что онъ могъ сдѣлать для науки, было имъ сдѣлано, но оставалось еще много вещей, о которыхъ можно было и думать, и писать. Его интересовали всегда различные древности, и онъ началъ съ древностей Банфа. Нѣсколько статей на эту тему появились

*) Музей перешелъ въ городъ въ 1866 г. и жалованіе Эдварду увеличено было до 13 ф. 13 ш. Теперь полагается 16 ф., изъ коихъ 4 помощнику.

въ Банфширскомъ журналѣ съ слѣдующимъ введеніемъ издателя: «Недавно мы упоминали, что соотечественникъ и житель нашего города м-ръ Томасъ Эдвардъ занять обработкой статей, касающихся древностей нашего города и его окрестностей. Съ удовольствіемъ предлагаемъ мы читателямъ слѣдующія выдержки изъ его работы. Онъ заключаютъ, какъ увидятъ читатели, два проекта, имѣющихъ серьезное практическое значеніе — одинъ относительно возстановленія въ городѣ древняго городскаго Креста, а другой касается сооруженія фонтана питьевой воды».

Что Эдвардъ говоритъ объ этихъ двухъ предложеніяхъ, увидимъ изъ его словъ:

«Банфъ, какъ и каждый другой городъ, имѣлъ свой Крестъ; гдѣ стояла эта городская святыня во время происходившихъ тутъ всевозможныхъ переворотовъ, намъ неизвѣстно. Говорятъ, впрочемъ, что послѣднее его мѣсто было на Нижней улицѣ. Отсюда, мы думаемъ, онъ былъ перенесенъ почти на цѣлую милю отъ города (къ чести нашего общественнаго городскаго управления) для украшенія какой-то голубятни, на земль, горожанамъ недоступной, хотя по справкамъ оказывается, что онъ все еще составляетъ собственность города. Если это такъ, то, намъ бы казалось, слѣдуетъ его вернуть. Да, мы говоримъ—верните нашъ почитаемый, старый и священный Крестъ. Ни для кого не новость идущія во всей странѣ работы по возстановленію древнихъ памятниковъ, и хотя у насъ ничего подобнаго еще не дѣлается, но все же нашъ древній Крестъ долженъ быть возстановленъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и тѣмъ больше будетъ заслуга тѣхъ, кто это совершилъ.

Наши благотворительныя учрежденія, какъ извѣстно, многочисленны и хорошо устроены. Однако же у насъ не хватаетъ одного и это одно стоило бы немногого и въ то же время всѣмъ принесло бы громадную пользу. У насъ есть

много богатыхъ людей, живущихъ въ городе, между которыми нашлись бы такие, которые могли бы подарить насть этымъ желаннымъ благомъ. Мы говоримъ о фонтанѣ питьевой воды. Пусть вспомнятъ, что теперь это распространяется повсемѣстно, хотя у насть нѣть еще. По нашему убѣжденію, это было бы большимъ и неоцѣненнымъ благомъ для нашего города.

У насть могутъ спросить, что же тутъ общаго съ древностями? Положимъ, дѣйствительно, немного, но имѣйте терпѣніе. Мы сказали, что подобный фонтанъ стоилъ бы недорого. Разъ онъ будетъ сооруженъ, то для поддержания его достаточно было бы ежегодныхъ процентовъ съ небольшого капитала. Кроме того, что это было бы благодѣяніе для тысячи людей, въ то же время фонтанъ могъ бы служить украшеніемъ города и однимъ изъ лучшихъ, какимъ только можетъ наградить насть современная изобрѣтательность. Предположимъ, что кто-нибудь изъ нашихъ благодѣтелей, который захотѣлъ бы передать свое имя будущимъ поколѣніямъ, какъ благодѣтеля и друга человѣческаго рода, окажется сочувствующимъ нашему проекту и дастъ намъ фонтанъ—нельзя развѣ будеть поставить, для увѣнчанія этого сооруженія, нашъ Крестъ. Намъ кажется, что такъ, и мы увѣрены, что это была бы самая лучшая и соответствующая эмблема. Но хотя бы ничего подобнаго и не случилось, мы все же будемъ настаивать на возстановленіи нашего старого, почитаемаго Креста».

Статья не дала никакихъ результатовъ. Проектъ возстановленія Креста пришелся не по вкусу нѣкоторымъ влиятельнымъ городскимъ обывателямъ и былъ положенъ подъ сукно.

Гораздо болѣе успѣха имѣлъ Эдвардъ въ своихъ разслѣдованіяхъ «кухонныхъ остатковъ» въ Бойнди — очень любопытнаго памятника древности. Кучи этихъ остатковъ были открыты въ большомъ количествѣ вдоль береговъ

острововъ Даніи. Не менѣе полутораста уже найдено теперь въ самой Даніи. Главнымъ образомъ они состоять изъ пустыхъ раковинъ, устрицъ, ракушекъ различныхъ сортовъ, вперемежку съ костями четвероногихъ, птицъ и рыбъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ находятся куски и обломки глиняной и каменной посуды и грубая каменная и костяная орудія, оставленные или брошенные обѣдавшими по близости, какъ ненужныя.

Вышина, ширина и длина этихъ холмовъ весьма различна. Въ вышину они бываютъ отъ 3 — 10 футовъ, въ длину же тянутся иногда до 1000 ф.; ширина же колеблется отъ 100 — 200 ф. Изъ этихъ остатковъ явствуетъ, что какой-нибудь доисторический народъ жилъ на берегу моря или приходилъ сюда, когда не хватало пищи внутри материка, и питался моллюсками и рыбами. Ясно, что они выѣзжали и въ море, пользуясь при этомъ лодками, выдолбленными изъ древеснаго ствола (какія и теперь встречаются въ торфяныхъ болотахъ Даніи), потому что въ остаткахъ попадаются кости рыбъ, живущихъ на большой глубинѣ, какъ: треска, сельди, скаты. Никакихъ остатковъ земледѣльческихъ продуктовъ или домашнихъ животныхъ (исключая собаки) не найдено въ этихъ курцахъ, такъ что, вѣроятно, народъ, населявшій тогда эту мѣстность, занимался только охотой и рыбной ловлей, не зная ни скотоводства, ни земледѣлія.

Кто именно былъ этотъ древній народъ — съ точностью не опредѣлено, такъ какъ по этому поводу было высказано множество предположеній. Весьма возможно, что это были лапландцы или эскимосы. Самые древніе черепа, найденные въ Даніи, по близости этихъ кургановъ съ различными кухонными остатками — маленькие и круглые, указывающіе, что народъ, населявшій эти мѣста, былъ не крупнаго сложенія. Чарльзъ Лайэль говорить, что между ними и черепами теперешнихъ лапландцевъ есть много общаго. Весьма вѣроятно, что большая часть Европы

была вначалѣ заселена лапландцами, которые со временемъ были вытѣснены къ сѣверу наплывомъ болѣе цивилизованной расы. До сихъ поръ еще есть остатки лапландцевъ, живущихъ на островѣ Мальмэнъ у береговъ Швеціи, въ сѣверномъ Коннаутѣ, на островѣ Аранъ въ Ирландіи, у западныхъ береговъ Шотландіи, на островѣ Льюисъ и во многихъ другихъ мѣстахъ *). Когда раскопки, сдѣланные въ Даніи, стали известны и въ Англіи, то и здѣсь начались разысканія съ цѣлью напасть на слѣдъ подобныхъ же кухонныхъ остатковъ. Намъ неизвѣстно, были ли первыя изслѣдованія сдѣланы вдоль береговъ Муррейского залива, но они первыя, о которыхъ имѣются сообщенія. Многочисленныя груды раковинъ давно уже замѣчены были вдоль береговъ. Вышина ихъ достигала выше обыкновенного уровня высочайшихъ приливовъ, и преобладающее впечатлѣніе, производимое ими, было какъ будто бы эти груды нанесены водой океана въ какой-либо очень давнишній періодъ. Ихъ приводили также какъ доказательство возвышенія морского берега.

Въ Бойнди, близъ Банфа, эти кучи остатковъ давно славились какъ мѣстонахожденіе всевозможныхъ раковинъ, вслѣдствіе этого, вѣроятно, эта мѣстность получила название *Shelly bush* (т.-е. раковинный кустъ). Уже около 40 лѣтъ назадъ вниманіе Эдварда было привлечено на эти груды мальчикомъ, собиравшимъ тогда тутъ раковины. Тогда же Эдвардъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что это прежній наносный морской берегъ, и хотя впослѣдствіи часто проходилъ вблизи, но не измѣнялъ своего мнѣнія. Когда однажды, въ 1850 г., онъ гулялъ съ профессоромъ

*) Докторъ Беддоуз въ своемъ сочиненіи «*Stature and Bulk of Man in the British Isles*» говоритъ: «Черноволосые шотландцы по строенію и чертамъ подходятъ къ финскому типу, темперамента меланхолического (стр. 13). Жители острова Льюисъ, сдѣловательно, въ группѣ Гебридскихъ, указываютъ на тотъ же финский типъ и малорослость, какъ и первоначальное населеніеaborигеновъ.

Макгилливрэемъ изъ Абердина вдоль холмовъ побережья, онъ указалъ своему спутнику на эту возвышенную гряду раковинъ. Профессоръ замѣтилъ, что онъ никогда не видалъ, чтобы морской берегъ, повышаясь, имѣлъ такой видъ.

Прошли годы, и по мѣрѣ того, какъ грубые руки прикасались къ этимъ кучамъ и колеса проѣзжавшихъ телѣгъ давили ихъ, раковины и кости, находившіяся тамъ, все больше обнажались. Тѣмъ не менѣе все же продолжали считать это ничѣмъ инымъ, какъ прежней береговой линией. Но тутъ появились извѣстія изъ Даніи о кухонныхъ остаткахъ. Въ журналѣ «Natural History Review» за октябрь 1861 г. появилась статья м-ра Люббока, обратившая вниманіе археологовъ на этотъ предметъ. «Замѣчаніе Макгилливрэя,—говорить Эдвардъ,—воскресло въ моей памяти. Я осмотрѣлъ раковины нашей мѣстности и сравнилъ эту гряду съ возвышеннымъ берегомъ короля Эдуарда въ Гамри. Я тотчасъ замѣтилъ разницу и улыбнулся своей собственной несообразительности. Вернувшись тогда же въ Бойнди, я удостовѣрился, къ моему невыразимому удовольствію, что принимаемые мною за прежнюю береговую линію холмы были ни болѣе ни менѣе, какъ груды кухонныхъ остатковъ».

Достопочтенный докторъ Гордонъ нашелъ подобное же собраніе раковинъ на берегу озера Спайни, бывшемъ несомнѣнно когда-то морскимъ рукавомъ. Насыпь эта находится въ небольшой рощѣ на землѣ фермы Бригасъ и въ значительной мѣрѣ уже уменьшилась, такъ какъ сверху постоянно снимали и свозили на соѣднія поля, для удобренія или для образованія вала около полей. Насыпь или, лучше сказать, пары холмовъ,—такъ какъ насыпь перерѣзана на-двоє—была вѣроятно очень большихъ размѣровъ. Въ длину она имѣеть около ста ярдовъ и до 30-ти въ ширину. Больше всего тамъ раковинъ, извѣстныхъ подъ называниемъ «buckie» или приморская башенка; затѣмъ слѣ-

дукоть устричныя раковины, которыя были, вѣроятно, мѣстныя и превосходныя. Эта морской заливъ, обратившійся въ озеро Спайни, былъ превосходнымъ мѣстомъ въ то время для ловли устрицъ. На всемъ плоскомъ пространствѣ, на большое протяженіе вокругъ озера, встрѣчаются и теперь устричныя раковины, вѣроятно на тѣхъ же мѣстахъ, где онѣ водились. Но теперь и устрицы, какъ и народъ, населявшій тогда эти мѣста, — давно исчезли.

Затѣмъ слѣдуютъ, по количеству — ракушка, гребенки и др. раковины, все съѣдомыхъ породы. «Такимъ образомъ очевидно, — говоритъ д-ръ Гордонъ, — что эти насыпные холмы — дѣло рукъ человѣческихъ, а никоимъ образомъ не слѣдствіе прилива или другой какой-либо естественной причины. Всѣ раковины, встрѣчающіяся въ подобныхъ кучахъ, принадлежали моллюскамъ, употребляемымъ въ пищу и до нашихъ дней, и кроме того все уже большими, вполнѣ развившимся экземплярамъ. Такого подбора не могло бы быть въ наносныхъ холмахъ, где находимъ массы маленькихъ и молодыхъ особей, иногда даже въ преобладающемъ числѣ и не исключительно съѣдомыхъ сортовъ. Ясно, что собрано это человѣкомъ и для его цѣлей. Да и много еще различныхъ доказательствъ, не допускающихъ никакого сомнѣнія, можетъ быть приведено въ пользу этого мнѣнія. Однимъ изъ важныхъ аргументовъ можетъ считаться то обстоятельство, что устрицы и башенки никогда не встрѣчаются въ морѣ вмѣстѣ или перемѣшанными. Устрицы живутъ на большой глубинѣ, а приморская башенка только въ мѣстахъ, залываемыхъ морскимъ приливомъ; морская гребенка любить песчаныя мѣста, а ракушки прикрепляются всегда къ скалѣ или къ твердому грунту. Во многихъ мѣстахъ среди этихъ кучъ раковинъ встрѣчаются камни, повидимому подвергавшіеся дѣйствію огня; вѣроятно они употреблялись при строицѣ, какъ и донынѣ случается видѣть у на-

родовъ, чуждыхъ еще культурѣ, складывающихъ первобытные свои очаги изъ простыхъ камней».

Раковины, найденные Эдвардомъ въ кухонныхъ остаткахъ въ Бойнди, весьма сходны во многомъ съ найденными достопочтеннымъ мистеромъ Гордономъ въ Бригзесъ: тѣ же раковины и кости кроликовъ, зайцевъ и оленей, остатки различныхъ рыбъ, какъ, напримѣръ, кости скатовъ; немного и изъ породы краббовъ; обломки посуды и маленькие обуглившіеся куски дерева и зола. Зола совершенно такая-же, какая остается отъ дерева или торфа. Находились также и небольшіе камни, частію почернѣвшіе, какъ будто и ихъ употребляли для кухонныхъ цѣлей.

«Замѣчательно, — говоритъ Эдвардъ въ своемъ отчетѣ объ этихъ остаткахъ въ Бойнди, — что нѣкоторыя изъ найденныхъ раковинъ разсыпаются при малѣйшемъ прикосновеніи, между тѣмъ какъ другія такъ крѣпки, что надо гигантскія силы, чтобы ихъ раздавить. При этомъ эмаль нѣкоторыхъ раковинъ и окраска такъ свѣжі, какъ будто животное только - что вынуто, другія-же, напротивъ, выцвѣли и такъ мягки, что скорѣе похожи на мокрые лоскутки пропускной бумаги. И эти противоположности можно найти рядомъ, захвативъ пригоршню раковинъ, на одномъ мѣстѣ. Разбирая этотъ старый мусоръ, пальцы скоро становятся совершенно черными. И здѣсь, въ Бойнди, какъ и въ другихъ мѣстахъ въ подобныхъ же грудахъ, болѣе крупныя кости всегда расколоты, не перерублены, а расколоты вдоль, вѣроятно, чтобы воспользоваться на-ключавшимся въ костяхъ мозгомъ, до которого эти народы, повидимому, были большие охотники. Они разбивали кости чѣмъ-либо тяжелымъ, какъ мы поступаемъ съ клещами омара и крупныхъ морскихъ раковъ, чтобы добыть оттуда мякоть».

Г. Энгельгардтъ, описывая кухонные остатки, найденные въ Даніи, говоритъ, что между костями никогда не попадались человѣческія. Сэръ Люббокъ тоже говоритъ,

что «отсутствие человеческих костей служить достаточнымъ доказательствомъ, что первоначальные обитатели сѣвера не принадлежали къ людѣдамъ». Новѣйшія изслѣдованія, однако, набросили иѣкоторую тѣнь на эту увѣренность. Въ этнологическомъ обществѣ, въ декабрѣ 1864 года, м-ръ Лэнгъ читалъ отчетъ о своихъ разысканіяхъ въ Кейсѣ въ графствѣ Кэтнессъ, неподалеку отъ главнаго города графства—Уика. Тамъ, въ этихъ грудахъ кухонныхъ остатковъ, было множество пустыхъ раковинъ, перемѣшанныхъ съ костями, осколками кремня и самыми грубыми орудіями каменнаго вѣка. Между костями найдена была дѣтская челюсть, тоже расколотая, такъ же какъ другія кости, какъ бы для добыванія мозга. Это послужило поводомъ къ предположенію, что если каннибализмъ не былъ преобладающимъ, то все-же случался между людьми, которымъ принадлежать эти остатки.

Въ грудахъ раковинъ, какъ въ Бойнди, такъ и въ Бригзестѣ, не встрѣчено человеческихъ костей, такъ что замѣчаніе м-ра Лэнга все же остается лишь предположеніемъ. «Надо замѣтить,—говоритъ Эдвардъ,—что среди нашихъ раковинъ не найдено было орудій; указываетъ-ли это на болѣе ранній или поздній періодъ, думаю, преждевременно еще утверждать. Обломки кремня, кусокъ кремневаго ножа, каменный топоръ и еще иѣкоторые подобныя вещи найдены были вблизи Муррейширскихъ холмовъ, но не въ нихъ. Считается, что они принадлежать къ тому же періоду. Несомнѣнно, къ тѣмъ же давнопрошедшимъ временамъ падо отнести два странныхъ, грубаго вида куска камней, отдѣланныхъ въ формѣ ножей, наконечники стрѣль, найденные вблизи Банфа и теперь помѣщенные въ Банфскій музей. Мы имѣемъ, однако, несомнѣнныя доказательства, что люди, населявшіе тогда Бойнди, равно какъ и жители Даніи, занимались рыбной ловлей въ морѣ, что мы видимъ изъ того, что среди вывѣтревшихся раковинъ гребенки и морской башенки встрѣчается множество ко-

стей трески, вахни и позвонки скатовъ — все, встрѣчающееся лишь въ глубокихъ водахъ моря. Между тѣмъ, никакихъ слѣдовъ какихъ бы то ни было судовъ до сихъ поръ не встрѣчено вблизи нашихъ холмовъ съ кухонными остатками, за исключеніемъ лодки-однодеревки, весьма сходной съ древними датскими лодками, которая была найдена нѣсколько лѣтъ назадъ въ болотѣ между Портсомъ и Кулленомъ.

Во время одной недавней раскопки подобного холма, въ присутствіи одного духовнаго лица—моего пріятеля—мы нашли два сорта раковинъ, ранѣе незамѣченныхъ: плоскую башенку (*Littorina littoralis*) и сѣрую пирамидальную раковину (*Trochus cinerarius*). Въ наше время эти раковины весьма часто попадаются между приморскими скалами. Судя по отчетамъ, въ этихъ грудахъ чаще всего встрѣчается башенка; чѣмъ глубже мы копаемся, тѣмъ чаще встрѣчаемъ блюдечко, и далѣе въ глубину эта раковина остается почти единственной встрѣчающейся.

Беря во вниманіе всѣ эти обстоятельства и взѣсивъ все тщательно, мы невольно должны прийти къ заключенію, что эти кухонные остатки относятся къ очень отдаленной эпохѣ. Мы ничего не знаемъ о народѣ, оставившемъ намъ эти груды раковинъ и костей. Исторія и преданія одинаково молчатъ. Археологи кажутся безсильными помочь намъ, а зреініе этнологовъ недостаточно, чтобы проникнуть въ эти мрачныя глубины. Кажется, какъ будто это—одна изъ тѣхъ тайнъ прошедшаго, передъ которыми въ недоумѣніи останавливаются даже самые мудрѣйшіе».

Эдвардъ продолжалъ собирать для музея различные предметы среди этихъ кухонныхъ остатковъ: много раковинъ устрицъ, башенки, коричневаго труборога и др. съ различными остатками древности, найденныхъ въ грудахъ на землѣ фермы Бригзесь, близъ Эльгина. Между прочимъ найдена была одна берцовая кость какого-то исчезнувшаго животнаго, съ которой связана странная исторія.

Еще до своего официального положения въ музѣй, Эдвардъ какъ-то пошелъ туда со своимъ хозяиномъ и первый разъ тогда увидаль онъ тамъ эту особенную кость. Эдвардъ былъ пораженъ ея размѣрами, плотностью и особенностью формы. Ему вспомнилось, будто онъ видѣль нѣчто похожее на рисункѣ, но гдѣ и какъ, онъ не помнилъ рѣшительно. Видя, что онъ пристально разглядываетъ кость, смотритель музея спросилъ его, не извѣстно ли ему что-нибудь о ней. «Ничего рѣшительно,—отвѣчалъ Эдвардъ,—кромѣ того, что эта полуокаменѣвшая кость мнѣ кажется костью одного изъ тѣхъ допотопныхъ чудовищъ, которыя время-отъ-времени попадаются то тамъ, то тутъ, но что это такое именно, я не знаю».—А мнѣ кажется,—сказалъ смотритель,—что это не что иное, какъ корень какого-либо дерева: я собственно увѣренъ въ этомъ. Если бы это была кость, какъ вы говорите, то кто-нибудь изъ членовъ ученаго общества зналъ бы это.—«Подождите,—возразилъ Эдвардъ,—можетъ быть, кто-нибудь объяснить намъ все».—Ждите! дѣйствительно,—сказалъ смотритель,—она и такъ лежитъ здѣсь ужь долго. Частенько мнѣ приходило въ голову бросить ее въ огонь; да я это и сдѣлаю, при первомъ удобномъ случаѣ. Да ее бы тутъ и не было, если-бы не этотъ старый сумасшедшій (онъ называлъ прежнаго смотрителя), который только и думалъ о томъ, какъ бы наполнить музей всякимъ хламомъ.

Между тѣмъ, первоначальная история этой кости слѣдующая. Около 60 лѣтъ назадъ, вблизи Банфа понадобилось расширить какую-то плотину; одинъ изъ рабочихъ при этомъ наткнулся на глубинѣ около 6 футовъ отъ поверхности земли среди песку и глины на какой-то темный предметъ. Когда его обчистили, то оказалось, что предметъ формой своей напоминалъ большие песочные часы только съ менѣе ясно выраженнымъ перешейкомъ. Между рабочими были разногласія по поводу этого предмета. Одинъ называлъ это костью; другой — корнемъ отъ

сосны или ели. Кто-то попробовал расколоть его на части, но лопата загнулась, а расколоть не удалось. Переходя изъ рукъ въ руки, при чмъ никто не могъ опредѣлить, что это такое, предметъ этотъ попалъ къ капитану Рейду, который показалъ его тремъ главнымъ лицамъ изъ числа со-сѣдей: священнику, доктору и учителю.

Священникъ зналъ, положимъ, что въ моряхъ водятся какіе-то громадные левіааны, о которыхъ онъ читалъ въ Библіи, но никогда не читалъ указаній на то, чтобы подобные животныя находились на берегахъ, и поэтому ничего не могъ сказать относительно этой кости. Докторъ, повергнувшись довольно долго ее въ рукахъ, сказалъ, что это кость, но ни въ какомъ случаѣ не человѣческая. Учитель, подобно своимъ прочимъ товарищамъ, тоже не могъ пролить больше свѣта на эту находку. Онъ даже думалъ, что это не кость, а громадный кусокъ окаменѣлого бамбука. Тогда обратились къ ученымъ банфскаго общества, но и они не сказали больше, чмъ первые трое. Наконецъ, капитанъ Рейдъ подарилъ эту кость въ музей банфскаго ученаго общества. Тамъ она и осталась, пока Эдвардъ не увидаль ее впервые.

Кажется, что смотрителю эта кость порядочно надобла. По крайней мѣрѣ, ему хотѣлось отъ нея отдеяться и онъ, вынувъ ее изъ витрины, гдѣ она была выставлена, бросилъ ее въ хламъ. Когда Эдвардъ былъ назначенъ помощникомъ смотрителя музея, лѣтъ 9 спустя, первымъ его намѣреніемъ было посмотреть на тотъ столъ, гдѣ была кость и, увы, ее тамъ не оказалось. Онъ перепискалъ весь музей и не нашелъ, такъ что уже испугался: не привель-ли смотритель въ исполненіе свое намѣреніе и не сжегъ-ли ее.

На слѣдующее утро Эдвардъ получилъ приказаніе разобрать и уничтожить груду ненужнаго валявшагося хлама, состоявшаго изъ поломанныхъ астрономическихъ инструментовъ, попорченыхъ молью животныхъ, птицъ и рыбъ и разныхъ другихъ ненужныхъ предметовъ, давно запущен-

наго музея. Эдвардъ принялъ за работу и, разбирая весь этотъ мусоръ, внутри груды нашелъ какой-то темный круглый предметъ. Онъ вытащилъ его и, къ удовольствію, увидѣль, что это была старая кость. Значить, она не сожжена! Эдвардъ обчистилъ ее и снесъ на прежнее мѣсто.

Когда смотритель пришелъ, чтобы убѣдиться, насколько подвигается уничтоженіе всякаго хлама, онъ случайно взглянуль на витрину, въ которой снова появилась кость, и остановился пораженный. «Вы снова положили этотъ предметъ на столъ», — закричалъ онъ. — Да, — отвѣтилъ Эдвардъ. — «Да развѣ вы не знаете, — продолжалъ смотритель, — что, поступая такимъ образомъ, вы оскорбляете меня и членовъ общества, которые требуютъ, чтобы всѣ предосудительныя вещи были удалены». — Очень жаль, — отвѣтилъ Эдвардъ. — «Такъ возьмите же немедленно и сожгите ее со всею прочею дрянью». Эдвардъ снялъ кость, но не сжегъ ее, а отнесъ домой, гдѣ и хранилъ, пока получиль возможность снова отнести ее въ музей.

Когда въ слѣдующій разъ смотритель вошелъ въ помѣщеніе, то онъ взглянуль на мѣсто, гдѣ лежалъ ненавистный предметъ, и, видя, что онъ взятъ, ничего не сказалъ больше. Вскорѣ послѣ того Эдвардъ самъ былъ назначенъ смотрителемъ и, получивъ власть, водворилъ кость на мѣсто. Его все занимала мысль узнать, какому животному принадлежала эта кость. Онъ обращалъ вниманіе всѣхъ посѣтителей на нее и разспрашивалъ, желая получить какія-либо указанія. Такъ проходило время, а кость все оставалась неопредѣленной и не поименованной.

Наконецъ, въ сентябрѣ 1859 г. сэръ Родерикъ Мурчисонъ и проф. Рамзай осчастливили музей своимъ посѣщеніемъ. Эдвардъ былъ увѣренъ, что первый будетъ въ состояніи сказать ему все, что хотѣлось ему знать относительно кости. Это былъ первый предметъ, который онъ подалъ въ руки Мурчисону. — «Можете-ли вы мнѣ сказать, что это такое, сэръ?» Тотъ взялъ, переворачивалъ, раз-

сматриваль и замѣтиль: «Это очень странная кость», — и затѣмъ спросилъ, гдѣ и когда она была найдена. Эдвардъ сказалъ ему все, что зналъ и добавиль: «Не можете-ли вы мнѣ сказать какому животному она принадлежить?» — Нѣть, не могу, — возразилъ сэръ Родерикъ. Также ничего не могъ сказать и проф. Рамзай. — «Видите-ли, — сказалъ Мурчисонъ, — это не моя специальность; это не вполнѣ геологический образецъ. Я больше по части камней, чѣмъ костей. Кромѣ того, часто представляется весьма затруднительнымъ различить маленькие куски или отдѣльные кости скелета. Особенно такія замѣчательныя, какъ эта, чтобы сказать съ увѣренностью, кому онѣ принадлежать. Но, — прибавилъ онъ, — если въ вашей коллекціи есть какіе-либо неопределенные еще камни или по сосѣдству есть какая-либо особенная скала, относительно которой вы или мѣстные геологи затрудняются, то покажите намъ и мы съ удовольствиемъ выяснимъ вамъ все. Что-же касается кости, то я вамъ посовѣтую отправить ей въ Лондонъ къ проф. Оуэну. Онъ специалистъ по определенію костей и скажетъ вамъ все. Передайте ему мой привѣтъ; скажите, что я видѣлъ васъ и посовѣтовалъ послать кость къ нему».

Эдвардъ, однако, не послалъ кость въ Лондонъ. Онъ зналъ по опыту, что подобные предметы, будучи отправлены куда-нибудь, рѣдко возвращаются назадъ. Со многими его ракообразными это было такъ. Онъ продолжалъ держать кость дома, разспрашивая всѣхъ ученыхъ, время-отъ-времени посѣщавшихъ музей. Но никогда ему не удалось получить благопріятный отвѣтъ на свои разспросы.

Прошли годы, а кость все оставалась неопределенной. Какъ-то Эдвардъ разбиралъ свои старыя книги и между ними попался ему второй томъ «Penny magazine». Случайно переворачивая страницы, замѣтиль онъ рисунки костей, которые еще лѣтъ сорокъ тому назадъ поразили его своими странными формами. И тутъ онъ припомнилъ, что именно рисунки этихъ-то костей впервые навели его

на мысль, что сохранившаяся въ музей кость принадлежала какому-либо исчезнувшему животному. Тутъ-же былъ и рисунокъ животнаго, которому, должно-быть, привадлежала кость. Это былъ *Plesiosaurus dolichodeirus*. Кость была изъ бедра передней лапы этого давно исчезнувшего чудовища.

Чтобы подтвердить свое предположеніе, Эдвардъ сфотографировалъ кость и отправилъ этотъ снимокъ одному лондонскому корреспонденту изъ своихъ ученыхъ знакомыхъ. Черезъ нѣсколько времени, онъ получилъ, къ своему большому удовольствію, удостовѣреніе, что кость была именно та, которую онъ опредѣлилъ. Такое подтвержденіе, конечно, вполнѣ вознаградило его за заботы, хлопоты и непріятности, причиненные ему этой костью. Насколько известно, никакой другой части скелета, ни, вообще, какого-либо остатка Плезіозавра, не было больше найдено въ Шотландіи. Они встречались иногда въ Англіи, въ пластахъ вторичной формациі, а на материкѣ, главнымъ образомъ, въ пластахъ известняка и оолита. Въ настоящее время эта кость, спасенная Эдвардомъ отъ сожженія, составляетъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ рѣдкостей банфскаго музея.

ГЛАВА XVIII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Трудовая жизнь Эдварда подходила къ концу. Онъ боролся, отвоевывая у науки дюймъ за дюймомъ, пока хватало силъ. При этомъ боролся онъ также и съ бѣдностью; и эта честная борьба, изъ которой онъ выходилъ всегда побѣдителемъ, стяжала ему славу. Говорять, что человѣкъ, могущій оплачивать свою жизнь, не бѣденъ. Эдвардъ всегда это дѣлалъ и не одолжался никому. Подъ конецъ жизни, онъ въ состояніи былъ зарабатывать не болѣе 8 шиллинговъ въ недѣлю. Но къ этому времени подросли уже дѣти, которыхъ онъ поддерживалъ въ юные годы и они помогали ему, въ свою очередь, подъ старость.

Впрочемъ, Эдвардъ состарился преждевременно. Здоровье его сильно пострадало отъ постоянного пребыванія по ночамъ на воздухѣ. Нѣсколько разъ повторялось у него воспаленіе легкихъ и горла, воспаленіе желудка и кишечка, при чѣмъ каждая болѣзнь подтачивала его силы, пока, наконецъ, онъ совершенно не прекратилъ свои изслѣдованія и ограничился только башмачнымъ ремесломъ, при случай исполняя свои обязанности смотрителя музея.

Но отдѣляться отъ своей любви къ природѣ онъ никогда не могъ и по-прежнему восхищался дѣлами Творца. Оправившись отъ одной изъ своихъ болѣзней, онъ отправился, ради перемѣны воздуха, на нѣкоторое время въ

Гентли. Жена сопровождала его. Когда она предложила это, онъ спросилъ о причинѣ. «Только, чтобы не оставлять тебя одного и помочь при случаѣ»,—отвѣтала она. Во время пребыванія тамъ, прежній зудъ естественно-историческихъ занятій овладѣлъ Эдвардомъ. Ему снова захотѣлось идти обыскивать лѣса, болота и холмы, но жена не оставляла его одного.

Если у него являлось желаніе перелѣзть черезъ изгородь или какой-нибудь валь, то она этому противилась: изгородь могла ему разорвать платье, а лазать и прыгать ей не подъ силу. И несмотря на его увѣренія, что онъ пройдетъ самъ и вернется, она не пускала. Съ наступленіемъ вечера, она говорила: «Теперь пойдемъ домой». Онъ протестовалъ, желая остаться. «Но я вовсе не желаю забираться съ вами въ какую-либо берлогу, подобно дикому звѣрю, да къ тому-же ночной воздухъ мнѣ вреденъ». Бѣдняга попалъ въ ежовыя рукавицы или, какъ онъ самъ выражался потомъ, «попалъ въ руки филистимлянъ».

По-прежнему Эдвардъ находилъ удовольствіе въ прогулкахъ по морскому берегу, по мѣстамъ прежнихъ своихъ экскурсій. Однажды, онъ попросилъ одного пріятеля пойти съ нимъ взглянуть на ту скалу, близъ Тайляра, съ которой онъ упалъ. Стоя на высотѣ надъ берегомъ и глядя внизъ на бухточки и извилины скалистаго берега, онъ замѣтилъ: «Много ловушекъ разставлялъ я здѣсь; я наполнялъ ихъ морской травой, а иногда кусками дохлой рыбы. Море, поднимаясь, наполняло мои ловушки и послѣ прилива не разъ находилъ я въ нихъ рѣдкихъ ракообразныхъ. Ловушки я разставлялъ вдоль берега на протяженіи около десяти миль. Немало времени возился я между этими скалами, но когда я забѣль и лежалъ въ жару, то долженъ былъ оставить свои ловушки и онѣ до сихъ поръ здѣсь».

«Какая это будетъ прекрасная находка для будущаго ихтиолога, — замѣтилъ его пріятель,—онъ найдетъ и готовыя ловушки, вѣроятно, полныя новыхъ сортовъ рако-

образныхъ).—Да,—замѣтилъ Эдвардъ,—можетъ быть такъ, но не думаю, чтобы скоро нашелся другой такой же чудакъ, какъ я!

Хотя Эдвардъ давно уже оставилъ свои поиски вдоль берега различныхъ рыбъ, ракообразныхъ и моллюсковъ, но у него была еще одна находка, которая до сихъ поръ оставалась неизвѣстной. У него была рыба, которую онъ нашелъ еще въ 1868 г. на скалистомъ берегу и которую онъ совершенно потерялъ изъ виду. Поймавъ, онъ продержалъ ее два дня живою, а когда она заснула, то положилъ ее въ бутыль съ намѣреніемъ послать ее м-ру Кучу. Но такъ или иначе, а бутылка затерялась и, хотя онъ перерылъ весь домъ, она все-таки не нашлась.

Только лишь черезъ годъ, перерывая свои бумаги съ щелью найти письма, о которыхъ мы говорили выше, онъ нашелъ бутыль съ рыбой на днѣ ящика. Велика была его радость. Но что ему было теперь дѣлать съ рыбой? М-ръ Кучъ уже умеръ, и остальные его знакомые, интересовавшіеся рыбами, также отошли въ вѣчность, и онъ не зналъ, къ кому обратиться съ просьбой опредѣлить его находку. Но такъ какъ онъ собирался въ Абердинъ къ м-ру Рейду, который былъ такъ добръ, что предложилъ написать его портретъ, то онъ захватилъ рыбу съ собой. М-ръ Рейдъ доставилъ ему рекомендацию къ профессору Николь, который сразу не могъ опредѣлить рыбу, но потомъ, обратившись къ своимъ сочиненіямъ по ихтиологии, нашелъ, что это былъ родъ Нильсоновскаго пискаря, до тѣхъ поръ неизвѣстнаго въ британскихъ водахъ.

Несмотря на громадное количество образцовъ и сотни ящиковъ, съ которыми Эдвардъ вынужденъ былъ разстаться, вслѣдствіе своихъ частыхъ болѣзней *), все же

*) Послѣ того какъ Эдвардъ продалъ большую часть своей третьей коллекціи въ 1867 году, докторъ Грэй изъ Британскаго музея писалъ ему: «Мне очень жаль, что я не зналъ объ имѣвшейся у васъ одной или вѣсколькихъ коллекцій, таъ какъ я съ удоволь-

у него оставалось около 60 ящиковъ, наполненныхъ образцами естественно-историческихъ предметовъ. Въ продолжение своей жизни Эдвардъ сдѣлалъ около 500 ящиковъ, и то безъ всякихъ инструментовъ, кроме своего башмачнаго ножа, молотка и пилы; собственоручно оклеилъ ихъ бумагой, покрасиль и застеклиль.

Что же касается количества различныхъ образцовъ, собранныхъ имъ въ теченіе 30 лѣтъ неустаниаго труда, то невозможно составить обѣ этомъ полнаго представленія, такъ какъ онъ не велъ никогда имъ счета.

Многія изъ его открытій уже приняты наукой, но большая часть останется навсегда неизвѣстной. Образцы, пославшіеся другимъ для опредѣленія, зачастую пропадали безслѣдно. Такъ было съ его зоофитами, насѣко-мыми, кораллами, губками, червями, плащеносками, иско-паемыми и растеніями.

«Если бы кто-нибудь, — говорить Эдвардъ, — сжалился въ то время надо мной (какъ бываетъ иногда съ другими) и вытащилъ бы меня изъ окружающей грязи, я быль бы въ состояніи самъ опредѣлять свои находки и самъ могъ бы обнародовать свои открытия».

Многіе изъ друзей Эдварда говорили ему, что ему слѣдовало бы расширить область своихъ изслѣдованій, про-никнувъ въ Абердинширъ и другія сѣверныя части Шотландіи, и изслѣдовать во всѣхъ направленихъ берега Муррейскаго залива. Другіе же говорили, что ему слѣдовало больше писать и печатать, сообщать публикѣ болѣе фактозъ. Единственное возраженіе, которое онъ могъ дѣлать подобнымъ союзчикамъ, было то, что онъ не имѣлъ ни

стремъ купицъ бы образцы моллюсковъ, голотурій, лучистыхъ, кольчатыхъ червей, иглокожихъ и медвѣдь рыбъ Банфширскаго музея, такъ какъ я очень люблю собирать образцы съ различныхъ мѣстъ береговой линіи. Если у васъ будутъ когда-нибудь еще, то прошу васъ извѣстить меня». Но эта просьба пришла слишкомъ поздно.

средствъ, ни возможности для этого, такъ какъ долженъ быть весь день работать изъ-за куска насущнаго хлѣба. Но было еще одно обстоятельство, затруднявшее его, помимо недостатка средствъ и времени. Когда онъ печаталъ свои личныя наблюденія, а не вычитанное изъ книгъ, то факты его, зачастую, оспаривались учеными натуралистами. Эдвардъ полагалъ, что это происходило оттого, что о нихъ никто раньше не слыхалъ и впервые оглашаетъ ихъ бѣдный башмачникъ. Это удерживало его отъ печатанія своихъ наблюденій, такъ какъ онъ не любилъ вызывать сомнѣніе, увѣренный въ своей правотѣ. Уже много лѣтъ спустя, когда стоящіе выше него на общественной лѣстницѣ печатали о подобныхъ фактахъ, то и наблюденія Эдварда были признаны вѣрными потому только, что отрицать ихъ уже нельзя было.

Оглядываясь на свое прошлое, Эдвардъ самъ даже былъ удивленъ, что онъ могъ сдѣлать то немногое, что онъ сдѣлалъ, среди постоянныхъ материальныхъ затрудненій и при недостаткѣ образованія, времени и книгъ. Какъ много дѣйствительно пришлось ему преодолѣвать. Его воспитаніе и недостатокъ школы въ дѣствѣ много ему повредили. А съ шести лѣтъ онъ уже началъ работать ради куска хлѣба и трудъ этотъ продолжался непрерывно, во всю остальную жизнь. Между тѣмъ несомнѣнно, что въ немъ было нечто большее, чѣмъ нужно для простого ремесленника. Умъ его былъ несравненно выше уровня, необходимаго для его будничныхъ, обычныхъ занятій. Въ немъ была душа настоящаго человѣка, въ лучшемъ значеніи этого слова, и притомъ человѣка, любившаго природу и всѣ ея произведенія.

Намъ, конечно, незачѣмъ распространяться о непреодолимой настойчивости и твердой увѣренности въ необходимости труда, которая были отличительными чертами его характера. Нечего и говорить объ его мужествѣ; стоить только вспомнить его путешествія, въ поискахъ за птичими

гнездами, его встречи съ хорьками и барсуками, его опасные блуждания по скаламъ и паденія съ высотъ на прибрежные камни, чтобы убѣдиться, что для достиженія своей цѣли онъ мужественно преодолѣвалъ всевозможныі опасности.

Еще важнымъ преимуществомъ для Эдварда—была его воздержанность; въ теченіе 36-ти лѣтъ онъ ни разу не переступилъ порога трактира или какого-либо увеселительного заведенія. Онъ не былъ членомъ общества трезвости, но трезвость и воздержаніе были его врожденными привычками. Пріятели совѣтовали ему не разъ выпивать хоть каплю виски въ холодныя ночи его экспкурсій, но онъ никогда этого не дѣлалъ. Выходя на ночь изъ дома, онъ бралъ съ собой лишь запасъ овсяныхъ лепешекъ, а пиль только свѣжую воду изъ встрѣчавшихся на пути ручейковъ.

Никогда не терялъ онъ даромъ ни минуты. Окончивъ дневную работу, онъ отправлялся въ лѣсъ, на берегъ моря или по окрестнымъ холмамъ и лугамъ, унося съ собой ужинъ, и возвращался всегда во-время, чтобы приняться съ утра опять за работу. Вечеромъ, при огнѣ, онъ приготовлялъ ящики для своихъ коллекцій или набивалъ чучела.

Къ чести Эдварда и жены его надо замѣтить, что они выросли семью свою, т.-е. 11 человѣкъ дѣтей, въ хорошихъ правилахъ и дали имъ образованіе лучшее, чѣмъ получила Эдвардъ. Они всегда были чисто и хорошо одѣты и обуты. Родители могли съ надеждой, бодро и радостно смотрѣть на будущее своихъ дѣтей. А что можетъ быть лучшимъ утѣшеніемъ бѣдняка, какъ не надежда на то, что подрастающія въ правилахъ нравственности, труда, знанія и порядочности дѣти достигнутъ лучшаго положенія. Много можно было бы сказать о старшей дочери Эдварда, которая не только помогала родителямъ, но и поддерживала брата въ школѣ и въ колледжѣ. Такая семья,

какъ семья Эдварда, составляютъ честь и славу своей родины и закрѣпляютъ въ ней твердый нравственный начала.

Вернемся, однако, къ самому Эдварду и его развитію. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ къ нему, авторъ настоящей книги какъ-то спросилъ его, какъ онъ познакомился съ учеными сочиненіями, столь необходимыми при занятіяхъ естественной исторіи. «Вы повидимому удивлены, — писалъ Эдвардъ въ своемъ отвѣтѣ, — что я не упоминаю о книахъ въ моихъ запискахъ. Также точно могли бы вы удивляться и тому, что я въ состояніи связать хоть нѣсколько фразъ и, вообще, что я могу писать. Мои книги, долженъ сознаться, были также малочисленны, какъ скучно и ничтожно было мое образованіе.

Я думаю, что вы сами знаете, что человѣкъ съ умомъ и волей не задыхнется даже и на этомъ свѣтѣ. Конечно, не будетъ онъ блестать и не будетъ такъ великъ, какъ если-бы получилъ образованіе и вѣнчаній лоскъ, но все же онъ не останется на всю жизнь въ грязи и мракѣ.

Вы, весьма вероятно, также удивляетесь, какъ я былъ въ состояніи сдѣлать что-либо, будучи лишь бѣднымъ башмачникомъ, не имѣя ни отъ кого помощи и весьма мало сочувствія и поощренія къ моимъ трудамъ. Многіе удивлялись этому, какъ и вы. Единственный отвѣтъ, который я могу дать на это — у меня была *воля* сдѣлать хоть то немногое, что я сдѣлалъ.

Если то, что я сдѣлалъ самъ, не только безъ посторонней помощи, но и безъ книгъ, кажется многимъ необыкновеннымъ, то что могъ бы я совершить, если-бы получилъ помощь, такъ часто мнѣ обѣщанную! Но время уже прошло и не стоитъ вспоминать объ этомъ! Если я терпѣль лишенія, то въ этомъ виноватъ я самъ и моя любовь къ природѣ».

Ему часто говорили, что ему во многомъ мѣшала его гордость, но онъ отвѣчалъ, что даже не знаетъ что та-

кое гордость. Если она состоит въ томъ, чтобы не просить милостыни въ нуждѣ, или въ стараніи скрыть свою бѣдность, даже когда нуждаешься въ помощи, чтобы люди не знали о тѣхъ лишеніяхъ, которыя переносилъ онъ, жена и семья, то въ такомъ случаѣ и онъ и жена его были горды. Они никогда не отказывались отъ дружеской помощи, но избѣгали общественной благотворительности.

«Благодаря моимъ дѣтямъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ,—вотъ уже иѣсколько времени, что я не знаю тисковъ нужды. Но врядъ ли бы я могъ избѣжать этого въ прежніе годы. Да это было бы даже выходящимъ изъ ряда вонъ явленіемъ. Какъ можетъ рабочій человѣкъ, да притомъ еще поденщикъ, башмачникъ, воспитать и вырастить многочисленную семью, не чувствуя по временамъ бѣдности и лишеній? У другихъ ремесленниковъ бываетъ периодически «глухая пора» и бойкое время хорошаго заработка; у башмачниковъ же, благодаря низкой заработной платѣ, нѣтъ никакой возможности, даже работая круглый годъ, отложить что-нибудь на черный день. А это дѣлаетъ житейскую борьбу еще тяжелѣе.

На основаніи этихъ фактовъ и другихъ, сообщенныхъ мною раньше, я готовъ поддерживать противъ всѣхъ то мнѣніе, что человѣкъ никогда не долженъ отчаяваться послѣ того, что я смогъ сдѣлать для достиженія своей цѣли. Твердость намѣренія и воля, дерзающая все преодолѣть, позволять, мнѣ кажется, совершить все. Воля—это ключъ, который отворяетъ намъ двери всюду, будь то наука или природа—во власти каждого выбирать себѣ путь».

Несмотря, однако, на силу воли и чрезвычайную настойчивость, потрудившись все-таки достаточно на пользу науки, Эдвардъ все же, какъ легко видѣть, былъ далеко недоволенъ результатами своихъ трудовъ. Правда, что онъ не разбогатѣлъ отъ своихъ зоологическихъ трудовъ, но не изъ-за денегъ же онъ и работалъ. Естественные науки

вообще не обогащаютъ своихъ послѣдователей, особенно тѣхъ, которые должны зарабатывать себѣ дневное пропитаніе. Но эти добровольно взятые имъ на себя труды даже не создали ему лучшаго положенія: онъ началъ жизнь башмачникомъ и оставался имъ до конца. Многіе называли его сумасшедшімъ за то, что онъ посвящалъ себя изученію животныхъ. Самъ онъ говоритъ: «Я всю жизнь до сумасшествія былъ влюблена въ природу».

«Если-бы не трудолюбіе моихъ дѣтей,—говорить онъ,—то мы бы уже нѣсколько лѣтъ бѣдствовали отъ голода, потому что всего собраннаго мною не хватило бы, чтобы прокормить меня на старости лѣтъ. Если я когда-либо жаловался на свою жизнь, то не въ этомъ отношеніи. Если-бы добываніе денегъ было цѣлью моей жизни и я преслѣдовала бы эту цѣль даже съ половиннымъ жаромъ и настойчивостью, чѣмъ я то дѣлала по отношенію къ изученію природы, то смѣло могу сказать, что былъ бы теперь богатымъ человѣкомъ.

Но не то, что я сдѣлала, волнуетъ меня, а то, что я не додѣлала. Я чувствую, что могъ бы сдѣлать гораздо болѣе, и причина—не недостатокъ воли, а недостатокъ средствъ! Вотъ это-то и грызетъ меня, когда я только подумаю объ этомъ. Я знаю, что именно я сдѣлала, и отсюда заключаю, насколько больше сдѣлала бы, если-бы получила хоть небольшую помощь. Подумайте только немного, каково бѣдному, почти безграмотному рабочему бороться въ теченіе столькихъ лѣтъ со всевозможными лишніями, имѣя въ виду лишь пріобрѣтеніе хоть немногихъ знаній и понятій о дѣлахъ творенія! Подумайте только объ этомъ и скажите можно ли судить меня за то, что я огорчаюсь и жалуюсь, что не имѣль своевременно помощи, которая дала бы мнѣ возможность сдѣлать болѣе? По этимъ причинамъ я иногда смотрю на мою жизнь, какъ на жизнь неудачника. Она похожа на алмазъ, извлеченный изъ

копей, который, вместо хорошей отдельки, брошенъ и разбить на тысячу осколковъ».

И все же Эдвардъ, въ общемъ, пользовался счастливой жизнью. Онъ всегда былъ полонъ надеждъ и благодушія. Всегда имѣть цѣль, которую преследовалъ, а это одинъ изъ секретовъ счастія. У него былъ всегда интересовавшій его вопросъ: это другой секретъ. Естественная же исторія представляетъ одинъ изъ наиболѣе занимательныхъ конековъ. Тутъ и приключения, и охота, и зачастую торжество новыхъ открытій. Какой онъ долженъ былъ испытывать восторгъ, найдя новую птицу, рыбу, морскую звѣзду или рака! Такоже немало удовольствія должна была доставлять ему корреспонденція съ самыми просвѣщенными людьми того времени, ихъ признаніе его открытій и почетъ, которымъ эти ученые награждали его.

Но каковъ онъ былъ дома? Человѣкъ можетъ быть очень пріятнымъ за стѣнами своего дома и совершенно другимъ въ домашнемъ кругу. Мы видѣли, что Эдвардъ былъ счастливымъ отцомъ и счастливымъ мужемъ. Дѣти его, какъ мы уже говорили, получили хорошее и нравственное воспитаніе. Это была лучшая по репутаціи семья въ Банфѣ. Въ дѣтствѣ они помогали ему въ его занятіяхъ, отыскивая различныхъ животныхъ, а подъ старость они помогали ему всѣмъ, чѣмъ могли. Развѣ это не прекрасная черта въ характерѣ человѣка—такое умѣніе воспитать дѣтей?

Что говорила о немъ жена? Когда ее спрашивали объ его акскурсіяхъ и ночныхъ путешествіяхъ, она говорила: «Но онъ такъ любилъ животныхъ и такъ интересовался ими, что я никогда на это не жаловалась. Башмачники вообще порядочные пьяницы, а животные удерживали его отъ этого. Мужъ мой былъ трезвымъ всю жизнь и никогда не пренебрегалъ своей работой, а я не препятствовала ему поступать какъ онъ хотѣлъ». Умная женщина!

Шотландскій народъ вообще не словоохотливъ. Онъ

рѣдко говорить о любви и привязанности. Для нихъ все это «само собою разумѣется». Говорять, что шотландецъ никогда не скажетъ женѣ, что любить ее, развѣ лишь только умирая. Но, войдя въ любой домъ, вы сами можете решить какова тамъ хозяйка и какъ относится къ ней мужъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что Эдвардъ, несмотря на бѣдность и стѣсненный обстоятельства, всегда пользовался счастливымъ семейнымъ уголкомъ, а это уже много значитъ.

Правда, что мужчина не удовлетворяется той любовью и уваженіемъ, которыми окружаютъ его дома,—ему нужны почетъ и уваженіе общества. Если человѣкъ работаетъ безкорыстно на пользу науки, трудится для приобрѣтенія знаній, то онъ приобрѣтаетъ право на уваженіе. Эдвардъ же видѣлъ, что труды его не оцѣнены надлежащимъ образомъ и это его, повидимому, очень волновало. Не разъ обѣщали ему помочь книгами, но и этого никто не сдѣлалъ, «Всѣ почести, полученные мною,—говорить онъ,—пришли издалека. Я былъ смотрителемъ Банфскаго музея 21 годъ, могу сказать, почти даромъ—такъ ничтожно было мое вознагражденіе. И хотя Линнеевское общество сочло меня достойнымъ быть выбраннымъ въ сотрудники, —здѣшніе члены не удостоили меня выборомъ. Но я не жалуюсь: граждане Банфа не имѣли права сдѣлать меня джентльменомъ».

Въ сущности для Эдварда можно считать несчастіемъ, что онъ жилъ такъ далеко отъ умственныхъ центръ. Банфъ городъ, сравнительно, глухой и малоизвѣстный, а при научныхъ занятіяхъ человѣку необходимо общеніе съ людьми своей специальности. Необходима и возможность пользоваться книгами. Банфъ въ этомъ отношеніи ничего не могъ ему доставить. Если бы онъ жилъ въ большомъ городѣ, имѣя подъ рукой библіотеку, то могъ бы приобрѣсти знакомства въ ученомъ мірѣ, среди некотораго не разбираютъ бѣденъ или нѣть человѣкъ,

нуждающейся въ поддержкѣ для развитія своихъ дарованій.

Но для Эдварда было трудно переселиться въ другое мѣсто. Ему надо было кормить семью, а переѣхать всѣмъ не было средствъ. И онъ прирость къ Банфу, какъ улитка къ скалѣ. Между тѣмъ онъ дѣлалъ все, что могъ, для улучшения своего положенія на мѣстѣ жительства. Онъ пробовалъ получить мѣсто въ полиціи, но, по неимѣнію связей, это ему не удалось. Онъ обратился въ медицинскую школу, прося мѣсто смотрителя музея, но оказалось, что тамъ свободно только мѣсто четвертаго сторожа. Онъ началъ заниматься изученіемъ электричества, съ цѣлью помочь доктору — лѣчить его пациентовъ. Но, думая, что скорѣе научится убивать, чѣмъ лѣчить, онъ бросилъ эту мысль. Затѣмъ онъ попробовалъ было заняться фотографіей, но за недостаткомъ средствъ оставилъ и это. Послѣдняя попытка его была желаніе получить мѣсто помощника смотрителя общественнаго промышленного музея въ Глазго. Но и это не удалось, такъ какъ некому было похлопотать за него.

Послѣ того какъ Эдвардъ рѣшилъ, что фотографія не можетъ служить ему средствомъ къ существованію, онъ снова вернулся къ своему старому ремеслу. «Какъ къ послѣднему и единственному оставшемуся у меня источнику, — говоритъ онъ въ іюнѣ 1875 г., — я обратился къ моему почтенному старому другу, пріязнь котораго освящена пятидесятилѣтнею давностью. Къ другу, никогда не измѣнявшему мнѣ, никогда не отказывавшему въ помощи, когда мое усталое тѣло нуждалось въ ней; къ мѣсту, где находили покой мои усталыя ноги,—къ моему заслуженному, потерпому чеботарному столу. *И вотъ я все еще здѣсь, опять на старомъ мѣстѣ, дѣлая то немногое, что могу; при помощи моей старой колодки стараюсь поддержать себя и семью, вполнѣ увѣренный, что не я отдѣлаюсь когда-нибудь отъ этихъ кожъ и «выколоткѣ», а*

онъ скоро перейдутъ къ кому-нибудь другому, когда меня не будетъ. И хотя я теперь похожъ на животное, не выходящее за предѣлы пастбища, и чувствую, что мои умственные и душевные силы уже не тѣ, все же я, какъ и прежде, въ состояніи восхищаться красотами и чудесами природы, служащими выраженіемъ несравненной мудрости и величія нашего Создателя».

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАТУРАЛИСТА ПЕРЕВОДЪ Е. Г. ТИХОМАНДРИЦКОЙ.

ГЛАВЫ:	СТР.
I. Первые годы	3
II. Школы и школьные учителя	19
III. Ученье мастерству	39
IV. Бѣгство изъ дома	49
V. Опять за старое	59
VI. Водвореніе въ Банфѣ	69
VII. Ночные скитальцы	83
VIII. Эдвардъ составляетъ коллекцію произведеній животнаго царства.	102
IX. Эдвардъ выставляетъ свою коллекцію въ Абердинѣ	120
X. Возвращеніе къ прежнему	143
XI. Эдвардъ начинаетъ печатать свои наблюденія	162
XII. Прогулки среди птицъ	183
XIII. Литература и корреспонденція	200
XIV. На берегу моря	221
XV. Открытия въ мірѣ ракообразныхъ	235
XVI. Открытия въ мірѣ зоофитовъ, моллюсковъ и рыбъ	243
XVII. Древности—кухонные остатки.	260
XVIII. Заключение	277